

ВИКЕНТИЙ ВЕРЕСАЕВ

Пушкин в жизни
Спутники Пушкина

Викентий Викентьевич Вересаев Пушкин в жизни. Спутники Пушкина (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4976961

Викентий Вересаев. Пушкин в жизни. Спутники Пушкина (сборник):

АСТ, Астрель, Харвест; Москва; 2011

ISBN 978-5-17-074602-6, 978-5-271-36319-1

Аннотация

Викентий Викентьевич Вересаев – русский прозаик, публицист, поэт-переводчик. В настоящем издании представлены получившие широкую известность его документальные работы, посвященные жизни А.С.Пушкина.

Содержание

Пушкин в жизни	4
Предисловие к первому изданию	4
Предисловие ко второму изданию	18
Предисловие к третьему изданию	19
Предки Пушкина	25
Детство	56
В лицее	78
Петербург	136
В Екатеринославе. На Кавказе. В Крыму	206
В Кишиневе	225
Конец ознакомительного фрагмента.	298

Викентий Вересаев

**Пушкин в жизни. Спутники
Пушкина (сборник)**

Пушкин в жизни

**Систематический свод подлинных
свидетельств современников**

Предисловие к первому изданию

Книга эта возникла случайно. Меня давно интересовала своеобразная личность Пушкина. «Ясный», «гармониче-ский» Пушкин, гениальный «гуляка праздный», такой как будто понятный в своей нехитрой гармоничности и благо-душной беспечности, – в действительности представляет из себя одно из самых загадочных явлений русской литерату-ры. Он куда труднее понимаем, куда сложнее, чем даже Тол-стой, Достоевский или Гоголь. Меня особенно интересовал он, как живой человек, во всех подробностях и мелочах его живых проявлений. В течение ряда лет я делал для себя из первоисточников выписки, касавшиеся характера Пушкина,

его настроений, привычек, наружности и пр. По мере накопления выписок я приводил их в систематический порядок.

И вот однажды, пересматривая накопившиеся выписки, я неожиданно увидел, что передо мной – оригинальнейшая и увлекательнейшая книга, в которой Пушкин встает совершенно как живой. Поистине живой Пушкин, во всех смелых его настроений, во всех противоречиях сложного его характера, – во всех мелочах его быта, его наружность, одежда, окружавшая его обстановка. Весь он, – такой, каким бывал, «когда не требовал поэта к священной жертве Аполлон»; не ретушированный, благонравный и вдохновенный Пушкин его биографов, – а «дитя ничтожное мира», грешный, увлекающийся, часто действительно ничтожный, иногда прямо пошлый, – и все-таки в общем итоге невыразимо привлекательный и чарующий человек. Живой человек, а не иконописный лик «поэта».

Незаменимое достоинство лежащего передо мной материала – что я тут совершенно не завишу от исследователя, не вынужден смотреть на Пушкина его глазами, руководствоваться цитатами, которые ему заблагорассудится привести. Передо мною – возможно полное собрание отзывов о Пушкине, и на их основании я имею возможность делать свои самостоятельные выводы. Отзывы эти были разбросаны по разнообразнейшим журналам, газетам, книгам, часто очень труднодоступным; всякий, желавший составить себе самостоятельное представление о Пушкине, должен был проде-

лывать долгую и кропотливую работу по собиранию материалов. Здесь эти материалы лежат перед читателем собранные, распределенные в систематическом порядке.

* * *

Прежде всего передо мною встал вопрос: какие сведения вводить в эту книгу, – все ли, до нас дошедшие, или только критически проверенные? Ведь вот и у самого Хлестакова мы находим воспоминания о Пушкине. Вы помните? «С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: – Ну что, брат Пушкин? – Да так, брат, – отвечает, бывало, – так как-то все... Большой оригинал!» Таких вспоминателей о Пушкине, – попросту сказать, вралей, в действительности, может быть, никогда даже и не видевших Пушкина, – в пушкинской литературе немало.

Дальше идет целая категория вспоминателей, стоявших в несомненной близости к Пушкину или к близким ему лицам, – и тем не менее очень мало достоверных. Большое сомнение внушают, напр., немногочисленные сведения, сообщенные о поэте его отцом Сергеем Львовичем, вроде, напр., утверждения, что Пушкин, поступая в лицей, говорил по-английски или что он в зрелом возрасте выучился испанскому языку. Некоторые подозрения вызывают и воспоминания о Пушкине его брата Льва, относящиеся как раз к тому времени, когда братья жили врозь. Чудовищно недобросовест-

ны воспоминания Л. Н. Павлищева, сына сестры поэта, Ольги Сергеевны. Он заставляет Пушкина произносить суконным языком длиннейшие и глупейшие, явно им выдуманые речи. Мало того: даже приводимые им якобы подлинные письма матери его и письма к ней сплошь им фальсифицированы. Это обнаружилось, когда Павлищев, после издания своей книги, неосторожно продал подлинники писем Академии Наук, и они были напечатаны в издании академии «Пушкин и его современники». Не внушают решительно никакого доверия и пресловутые «Записки А. О. Смирновой», изданные «Северным Вестником». Они настолько «обработаны» ее дочерью Ольгою Николаевною Смирновой, что нет никакой возможности отделить краткие сообщения матери от пространных измышлений дочери, – фальсификаторши, нужно сознаться, весьма умной и талантливой, не в пример Л. Павлищеву. Большую, напротив, ценность представляют подлинные записи А. О. Смирновой, опубликованные в «Русском Архиве» и некоторых других изданиях.

Далее идут показания случайных знакомцев Пушкина, воспоминания о мимолетных встречах с ним, – сообщения весьма различного достоинства и различной степени достоверности. Здесь мы, однако, встречаем такие ценные заметки, как воспоминания И. С. Тургенева или И. А. Гончарова. Рассказы «старожилов», записанные любителями через несколько десятков лет после воспоминаемых происшествий, – материал, в большинстве случаев, весьма сомни-

тельного качества.

Более или менее достоверный материал прежде всего, конечно, представляют показания самого Пушкина в его письмах и автобиографических заметках. Однако, с полным доверием принимать нельзя и их. В письмах, напр., к ревнивой своей жене Пушкин явно старается изображать свое поведение и свой образ жизни в слишком уж образцовом виде. Большого доверия заслуживают, в общем, воспоминания близких к Пушкину И. П. Липранди, И. И. Пущина, А. П. Керн, П. А. и П. П. Вяземских, П. В. Нащокина, П. А. Плетнева. Полезным противовесом к односторонне хвалебным воспоминаниям друзей являются такие враждебные к Пушкину воспоминания, как воспоминания барона (впоследствии графа) М. А. Корфа, С. Д. Комовского, Кс. А. Полевого, А. В. Никитенка, А. Н. Вульфа, А. П. Араповой и др. Особое место занимают сведения, сообщаемые П. В. Анненковым («Материалы для биографии Пушкина» и «Пушкин в Александровскую эпоху») и П. И. Бартеневым («Пушкин в Южной России» и многочисленные заметки в издававшемся им «Русском Архиве»). Ни Анненков, ни Бартенева лично Пушкина не знали. Но они были знакомы со многими из ближайших друзей Пушкина и с большою тщательностью собирали у них по горячим следам все, что те могли сообщить о Пушкине. Сведения, сообщаемые Анненковым и Бартеневым, вполне носят поэтому характер первоисточников.

Какие же сведения о Пушкине допустимо приводить в

предлагаемой мною читателю книге? Ограничиваться только строго проверенными сведениями, откидывая всё, сколько-нибудь возбуждающее сомнение? Но то была бы совсем другая книга, и она носила бы слишком субъективный характер. М. К. Лемке, напр. (Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909, изд. 2-е, с. 491), считает «безусловно соответствующим истине» рассказ чиновника Третьего Отделения А. А. Ивановского о разговоре его с Пушкиным в 1828 г. Мне же кажется совершенно невероятным, чтобы Пушкин мог так разговаривать с Ивановским. В этой книге мне хотелось собрать более или менее все, что сообщалось о личности Пушкина, устраняя лишь явно невероятные, явно выдуманные сообщения, как, напр., рассказ Ципринуса (О. А. Пржецлавского) об отношениях между Пушкиным и Мицкевичем (Рус. Арх. 1872, с. 1906–1907) или сообщение Льва Пушкина, будто в Кишиневе на обедах генерала Орлова прислуга обносила Пушкина блюдами, – сообщение, энергично опровергаемое Липранди¹. Исходя из этих

---

¹ Лев Пушкин рассказывает: «На обедах военная прислуга его обыкновенно обносила, за что он очень смешно и весело негодовал на Кишинев» (**Л. Майков, 8**). Совершенно невероятно, чтобы самолюбивый и раздражительный Пушкин мог «весело негодовать» на такое с собою обращение. Источник, из которого, все перепутав, почерпнул Лев Пушкин свое сообщение, вполне очевиден. **Путешествие в Арзрум**, гл. II: «Генерал Стрекалов, известный гастроном, позвал однажды меня обедать; по несчастью, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Черт побери тифлисского гастронома». – Здесь и далее не подписанные подстрочные примечания принадле-

соображений, я позволил себе, – правда, с большою осторожностью, – пользоваться даже такими книгами, как «Воспоминания» Л. Павлицева или «Записки» А. О. Смирновой. В распоряжении авторов были несомненно подлинныe материалы, касавшиеся Пушкина, и можно, – с некоторым, по крайней мере, вероятноeм, – предположить, что Павлицев не выдумал того или другого эпизода из детства Пушкина, сообщаемого им со слов своей матери, и что у Пушкина, действительно, могла быть привычка, отмечаемая Смирновой – выходить из комнаты, заканчивая речь громким смехом, – привычка, отмеченная и И. С. Тургеневым. Я счел далее возможным включить часто цитируемые выдержки из дневника поэта Теплякова, приводимые А. Греном. Выдержки, конечно, не подлинныe: таким бездарным языком Тепляков не мог писать; Пушкин в 1821 году не мог показывать Теплякову писем поэта Языкова. Но не исключена возможность, что приводимые сведения были сообщены Тепляковым Грену в устной форме, или что Грен их только прочел в дневнике Теплякова и цитировал на память: для выдумки сообщаемые сведения слишком уж мелки. То же и относительно воспоминаний г-жи Францовой. Приводимые этую наивною дамою якобы подлинныe стихи Пушкина, – конечно, грубая подделка. Но на этом основании мы не можем утверждать с полной уверенностью, что и сообщаемые ею семейные предания о Пушкине тоже сплошь выдуманы.

Многие сведения, приводимые в этой книге, конечно, недостоверны и носят все признаки слухов, сплетен, легенды. Но ведь живой человек характерен не только подлинными событиями своей жизни, – он не менее характерен и теми легендами, которые вокруг него создаются, теми слухами и сплетнями, к которым он подает повод. Нет дыма без огня, и у каждого огня бывает свой дым. О Диккенсе будут рассказывать не то, что о Бодлере, и пушкинская легенда будет сильно разниться от толстовской.

В этой книге перед нами живой Пушкин, но, конечно, окутанный дымом легенд и слухов. До какой степени, однако, интересно сопоставление разного рода сообщений даже сомнительного качества, показывает хотя бы, напр., история путешествия Пушкина из Одессы в Михайловское в августе 1824 года. Сообщения явно не совпадают друг с другом, явно друг другу противоречат, и, однако, всякий, я думаю, согласится, что в сумме они дают нечто весьма интересное и весьма для Пушкина характерное.

Повторяю: критическое отсеивание материала противоречило бы самой задаче этой книги. Я, напротив, старался быть возможно *менее* строгим и стремился дать в предлагаемой сводке возможно все, дошедшее до нас о Пушкине, кроме лишь явно выдуманного.

Само собой разумеется, книга эта даже в отдаленной мере не сможет заменить настоящей биографии Пушкина. Но я был бы рад, если бы она сделала излишними те многочис-

ленные писания, которые до сих пор сходят за биографические статьи о Пушкине: надергает человек интересных цитат из Липранди, Пущина, Керн, Анненкова, Бартенева, разве-дет их водою собственного пустословия, и биографическая статья готова.

Еще одно: вполне сознательно я не привожу ни одного *поэтического* показания Пушкина, хотя бы носящего явно автобиографический характер; у всякого поэта, а у Пушкина в особенности, *Dichtung* сильно разнится от *Wahrheit*², и поэтическое произведение никогда не бывает голым дневником поэта.

* * *

Большие трудности представляло распределение собранного материала в хронологическом порядке там, где точных дат в источниках не давалось. В ряде случаев помещение такой-то выдержки именно в таком месте обуславливалось целым рядом соображений, сопоставлений и справок, приводить которые я считаю излишним. Нередко, однако, помещение выдержки именно в данном месте являлось несколько произвольным. Но я старался при этом не вводить читателя в заблуждение. В начале подобной выдержки в скобках приведены те годы, на протяжении которых могло произойти опи-

---

² Поэзия... реальности (нем.). – Здесь и далее сноски, сделанные редакцией настоящего издания, снабжены пометой Ред.

сываемое событие. Иногда из самого текста читатель может усмотреть, в какой мере точно можно отнести цитату к тому времени, к которому отношу ее я. Кн. Вяземский, напр., рассказывает, как однажды Пушкин, *во время пребывания его на юге России*, поехал на любовное свидание и, увлекшись карточной игрой, забыл о свидании. Я отнес это к одесскому периоду жизни Пушкина, но, конечно, с той же вероятностью это могло произойти и в кишиневский период. Рассказы старожилов тех мест, где Пушкин бывал по несколько раз в своей жизни, я, опять-таки с некоторою долею произвольности, относил к тому времени, когда Пушкин всего дольше прожил в этой местности (если, конечно, не было прямого противосвидетельства в самом источнике). Так, напр., большинство сообщений о проживании Пушкина в Михайловском и Тригорском отнесено к 1824–1826 гг. Общие замечания о характере Пушкина, его привычках, наружности и т.п., если не было в источниках указания на точную дату, когда было высказано суждение, и если не было других каких-либо противопоказаний, я относил либо к тому времени, когда данное лицо всего чаще и интимнее встречалось с Пушкиным (напр., у Алексея Вульфа), либо к тому времени, когда оно видело Пушкина в последний раз. Супруги Нащокины, напр., в последний раз виделись с Пушкиным в мае 1836 года, – к этому времени и отнесена общая характеристика, даваемая ими Пушкину.

Источники, на которые приходится ссылаться часто, привожу в сокращенном написании. Вот их полные заглавия:

Аммосов А. – Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Изд. Исакова. СПб. 1863.

Анненков П. В. – Материалы для биографии Пушкина. Изд. 2-е. СПб., 1873.

Анненков П. В. – Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874.

Барсуков Н. П. – Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888–1910. Части 1–22.

Бартенев П. И. – Пушкин в Южной России. Изд. 2-е. М., 1914.

Батюшков К. Н. – Сочинения. Изд. П. Н. Батюшкова. СПб., 1886.

Вигель Ф. Ф. – Записки. Изд. «Русского Архива». М., 1891.

Кн. П. А. Вяземский. – Полн. собр. сочинений. Изд. графа С. Д. Шереметева. СПб., 1878–1887.

Кн. П. П. Вяземский. – Собрание сочинений. СПб., 1893.

Гастфрейнд Н. А. – Документы госуд. и с.-петербургского главн. архивов мин. иностр. дел, относящиеся к службе Пушкина. СПб., 1900.

Грот Я. К. – Пушкин, его лицейские товарищи и настав-

ники. Изд. 2-е. СПб. 1901.

Дела III Отдел. – Дела III Отделения об А. С. Пушкине. Изд. И. Балашова. СПб., 1906.

Дуэль. – Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. СПб., 1900.

Липранди И. П. – «Русский Архив», 1866.

Майков Л. Н. – Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899.

Модзалевский Б. Л. – Пушкин. Изд. «Прибой». Л., 1929 г.

Модзалевский Б. Л. – Пушкин под тайным надзором. Изд. «Парфенон». СПб., 1922.

Никитенко А. В. – Записки и дневник. СПб., 1905. Изд. 2-е.

Ост. Арх. – Остафьевский Архив князей Вяземских. Изд. графа С. Д. Шереметева. СПб., 1899.

Павлицев Л. И. – Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890.

Переписка Пушкина. – Изд. Академии Наук. СПб., 1906.

Полевой Кс. А. – Записки. СПб., 1888.

Пушкин и его совр-ки. – Пушкин и его современники. Изд. Академии Наук с 1903 г.

Рассказы о Пушкине. – Издание М. и С. Сабашниковых. М., 1925.

Рус. Арх. – журнал «Русский Архив» под ред. П. И. Бартенева.

Рус. Стар. – журнал «Русская Старина» под ред. М. И.

Семевского.

Смирнова А. О. – Автобиография. Изд. «Мир». М. 1931.

Сологуб В. А. – Воспоминания гр. В. А. Сологуба. Изд. А. С. Суворина. СПб., 1887.

Шляпкин И. А. – Из неизданных бумаг Пушкина. СПб., 1903.

Щеголев П. Е. – Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 2-е. СПб., 1917.

Яковлев В. А. – Отзывы о Пушкине с юга России. Одесса, 1887.

* * *

Подстрочные примечания, не подписанные, принадлежат составителю. Ему же принадлежат в тексте заключенные в скобки слова и фразы, набранные курсивом, – объясняющие или исправляющие текст. Цитаты из источников, писанных на французском языке, приводятся в русском переводе. В скобках отмечается, что подлинник писан на французском или французско-русском языке (*фр.*, *фр.-рус.*). Цитаты из писем помечаются просто именами автора письма и адресата, напр.: «А. И. Тургенев – кн. П. А. Вяземскому, 12 марта 1819 г.». Это значит: Тургенев *в письме к Вяземскому*. – Цитаты из писем и заметок самого Пушкина приводятся без ссылок на определенное издание сочинений Пушкина: по дате письма или заметки всякий легко найдет их в любом

имеющемся у него под руками издания Пушкина.

* * *

За указание на промахи и ошибки глубоко буду благодарен. Кто понимает, какая передо мною была трудная и новая работа, не станет слишком винить меня за них.

Горячая моя благодарность Мстиславу Александровичу Цявловскому за многообразную помощь, которую он мне оказывал в этой работе.

В. Вересаев

Москва, 7 февраля 1926 г.

Предисловие ко второму изданию

Многие читатели заявляли мне, что были бы очень желательны хотя бы краткие указания на степень достоверности тех или иных из сообщаемых данных о жизни Пушкина. В этом издании сообщения сомнительные отмечены впереди текста звездочкою. Разумеется, это еще не значит, что остальные сообщения вполне достоверны. Полная критическая проверка всех сообщаемых фактов была бы огромной работой, далеко выходящей за пределы задачи, преследуемой этою книгой.

Москва, 15 октября 1926 г.

Предисловие к третьему изданию

Книга эта вызвала в печати целый ряд отзывов, – как отрицательных, так и одобрительных. Отвечать на большинство возражений не стоит. Некоторые можно отметить лишь как курьез. Мне, напр., ставилось в упрек, что в книге Пушкин не отражается **как поэт**, что представление о нем получается неполное. Ну, конечно! По существу книга моя есть лишь сборник материалов, больше ничего. Материалом для суждения о Пушкине как поэте должны, естественно, служить его произведения, – не перепечатывать же мне было их в моей книге! Упрекали меня также, что не дана «социально-бытовая обстановка», не дана «эпоха» и т.п. Во сколько же томов должна бы была в таком случае разрастись моя книга! Конечно, и как поэт, и как продукт своей эпохи Пушкин должен найти отображение в своей **биографии**. Но книга моя – не биография Пушкина, считаю нужным повторить это еще раз. Она – только возможно полное и возможно объективное собрание материалов, касающихся непосредственно «Пушкина в жизни». Ничего, выходящего за намеченные пределы, от нее нельзя требовать.

Многих моих оппонентов коробит то якобы умаление личности Пушкина, которое должно получиться у читателей вследствие чтения моей книги. И все они дружно цитируют известное письмо Пушкина к Вяземскому по поводу уничто-

жения Т. Муром интимных записок Байрона:

«Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением. Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. Охота теперь видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могучего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. **Он мал, как мы, мерзок, как мы!** Врете, подлецы: он и мал, и мерзок – не так, как вы, – иначе!»

Вот на этом необходимо остановиться подробно. Пушкин не один раз высказывал приведенную здесь мысль. Еще ярче и определеннее высказал он ее в стихотворении «Герой»:

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной
Он угождает праздно! Нет,
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...

Высказываясь так, Пушкин был последователен. Но понимают ли мои оппоненты, к чему они сводят роль исследователя жизни великого человека, серьезно рекомендуя к руководству приведенную мысль Пушкина? Идеалом биографа делается Плутарх; печь великих людей становится легче, чем калачи или булки. Неверно, что Наполеон в Яффском гос-

питале пожимал руки чумным больным? Ну, что ж! «Утешься... **29 сент. 1830 г. Москва**»³. В этот день Николай посетил пораженную холерою Москву. И вот готов «герой» – русский император Николай II. «Да будет проклят правды свет!»

«Врете, подлецы: он и мал, и мерзок – не так, как вы, – иначе!» Так ли это действительно? Можно ли класть резкую, принципиальную качественно-разграничительную черту между «великим» человеком и обыкновенным? Нет спора, возможно, что одаренность в одной области накладывает своеобразный, необычайный отпечаток и на некоторые другие области душевной жизни человека. Но совершенно неверно, будто весь строй души великого человека, во всех его проявлениях, носит какой-то величественный, несвойственный другим людям отпечаток.

Если Гораций действительно бежал с поля битвы при Филиппах, «нечестно брося щит», – то бежал он, как самый обыкновенный трус, а не как особенный какой-то талантливый трус. Бэкон Веруламский торговал должностями и брал взятки, как самый ординарный взяточник, а не как взяточник, обогативший философию индуктивным методом. Во время революции 1848 года Шопенгауэр предоставил свою квартиру правительственному отряду для более удобного обстрела баррикад; Шопенгауэр был гениальный философ, но в данном случае он поступал просто как богатый чело-

---

³ Так заканчивается стихотворение Пушкина «Герой»

век, как своекорыстный член своего класса, которому революция грозила нанести ущерб. И когда Пушкин делал «отеческие внушения» своим крепостным слугам, то действовал он тут не как-то по-особенному, а как «дитя ничтожное мира», как типичный барин той эпохи, воспитанный в глубочайшем неуважении к личности крепостного раба.

Биограф или вспоминаатель обычно подходит к великому человеку именно с стремлением объяснить по-особенному, во что бы то ни стало оправдать или вовсе смазать темные его черты. Не понимают, что и вся-то красота живого человека – в его жизненной полноте и правдивости, что самый великий человек – все-таки человек с плотью и кровью, со всеми его человеческими слабостями и пороками. Посмотрите, напр., как зевотно-скучен, мертвен и благочестиво-плосок Лев Толстой в большинстве биографий и воспоминаний, – благообразный учитель жизни, светящийся любовью к миру и к людям, непрерывно источающий возвышеннейшие моральные истины, – и как прекрасен он в жизни, – ошибающийся, падающий, путающий, непоследовательный, колючий, мальчишески-задорный, самоуверенный, – неисчерпаемый родник энергии, искания и жадной влюбленности в жизнь.

Или Пушкин.

Казалось бы, например: для мужчины дело элементарной порядочности, если он вступил в тайную связь с женщиной, – молчать об этом, не разглашать тайны. Пушкин

же, после долгих домогательств добившись, наконец, благо-склонности Анны Петровны Керн, спешит в циничнейшей форме похвалиться победой перед своим другом Соболевским. О, как знакомы эти враждебно-загорающиеся глаза почитателей-кумиропоклонников, это стремление так или так оправдать темные черты идола! Спешат возразить: «Ничего такого в действительности не было, Пушкин просто шутиливо поддразнивал Соболевского!» Но ведь это же еще хуже, – пачкать имя женщины ложной похвалой перед приятелем. Или вообще столь часто отмечаемый современниками цинизм Пушкина. Опять возражают: «Он в этом отношении был только продуктом своей эпохи». Нет, именно и современников своих он поражал исключительным цинизмом. Однажды, весной 1829 г., за завтраком у Погодина Пушкин держался так, что Мицкевич два раза принужден был сказать: «Господа! Порядочные люди и наедине, и сами с собою не говорят о таких вещах!» Погодин по поводу этого завтрака замечает: «Много было сального, которое не понравилось». С. Т. Аксаков пишет: «Пушкин держал себя ужасно гадко, отвратительно». Очень часто и другие современники Пушкина отмечают этот его бросающийся в глаза цинизм, – кн. П. Вяземский, А. П. Керн, А. Н. Вульф, Ал. Н. Вульф и другие.

И тем не менее – Пушкин прекрасен. Прекрасен не потому, что всего указанного не было. Оно было. Было и много другого. Пушкин прекрасен потому, что, **несмотря на все**

ЭТО, душа его отличалась глубоким благородством и изяществом. Был цинизм, была нередко мелкая мстительность, была угодливость, была детская неспособность отстаивать свое достоинство и полное неумение нести естественные последствия своих действий. И все-таки исключительно-благородная красота его души пламенными языками то и дело прорывалась в жизни сквозь наносную грязь, ярким огнем пылала в его творчестве и ослепительным светом вспыхнула в его смерти. Умирал он не как великий поэт, а как великий человек. Да, великая была душа. И только в смерти Пушкина чувствуешь, сколько возможностей таилось в этой душе.

И совсем нет надобности скрадывать темные и отталкивающие стороны в характере и поступках Пушкина из боязни, что «толпа» с удовольствием начнет говорить: «Он мал, он мерзок, как мы!» Художник, рисуя прекраснейшее лицо, не боится самых глубоких теней, – от них только выпуклее и жизненнее станет портрет; и прекраснее станет лицо, если, конечно, – прекрасен оригинал. В этом же всё. Подлинно-великий человек с честью выдержит самые «интимные» сообщения о себе.

Коктебель. Июнь 1928 г.

Предки Пушкина

Мы ведем свой род от прусского выходца **Радши или Рачи** (мужа честна, говорит летописец, т.е. знатного, благородного), въехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шеферединовы и Товарковы.

Пушкин. Родословная Пушкиных и Ганнибалов, 1830.

«При державе великого государя и великого князя Александра Ярославича Невского прииде из немец муж честен именем Радша», – так начинаются родословные росписи, поданные в 1686 году представителями нескольких ветвей рода Пушкиных в Разрядный Приказ. Ссылаясь на предка, выезжего «из немец», Пушкины следовали общей тенденции русских дворянских родов, показывавших легендарных предков своих выходцами из иностранных государств: легенды эти, не поддаваясь исторической проверке, принимались на веру, давая право представителям родов гордиться своим древним происхождением и пользоваться им при разного рода служебных отношениях.

Пушкины были потомками Радши уже в седьмом колене. Всправке, выданной В. Л. Пушкину из Московского Архива Коллегии Иностранных Дел в 1799 году, ближайшее потом-

ство Радши записано так: «...**Колено седьмое**: у Александра дети: Федор Неведомица, Александр Пято, Давыд Казарин, Володимер Холопиво, Григорий Пушка». От Григория Пушки, жившего в конце XIV или в начале XV века, и пошли, собственно, Пушкины.

Б. Л. Модзалевский. Пушкин, с. 19, 21.

Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории. В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал Ивана Грозного, историограф (**Карамзин**) именует и Пушкиных. Григорий Гаврилович Пушкин принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой Пушкин, во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, «сделал честно свое дело». Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых, а один из них, окольный Матвей Степанович, под соборным деянием об уничтожении местничества. При Петре I сын его, стольник Федор Матвеевич, уличен был в заговоре противу государя и казнен вместе с Цыклером и Соковниным⁴.

Пушкин. Родословная Пушкиных и Ганнибалов.

Прадед мой Александр Петрович был женат на меньшей дочери графа Головина, первого андреевского кавалера. Он

---

⁴ Все перечисляемые здесь Пушкины не принадлежали к прямым предкам поэта.

умер весьма молод, в припадке сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах.

Пушкин. Там же.

Прадед Пушкина Александр Петрович родился, вероятно, в 90-х годах XVII века; в 1718–1719 году он был солдатом л.-гв. Преображенского полка, где в 1722 году был каптенармусом. Около этого времени он женился на Евдокии Ивановне Головиной, дочери одного из любимых «детищ» Петра Великого, впоследствии генерал-кригскомиссара и адмирала Ив. Мих. Головина. После убийства жены Александр Петрович прожил недолго и «умер в заточении», как показали его дети в прошении, поданном имп. Петру II. После его смерти остались двое малолетних детей, – Лев и Марья. Заботы о сиротах перешли, по-видимому, к их деду И. М. Головину. А. П. Пушкин был и сам по себе довольно состоятельным человеком, владея поместьями в Московском, Дмитровском, Коломенском, Рязанском, Зарайском и др. уездах. (Всего за ним было 1330 «четвертей», т. е. ок. 665 десятин.) Кроме того, в 1718 году он, по завещанию своего двоюродного деда Ив. Ив. Пушкина, получил все его имения, в том числе и историческое с. Болдино (Арзамасского уезда). В 1741 г. оно перешло, по разделу с сестрой, к Льву Александровичу Пушкину, позднее, – в 1780 г., – прикупившему к Болдину еще деревню и пустошь.

Б. Л. Модзалевский. Пушкин, с. 27–28.

Лев Александрович, дед поэта, родился 17 февр. 1723 г. Будучи в детстве записан в л.-гв. Семеновский полк, он в 1739 г. определен был капралом в артиллерию, в которой и прослужил до выхода своего в отставку, в сентябре 1763 года, подполковником. Первым браком Лев Александрович был женат (около 1744 г.) на М. М. Воейковой, а по смерти ее он женился вторично на Ольге Васильевне Чичериной. От этого брака родились два сына и две дочери: Василий (**известный в свое время поэт**), Сергей (**отец Ал. Серг-ча**), Анна и Елизавета.

Б. Л. Модзалевский. Пушкин, с. 29, 31.

Дед мой Лев Александрович во время мятежа 1762 года остался верен Петру III и не хотел присягать Екатерине, и был посажен в крепость вместе с Измайловым (странны судьба и союз сих имен!). Через два года выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением, хотя он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и в своих деревнях.

Пушкин. «В одной газете, почти официальной...», 1830.

Он был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он

весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды он велел ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полу-мертвою и положили на постелю всю разряженную и в бриллиантах. Все это знаю я довольно темно. Отец мой никогда не говорил о странностях деда, а старые слуги давно перемерли.

Пушкин. Родословная Пушкиных и Ганнибалов.

Петр Петрович Пушкин у. 1692 г.

Ж е н а — Ф. Ю. Есипова.

Александр Петров.,
у. 1726–1727 г.

Ж е н а — Евд. Ив. Головина,
у. 1725 г.

Федор Петрович,
у. 1727–1728 г.

Ж е н а — Кс. И. Коренева.

Лев Александрович,
р. 1723 г., у. 1790.

Ж е н а — О. В. Чичерина,
р. 1737, у. 1802.

Алексей Федорович,
р. 1717, у. 1777.

Ж е н а — С. Ю. Ржевская.

Марья Алексеевна,
р. 1745, у. 1818.

М у ж — Осип Абрамович Ганнибал,
р. 1744, у. 1806.

Сергей Львович,
р. 1770, у. 1848.

Ж е н а — Над. Ос. Ганнибал,
р. 1775, у. 1836

Надежда Осиповна Ганнибал,
род. 1775, у. 1836

М у ж — Сергей Львович Пушкин,
р. 1770, у. 1848 г.

Александр Сергеевич Пушкин, р. 1799, у. 1837 г.

Б. Л. Модзалевский. Пушкин, с. 35–36.

Александр Петрович Пушкин был прадедом поэта по отцу. Родной его брат Федор Петрович был прапрадедом поэта по матери. Таким образом, в лице родителей его слилось

потомство одного лица – Петра Петровича Пушкина, в течение долгих лет, по-видимому, не имевшее между собою общения и связей. Для большей наглядности приводим родословную таблицу, из которой ясно будет это слияние двух отраслей Пушкинского рода.

Родословная матери моей еще любопытнее. Дед ее был негр, сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом (*заложником*), и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами.

Пушкин. Примеч. к первому изданию главы первой «Евгения Онегина».

До глубокой старости Ганнибал помнил еще Африку, роскошную жизнь отца, девятнадцать братьев, из коих он был меньшей; помнил, как их водили к отцу, с руками, связанными за спину, между тем, как он один был свободен и плавал под фонтанами отеческого дома; помнил также любимую сестру Лагань, плывшую издали за кораблем, на котором он удалялся.

Пушкин. Примеч. к первому изданию главы первой «Евгения Онегина».

Родом я низайший из Африки, тамошнего знатного дворянства, родился во владении отца моего в городе Логоне, который и кроме того имел под собою еще два города. В 706

году выехал я в Россию из Царяграда при графе Савве Владиславиче волею своею в малых летах.

А. П. Ганнибал. Прощение имп. Елизавете Петровне об утверждении в дворянстве и даровании герба. – Д. Н. Анучин (профессор антропологии и этнографии). А. С. Пушкин. Антропологический эскиз. – Рус. Вед., 1899, отд. отт.

Сопоставляя все дошедшие до нас данные, мы можем прийти к таким заключениям относительно пушкинской Африки и родины пушкинского прадеда. Отец Ибрагима Ганнибала был владетельным князем в северной Абиссинии и имел резиденцию на абиссинском плоскогорье, на берегах Мареба, на границе между Хамасеном и Сарае, в Логоне. У этого князя была большая семья, много жен и детей, целый сераль. Прадед Пушкина был одним из младших сыновей этого князя, находившегося уже в преклонных летах; он пользовался, по-видимому, особенною любовью своего отца, что могло вызвать зависть в старших братьях (от других жен), которые и нашли случай от него избавиться. Случай этот был вызван необходимостью уплаты туркам дани или представления заложников; братья воспользовались, вероятно, этим обстоятельством и обманным способом доставили Ибрагима (по-абиссински – Араама) в турецкий пост Аркико, продали его там (или отдали взамен части дани в заложники) туркам, которые посадили его в лодку и повезли в Массову, а затем на корабле в Константинополь и, как

мальчика княжеского происхождения, представили во дворец к султану. Любимая, сопровождавшая Ибрагима сестра пыталась избавить брата от этой участи, но безуспешно; тогда в отчаянии она бросилась в море и утонула.

Сам Пушкин, как и почти все его современники, видел в «арапе Петра Великого» негра... По господствующему теперь в антропологии мнению, абиссинцы, как и другие ближайшие к ним племена северо-восточной Африки, должны быть обособлены по своему типу и от азиатских семитов, и от африканских негров. Тип абиссинцев воспринял в себя, несомненно, семитскую примесь, как с другой стороны и примесь крови негров, но в массе населения он является своеобразным, занимающим как бы среднее положение между семитским, – даже типом брюнетов белой расы вообще, – и негритянским. Эта своеобразность типа оправдывает выделение абиссинцев совместно с соседними народностями в особую антропологическую расу, которой обыкновенно теперь придают название хамитской. Настоящие негритянские черты встречаются только у рабов шангалла и у помесей, от них происходящих. Эти негрообразные особи отличаются обыкновенно и более темным цветом кожи, который, впрочем, вообще сильно варьирует у абиссинцев, начиная от светлого буровато-желтого и кончая самым темным черно-бурым. Примесь негритянской крови более заметна на юге Абиссинии, чем на севере. Население северной Абиссинии может быть рассматриваемо, как более чистое, заключа-

ющее в себе более типичных представителей хамитской или эфиопской расы.

Основываясь на серии портретов северных абиссинцев, мы можем воссоздать до известной степени и тип Ибрагима Ганнибала. Это был, по всей вероятности, довольно рослый, темнокожий, шоколадного цвета субъект с черными курчавыми волосами, удлинённым черепом, овальным сухим лицом, высоким лбом без заметных выступов над бровями, слабою растительностью на лице, черными глазами, полными, толстоватыми губами и, может быть, несколько широким, но все-таки не негритянским носом. К сожалению, мы не можем подтвердить нашего заключения ссылкой на описания современников или на подлинные портреты Ибрагима Ганнибала, так как таковых не имеется.

Д. Н. Анучин. Антропол. эскиз. – Рус. Вед., 1899, отд. отт.

Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году, с польскою королевою, и дал ему фамилию Ганнибал. В крещении наименован он был Петром; но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом.

Пушкин. Родословная Пушкиных и Ганнибалов.

Когда и почему принял он фамилию Ганнибала, – положительных указаний не имеется: в течение многих лет он и сам подписывался, и в официальных бумагах, и в частных

письмах именовался просто «Абрам Петров», прозвище же Ганнибал закрепилось за ним лишь впоследствии (не раньше 1733 и не позже 1737 г.).

Б. Л. Модзалевский. Пушкин, с. 48.

Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп. Но Петр оставил при себе своего крестника. До 1716 г. Ганнибал находился неотлучно при особе государя, спал в его токарне, сопровождал во всех походах, потом послан был в Париж, где несколько времени обучался в военном училище, вступил во французскую службу, во время испанской войны был в голову ранен «в одном подземном сражении» (сказано в рукописной его биографии) и возвратился в Париж, где долго жил в рассеянии большого света⁵. Петр I неоднократно призывал его к себе, но Ганнибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами. Наконец государь написал ему, что он неволить его не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или остаться во Франции; но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Тронутый Ганнибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла. Государь пожаловал Ганнибала в бомбардирскую роту Преображенско-

---

⁵ Опубликованные академиком Пекарским письма Ганнибала из Парижа свидетельствуют, что он, равно как и другие русские, посланные во Францию для учения, терпел большую нужду, и им было совсем не до «рассеяния большого света».

го полка капитан-лейтенантом. Известно, что сам Петр был ее капитаном.

Пушкин. Родословная Пушкиных и Ганнибалов.

Пробыв во Франции до конца 1722 года, Ганнибал в начале следующего возвратился в Петербург и сразу же назначен был на инженерные работы в Кронштадте, войдя в то же время в кружок лиц, группировавшихся около княгини А. П. Волконской и бывших противниками временщика Меншикова. В феврале 1724 г. Ганнибал был определен в бомбардирскую роту Преображенского полка, причем ему поручено было, между прочим, учить молодых солдат из дворян математическим наукам; эти же науки он преподавал, уже по смерти императора, наследнику престола Петру Алексеевичу. Екатерина I и наследник благоволили к Ганнибалу, но всесильный Меншиков, на другой же день по вступлении на престол Петра II, опасаясь влияния Ганнибала на юного царя, поспешил удалить Абрама Петрова из Петербурга. Он получил предписание ехать немедленно в Казань для осмотра тамошней крепости, оттуда ему было приказано ехать в Тобольск, из Тобольска – на китайскую границу к чрезвычайному посланнику графу Владиславичу-Рагузинскому, для постройки Селенгинской крепости. В январе 1728 г. он был в Иркутске, а затем в Тобольске, отпущенный с границы Владиславичем, не зная еще о происшедшем падении и ссылке Меншикова. Друзья без успеха хлопотали о Ганни-

бале. 17 июля состоялось определение Верховного Тайного Совета об удержании Ганнибала на китайской границе, а 22 декабря 1729 г. – об аресте его там, отобрании всей переписки и об отправке его «с пристойным конвоем» в Томск. Распоряжения эти стояли в тесной связи с делом княгини Волконской и ее друзей, преследовавшихся уже новыми временщиками – Долгорукими. В 1730 г., при новой императрице Анне Иоанновне, Ганнибал получил возможность совсем покинуть Сибирь, будучи определен, по ходатайству своего благожелателя Миниха, инженер-капитаном, с назначением в Пернов «к инженерным и фортификационным делам по его рангу». В 1733 году вышел в отставку и жил в Ревельском уезде, на купленной им мызе Каррикуля. В 1747 г., с воцарением Елизаветы, Ганнибал снова определился на службу, будучи назначен, с чином артиллерии подполковника, в Ревельский гарнизон; вскоре императрица Елизавета Петровна произвела его из подполковников прямо в генерал-майоры, с определением обер-комендантом в Ревель, где и прослужил он десять лет. В 1751 г. Ганнибал был назначен управлять строительной частью инженерного ведомства. В истории этого ведомства Ганнибал является одним из видных деятелей своего времени. В 1756 г. он был произведен в инженер-генералы, а затем – в генерал-аншефы, с определением главным директором Ладожского канала и кронштадтских и рогервикских укреплений. В 1762 г. он уволился в отставку. Остаток дней своих, еще довольно продолжительный, А. П.

Ганнибал провел в пожалованном ему имении Суйде; здесь он скончался 14 мая 1781 г.

Б. Л. Модзалевский. Пушкин, с. 49–55.

В семейственной жизни прадед мой Ганнибал так же был несчастлив, как и прадед Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и принудил ее постричься в Тихвинском монастыре, а дочь ее Поликсену оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал ее себе на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фон-Шеберх, вышла за него в бытность его в Ревеле обер-комендантом и родила ему множество черных детей обоего пола.

Пушкин. Родословная Пушкиных и Ганнибалов.

Вернувшись в Петербург из Селенгинска, Ганнибал в начале 1731 г. женился на гречанке Евдокии Андреевне Дипер, дочери капитана галерного флота. Евдокия любила флотского поручика Кайсарова и собиралась выйти за него замуж. За Ганнибала она отказывалась идти, – «понеже арап, и не нашей породы». Однако ее принудили. Она покори-лась, но до свадьбы отдалась Кайсарову. Спустя месяц после свадьбы Ганнибал был командирован Минихом в Пернов – учить кондукторов математике и черчению. Евдокия вскоре стала изменять нелюбимому мужу, увлекшись одним из кондукторов, Яковом Шишковым. С этого времени меж-

ду супругами началась тяжелая семейная драма, окончательно завершившаяся формальным разводом лишь через одиннадцать лет. Ганнибал подал жалобу в перновскую канцелярию, что Шишков и жена хотели его отравить. К жене он приставил надежный караул и неоднократно брал ее к себе, в свои покои. Там в стены, повыше роста человеческого, ввернуты были кольца. Туда вкладывались руки Евдокии, и ее тело повисало на воздухе. В комнате заранее приготовлены были розги, батоги, плети, и муж «бил и мучил ее смертельными побоями необычно», принуждая, чтобы она на суде при допросах показала, будто «с кондуктором Шишковым хотела его, Ганнибала, отравить, и с ним, Шишковым, блуд чинила». При этом, в случае, если она покажет не по его желанию, «грозил ее, Евдокию, убить». После таких внушений в канцелярии Евдокия все показала по желанию мужа, чтобы только вырваться из его рук. Тем не менее, в течение месяца она жила у мужа и только тогда взята была в канцелярию. Ее посадили на госпитальный двор, куда обыкновенно заключались осужденные. Там, под крепким караулом, провела она **пять лет**. На содержание арестованных никто не обращал внимания, и арестанты госпитального двора питались или на средства родных, или на доброхотные подаяния христолюбцев. На содержание Евдокии Андреевны муж ничего не давал и сам нарочно затягивал дело, чтобы подольше продержать ее под караулом. Вот, на основании документов, история разрыва между Ганнибалом и первую его женою. Здесь

нет ни одного слова о рождении белой девочки, о чем рассказывает Пушкин. И во всем деле об ней не упоминается. Очевидно, ее и не существовало. Сам Ганнибал, между тем, сошелся с дочерью капитана местного полка Христиною-Региную фон-Шеберх и жил с нею сперва в Ревельском уезде, на купленной им мызе Каррикулля, а затем, в 1736 году, и обвенчался с нею в Ревельской соборной церкви, не дождавшись решения своего дела с первой женою. Только в 1752 году, после долгих перипетий, было решено, наконец, дело Абрама Петровича с его первой женой: она была признана виновною и сослана в Староладожский женский монастырь, а брак Ганнибала с Христиною Шеберх признан законным, хотя на него и наложены были эпитимия и штраф.

Б. Л. Модзалевский. Пушкин, с. 52. Значительно дополнено по статье С. И. Оpatовича «Е. А. Ганнибал», в которой использовано бракоразводное дело Ганнибала, хранившееся в архиве петербургской консистории. – Рус. Стар., 1877, янв.

При императрице Анне Ивановне Ганнибал жил весьма скромно, владея только небольшой мызой Куррикулля. Но императрица Елизавета Петровна пожаловала ему несколько имений и многие сотни душ крестьян, так что после его смерти детям его досталось около 1400 душ и имения: близ Ревеля – Рагола, в Петербургской губ. – Суйда, Кобрино и Таицы, в Псковской – Зуево, Бор, Петровское, Михайловское и др.

От эпохи пребывания Ганнибала в Ревеле, с 1741 по 1752 г., известны некоторые его донесения, а также жалобы на него других начальствующих лиц. Из них можно заключить, что «арап» не ладил ни с подчиненными, ни с высшими (ревельским губернатором), отличался вообще пылким, сварливым нравом, писал жалобы по начальству и, в свою очередь, обвинялся в превышении власти, в «свирепости» к подчиненным и в невнимании к старшим по службе. По преданиям, Абрам Петрович отличался суровым нравом. Бабка Пушкина, Марья Алексеевна, представляясь вместе со своим мужем его отцу, упала в обморок от одного его гневного взгляда. Из других преданий известно, что он был крайне скуп.

Д. Н. Анучин. Антропол. эскиз, с. 11–12.

Старший сын его, Иван Абрамович, столь же достоин замечания, как и его отец. Он пошел в военную службу вопреки воле родителя, отличился и, ползая на коленях, выпросил отцовское прощение. Под Чесмою он распоряжался брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух. В 1770 г. взял Наварин; в 1779 выстроил Херсон. Его постановления доньше уважаются в полуденном краю России. Он поссорился с Потемкиным. Государыня оправдала Ганнибала и надела на него Александровскую ленту; но он оставил службу и с тех пор жил по большей части в Суйде, уважаемый всеми замечательными людьми

славного века, между прочими Суворовым, который при нем оставлял свои проказы и которого принимал он, не завешивая зеркал и не наблюдая никаких тому подобных церемоний.

Дед мой, Осип Абрамович, – настоящее имя его было Януарий, но прабабушка моя (родом шведка) не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения. «Шорн шорт, – говорила она, – делает мне шорна репят и дает им шертовск имя». Дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего. И сей брак был несчастлив. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения.

Пушкин. Родословная Пушкиных и Ганнибалов.

Осип (Януарий) Абрамович Ганнибал (род. 20 янв. 1744 г.) – родной дед поэта, владелец, по разделу с братьями, села Михайловского, – служил в артиллерии. Будучи в Липецке, на чугунных заводах, женился на М. А. Пушкиной, жившей с отцом в селе Покровском, а вскоре затем вышел в отставку с чином флота артиллерии капитана второго ранга.

Плодом супружества их был один сын, умерший грудным младенцем, и дочь Надежда (род. 1775 г.) – мать поэта. За-

тем он служил заседателем Псковского Сове­стного Суда, со­ветником Псковского Наместнического, а с 6 апр. 1780 г. – С.-Петербургского Губернского Правления. Супруги Ганнибалы были весьма несчастливы: прожив совместно с женой около четырех лет, – частью в Суйде у Абрама Петровича, частью в Петербурге, – Осип Абрамович скрылся от родных. Покинув жену, Осип Абрамович, служа в Пскове, сошелся с новоржевской помещицей Устиньей Ермолаевной Толстою (рожд. Шишкиной), вдовою капитана Ивана Толстого, и 9 января 1779 г. обвенчался с нею, дав священнику фальши­вое свидетельство о том, что он вдов. Поступив так легко­мысленно, Осип Абрамович с неменьшею опрометчивостью дал Устинье Ермолаевне «рядную запись», в которой распи­сался в том, что получил от нее приданого разными веща­ми на 27 000 с лишним рублей. Сожительство их продолжа­лось, однако, недолго; 6 мая супруги были, распоряжением псковского архиерея, разлучены, и с этих пор на Осипа Аб­рамовича посыпались обвинения и жалобы со стороны обеих жен: Марья Алексеевна возбудила дело о двоеженстве мужа, а Устинья Ермолаевна, видя, что обстоятельства складыва­ются не в ее пользу и что Осип Абрамович не поддается ее увещаниям жить с нею по-прежнему, вскоре подала просьбу в суд о взыскании с него 27 000 рублей, будто бы получен­ных от нее и им растраченных. Осип Абрамович доказывал, что женился на второй жене, будучи уверен в смерти пер­вой. Однако брак его с Толстою был признан незаконным (2

марта 1784 г.), причем он, по приказанию имп. Екатерины, был отправлен «на кораблях на целую кампанию в Северное море, дабы он службою погрешения свои наградить мог», а четвертая часть имения его, – именно село Кобрино, было взято в опеку на содержание дочери Надежды. С другой стороны, Ганнибал старался доказать суду в разных инстанциях, что не только не получал от Толстой никакого приданого, дав ей рядную запись безденежную, т.е. дутую, но что сам издержал на ее прихоти до тридцати тысяч рублей; построил ей во Пскове дом с фруктовым садом, купил в четырех верстах от города дачу, накупил серебряных и золотых сервизов, бриллиантов, экипажей, мебели, прожил двенадцать тысяч, за которые заложил свои имения, и т.д. Дело с настойчивой и умудренной опытом Устиньей Ермолаевной тянулось много лет, в течение которых тяжущиеся делали попытки к сближению, сходились и снова разъезжались, возобновляя тяжбу. Конца ее Осип Абрамович так и не дождался: он скончался 12 октября 1806 г. в с. Михайловском, – «от следствий невоздержной жизни», по свидетельству Пушкина.

Б. Л. Модзалевский. Пушкин, с. 58.

Сергей Львович, отец поэта, родился 23 мая 1770 г. Получив светское, французское воспитание и записанный сперва в армию, он в 1775 году был перечислен в гвардию, а с 1777 по 1791 г. числился сержантом Измайловского полка, потом произведен был в прапорщики и до 1797 г. служил в л.-гв.

Егерском полку, откуда вышел в отставку майором в 1798 г. После этого он состоял в Комиссариатском штате, сперва в Москве (в это время родился поэт), а затем в Варшаве (начальником Комиссариатской комиссии резервной армии); здесь, в Варшаве, Сергей Львович, в июле 1814 г., вступил в Орден свободных каменщиков (*масонов*), в ложу «Северного Щита», к которой, пройдя четыре предварительных степени, был «присоединен» 10 октября 1817 г.; незадолго перед этим, – 12 января, – он был уволен вовсе от службы с чином пятого класса. С этих пор С. Л. Пушкин уже никогда не служил, а вел странническую и совершенно праздную жизнь, переезжая из Москвы в Петербург, в свое имение Михайловское и обратно, не занимаясь ни семьей, ни именьями, которые своею беспечностью довел почти до разорения. Будучи скупым от природы, он в то же время был совершенно нерасчетлив. Свое полное равнодушие к детям, и особенно к сыну-поэту, он старался скрывать под маской нежных слов и лицемерных уверений в любви и привязанности, а безразличие к вопросам религиозным – под личиной отталкивающего ханжества. У жены своей он был «под пантуфлей», хотя и любил разыгрывать роль главы семьи, когда это представляло для него интерес. Женился он сравнительно молодым, – еще будучи офицером л.-гв. Егерского полка, – в Петербурге, в ноябре 1796 г., на Надежде Осиповне Ганнибал, своей внучатой племяннице, жившей тогда с матерью в Петербурге. Умер он в 1848 году.

Записанный с малолетства в Измайловский полк, Сергей Львович был переведен потом, при Павле I, в гвардейский Егерский. Сергей Львович не мог отстать в службе от некоторых привычек, к числу которых принадлежала привычка сидеть у камелька с приятелями и мешать в нем огонь, причем раз Сергей Львович употребил на это собственную свою офицерскую трость и с ней же явился потом к должности. Начальник, заметив обгорелую трость, подошел к нему и сказал: «Уж вам бы, г. поручик, лучше явиться с кочергою на ученье!» Огорченный Сергей Львович жаловался потом супруге своей на тяжесть военной службы. Между прочим он питал отвращение к перчаткам и почти всегда терял их или забывал дома; будучи однажды приглашен с другими товарищами своими на бал к высочайшему двору, он, по обыкновению, не позаботился об этой части своего туалета и оробел порядком, когда государь Павел Петрович, подойдя к нему, спросил по-французски: «Отчего вы не танцуете?» – «Я потерял перчатки, ваше величество!» – отвечал в смущении молодой офицер. Государь поспешно снял перчатки с собственных рук и, подавая их, сказал с улыбкою: «Вот вам мои!» – потом взял его под руку с одобрительным видом и, подводя к даме, прибавил: «А вот вам и дама!»

*П. В. Анненков со слов Н. И. Павлицева (зятя Пушкина).
Материалы, с. 6.*

Через год после брака с Надеждой Осиповной Сергей Львович, по заведенному тогда порядку, стал помышлять об отставке и переезде в Москву. Тотчас после рождения дочери Ольги (1798 г.) он привел в исполнение свой план: покинул полк и уехал в Москву на покой. Здесь первым делом семейства было обзавестись подмосковной, как необходимым условием порядочной столичной жизни. Бабушка поэта, Марья Алексеевна, променяла свое Кобринно, близ Петербурга, на село Захарове, близ Москвы, которое тоже, в свою очередь, было продано, когда Пушкины задумали переселиться в Петербург. Вплоть до нашествия французов они жили попеременно то в Москве, то в Захарове.

П. В. Анненков. Пушкин в Алекс. эпоху, с. 21.

После Отечественной кампании Сергей Львович снова определился на службу и в 1814 г. начальствовал комиссариатскою комиссией резервной армии в Варшаве. Г-н Б., назначенный на его место, рассказывал, что, принимая от него сложную должность, он застал Сергея Львовича в присутственном месте за французским романом вместо счетов и бумаг.

С другой стороны, Сергей Львович, как и брат его, поэт Василий Львович, были душою общества, неистощимы в каламбурах, остротах и тонких шутках. Он любил многолюдные собрания. Связи его были довольно обширны. Через

Пушкиных он был в родстве со всею этою фамилией, а через Ганнибаловых с Ржевскими и их свойственниками, Бутурлиными, Черкасскими и проч. Он даже жил дом-об-дом с гр. Д. П. Бутурлиным, и гости последнего были его гостями. В числе посетителей его были: Карамзин, Батюшков, Дмитриев, и молодой Пушкин, который всегда внимательно прислушивался к их суждениям и разговорам, знал корифеев нашей словесности не по одним произведениям их, но и по живому слову. Дом С. Л-ча, как все избранные дома того времени, был открыт для французских эмигрантов: новое средство развлечения, которого все искали. Между этими эмигрантами отличалось лицо графа Ксавье де Мэстра. Он уже напечатал тогда свое «*Voyage autour de ma chambre*»⁶ и, в промежутках между литературными занятиями, любил посвящать свои досуги портретной живописи и откровенной беседе с друзьями. Между прочим, он написал и портрет жены Сергея Львовича, Надежды Осиповны. Сам Сергей Львович был известен, как остряк и человек необыкновенно находчивый в разговорах. Владея в совершенстве французским языком, он писал на нем стихи так легко, как француз, и дорожил этою способностью. Есть слухи, что в это время он написал даже целую книжку, в которой рассуждал по-французски – стихами и прозой – о современной ему русской литературе. Чрезвычайно любезный в обществе, он торжествовал особенно в

---

⁶ «Путешествие по моей комнате» (фр.). – Ред.

играх (*jeux de societe*⁷), требующих беглости ума и остроты, и был необходимым человеком при устройстве праздников, собраний и особенно домашних театров, на которых как он, так и брат Василий Львович отличались искусством игры и декламации.

П. В. Анненков. Материалы, с. 6–8

Сергей Львович терпеть не мог деревни, если она не была видоизменением или продолжением городской жизни, и ни разу не посетил иных наследственных своих имений, как, напр., Болдина (Нижегородской губ.). Когда, гораздо позднее, для спасения Болдина послан был туда дельный управляющий, то он просто бежал из имения при виде страшного разорения крестьян.

Вообще следует заметить, что у обоих братьев не было и времени для своих собственных дел: они занимались только чужими. Люди, страстно искавшие всю свою жизнь гостиных и эффектных бесед, переносившие удачное бонмо, перед ними сказанное, из дома в дом и, с своей стороны, сами занятые, для потехи других, тем, что французы называют деланием ума, *faire de l'esprit*, – такие люди уже, конечно, не имели ни времени, ни возможности устроить свое существование на прочных основаниях. Вот почему вся их жизнь, проведенная в беготне за высшим светом и модными формами существования, в толкотне между людьми и в пересудах

---

⁷ Словесные игры (фр.). – Ред.

слышанного и виденного, оставила их под конец материально и умственно разбитыми и несостоятельными.

П. В. Анненков. Пушкин в Алекс. эпоху, с. 16.

Мастерским чтением его комедий Мольера восхищались все, а остроты его ходили по рукам. В жизни практической он всегда был наивен: поручив управление своим болдинским имением в Нижегородской губернии своему крепостному человеку М. К-ву (*М. И. Калашикову*), С. Л. в это поместье не заглядывал, чем К-в и воспользовался, кончив тем, что сам разбогател. Так же небрежно следил С. Л. за делами и Михайловского имения. Не имея ни малейшего понятия о сельском хозяйстве, он довольствовался присылаемыми из Михайловского двумя-тремя возами домашней замороженной птицы и масла, с прибавкой сотен двух-трех рублей ассигнациями, и не терпел занятий по хозяйству до такой степени, что, когда к нему прибыла из деревни депутация крестьян с весьма основательными жалобами на мошенника управляющего, прогнал ее, не расспросив, в чем дело.

Л. Н. Павлицев (племянник Пушкина). Воспоминания, с. 6.

Сергей Львович был нежный отец, но нежность его черствела ввиду выдачи денег. Вообще был он очень скуп и на себя, и на всех домашних. Сын его Лев, за обедом у него, разбил рюмку. Отец вспылил и целый обед ворчал. «Можно

ли, – сказал Лев, – так долго сетовать о рюмке, которая стоит двадцать копеек?» – «Извините, сударь, – с чувством возразил отец, – не двадцать, а тридцать пять копеек!»

Кн. П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 149.

Сергей Львович никогда не оказывал ни малейшей помощи своему сыну Александру, и тот справедливо говорил своим деревенским соседям, знавшим его семейные дела, что он едва ли получил от отца во всю свою жизнь до пятисот рублей ассигнациями. При всем том тщеславие Сергея Львовича тешили успехи его сына, и он по-своему ценил их и гордился ими.

М. И. Семевский. К биографии Пушкина. – Рус. Вестн., 1869, № 11, с. 85.

Дельви́г не любил обедать у стариков Пушкиных, которые не были гастрономы.

Вот, по случаю обеда у них, что раз Дельви́г писал Пушкину:

Друг Пушкин, хочешь ли отведать
Дурного масла, яиц гнилых, —
Так приходи со мной обедать,
Сегодня у своих родных.

А. П. Керн (Маркова-Виноградская). Дельви́г и Пушкин. – Пушкин и его совр-ки, вып. V, с. 157.

Все семейство Пушкиных было какое-то взбалмошное. Отец его был довольно приятным собеседником, на манер старинной французской школы, с анекдотами и каламбурами, но в существе человеком самым пустым, бестолковым и бесполезным и особенно безмолвным рабом своей жены. Последняя была женщина не глупая, но эксцентрическая, вспыльчивая, до крайности рассеянная и особенно чрезвычайно дурная хозяйка. Дом их представлял всегда какой-то хаос: в одной комнате богатые старинные мебели, в другой пустые стены, даже без стульев, многочисленная, но оборванная и пьяная дворня, ветхие рыдваны с тощими клячами, пышные дамские наряды и вечный недостаток во всем, начиная от денег и до последнего стакана. Когда у них обедало человека два-три, то всегда присылали к нам за приборами.

Гр. М. А. Корф. Записка. – Я. К. Грот, с. 249.

(В 1835 г. старшая дочь Сергея Львовича, замужняя О. С. Павлицева, жила в Петербурге у родителей. В ее письмах в Варшаву к мужу ярко обрисован весь уклад домашней жизни стариков Пушкиных). – Вообрази, что в прошлом году имение Болдино описывали пять раз!.. Можешь себе представить, в каком состоянии находится отец со своими черными мыслями, да к тому же денег нет. Он хуже женщины: вместо того, чтобы прийти в движение, действовать, он довольству-

ется тем, что плачет. Не знаю, право, что делать, – я отдала все, что могла, но это все равно, что ничего, из-за общих порядков дома, из-за мошенничества людей, перед которыми наш Петрушка буквально ангел. Они получили тысячу рублей из деревни, и через неделю у них ничего уже не было, а заплатили всего только четыреста рублей за квартиру... Я одолжила отцу 225 р.; он мне их не возвратил и, вероятно, не возвратит, потому что с тех пор он получил 1300 и не сказал ни слова. Мать этого не знает; она возвратила бы мне эти деньги. Никогда у меня не хватит смелости попросить их обратно у отца, но зато у меня будет смелость больше ему их не давать... Мой отец только и делает, что плачет, вздыхает и жалуется встречному и поперечному. Когда у него просят денег на дрова и сахар, он ударяет себя по лбу и восклицает: «Что вы ко мне приступаете? Я несчастный человек!» Он испустил это восклицание передо мною, и сознаюсь, меня это немного развлекло, когда я подумала о его 1200 мужиках в Нижнем... Боже упаси обращаться к кому-нибудь из прислуги в доме: это воплощенные дьяволы, мошенники, воры, нахалы, и потом они ничего не делают даром. Лакеем к экипажу мне пользоваться невозможно, отец сердится, когда он всю челядь не видит налицо: «Да где тот? Да где этот? Да кто его послал?» и т.д. ...Право, иногда он мне очень жалок. Старик всегда нуждается в деньгах, а их любит; его обкрадывают и обчищают со всех сторон; его челядь саранча сушая. Вообрази: пятнадцать человек!

О. С. Павлицева (сестра поэта) – *Н. И. Павлицеву*, в сент.–нояб. 1835 г. – Пушкин и его совр-ки, вып. XVII–XVIII, с. 166, 183, 186, 187, 189, 191.

Надежда Осиповна, жена Сергея Львовича, мать поэта, была балованное дитя, окруженное с малолетства угодливостью, потворством и лестью окружающих, что сообщило нраву молодой красивой креолки, как ее потом называли в свете, тот оттенок вспыльчивости, упорства и капризного властолюбия, который замечали в ней позднее и принимали за твердость характера.

П. В. Анненков. Пушкин в Алекс. эпоху, с. 15.

Надежда Осиповна была необыкновенно хороша собою, и в свете прозвали ее «прекрасною креолкою». По своему знанию французской литературы и светскости она совершенно сошлась со своим мужем. Надежда Осиповна очаровывала общество красотой, остроумием и веселостью. Укажу на следующую ее странность: она терпеть не могла заживаться на одном и том же месте и любила менять квартиры; если переезжать было нельзя, то она превращала, не спрашивая Сергея Львовича, кабинет его в гостиную, спальню в столовую и обратно, меняя обои, переставляя мебель и проч. По характеру своему она резко отличалась от Сергея Львовича: никогда не выходя из себя, не возвышая голоса, она умела дуться по дням, месяцам и даже годам.

Л. Н. Павлицев со слов своей матери *О. С. Павлицевой*.
Воспоминания, с. 8.

Сергей Львович, из желания развязать себе руки вполне, передал все управление домом супруге своей Надежде Осиповне, которая не менее его обожала свет и веселое общество, а в управление домом внесла только свою вспыльчивость да резкие, частые переходы от гнева и кропотливой взыскательности к полному равнодушию и апатии относительно всего, происходящего вокруг. Это уже лежало в самой ее природе.

П. В. Анненков. Пушкин в Алекс. эпоху, с. 19.

Детство

(Родился в Москве 26 мая по старому стилю, 6 июня по новому, 1799 года.)

Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильевича Скворцова, у жильца его майора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр. Крещен июня 8-го дня. Восприемник граф Артемий Иванович Воронцов, кума мать означенного Сергея Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина.

Выпись из метрической книги в московской церкви Богоявления в Елохове. – Изв. Моск. Гор. Думы, 1880, вып. XXII, с. 41.

Из найденного нами плана на владение Скворцова в 1799 году видно, что в сентябре 1799 г. владение Скворцова было застроено каменными и деревянными зданиями, из которых последние выходили на Немецкую улицу, а два каменные здания находились во дворе; одно из них было очень большое, а другое, в котором, вероятно, и жили Пушкины, имело в длину девять сажен. К нему приделана деревянная постройка, вероятно, сени, и, наконец, перед ним находится садик (с). За домом этим находился небольшой сад (ссс). В настоящее время (1880 г.) владение это принадлежит мещанину Ананьину. Все бывшие во времена Скворцова стро-

ения сгорели в 1812 г., но стены большого каменного дома уцелели донныне; после пожара дом этот обращен в сарай (см. рис. 1).

А. Колосовский. – Моск. Вед., 1880, № 262.

Во «дворе» Скворцова, в момент рождения Пушкина, как видно на плане, было два деревянных жилых строения по обе стороны ворот. Помня, что родители Пушкина были средней руки помещики, имевшие и знакомство хорошее в Москве, можно с уверенностью предполагать, что Пушкины занимали большой флигель, по правую сторону ворот. Предположение, что Пушкины жили в каменном флигеле, едва ли имеет основание по той причине, что это, как видно из плана, были каменные службы и амбары. Что флигели для жилья были деревянные, а службы и амбары каменные, объясняется тем, что прежде здесь помещалась заграничная торговая контора Фириб Томус и Рованд. Очевидно, что для предохранения от пожаров, при неразвитости в то время страхового дела, строения эти были каменные.

Дом Скворцова находится на Немецкой улице, в 14 саженях от проезда на Немецкий рынок к часовне. Деревянных флигелей, бывших по обе стороны ворот, в настоящее время уже не существует. Правая сторона, где находился тот флигель, где родился Пушкин, находится впусе под двором, с левой же стороны выстроен каменный двухэтажный дом, весьма приличной и опрятной наружности. Задняя часть

этого владения, как и при Пушкине, находится под сараем.

Н. П. Бочаров. Частные постройки в Москве. – Изв. Моск. Гор. Думы, 1880, вып. XXII, с. 44, 51.

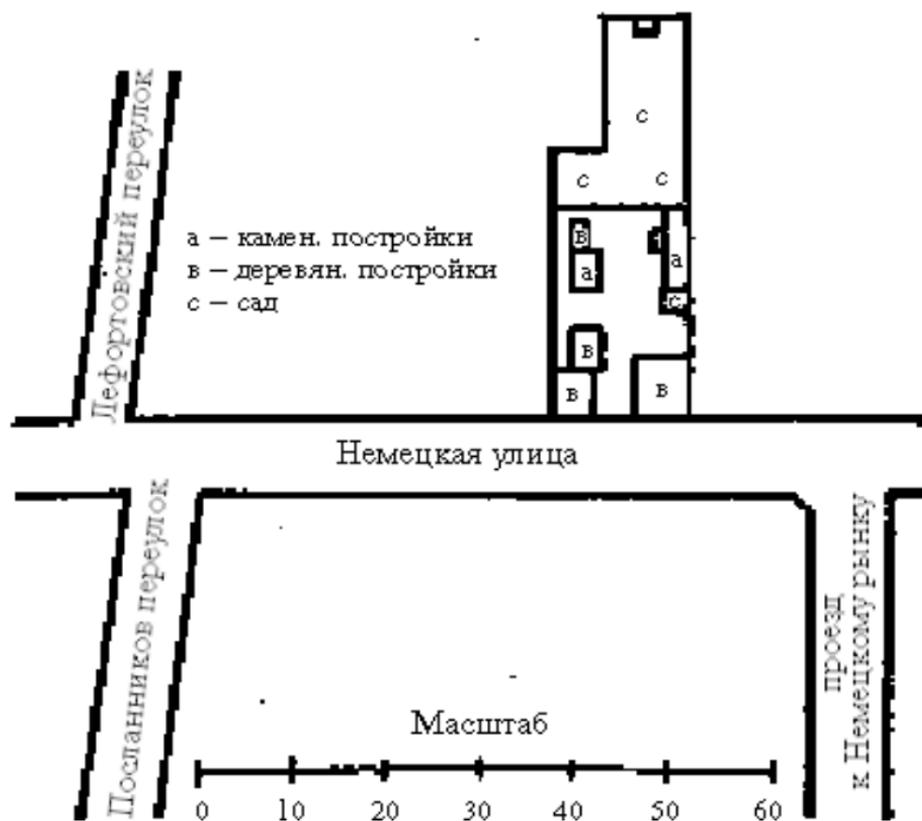

Рис. 1.

Мерою под тем двором Скворцова было: идучи в него длиннику по правую и левую сторону по 42 саж., поперечнику в переднем конце (на Немецкую улицу) 14 саж., с заднем

7 саж.

Н. П. Бочаров. Истории, сведения о доме, где родился Пушкин. – Там же, 1881, вып. X, с. 63.

Современному москвичу Елохово и Немецкая улица кажутся местностью, весьма отдаленную от центра. Ему может теперь показаться, что родители Пушкина были настолько бедны, что должны были, в видах экономии, остановиться в столь отдаленной части города. Между тем в то время эта местность, по чистоте и опрятности, составляла «шик» Москвы... В XVIII в. Немецкая слобода была долгое время для Москвы тем, чем с самого начала текущего столетия был для нее Кузнецкий Мост, когда немецкое влияние начало сменяться французским. Богатые вельможи и профессора университета любили также селиться в этой местности.

Н. П. Бочаров. Частные постройки в Москве. – Изв. Моск. Гор. Думы, 1880, вып. XXII, с. 52.

Родившись 26 мая, Пушкин, по общему обычаю, считался именинником в ближайший ко дню его рождения день того святого, именем которого он назван; 2 июня память Александра, архиепископа Константинопольского.

П. И. Бартенев. – Рус. Арх., 1889, т. III, с. 114.

*⁸ Юсупов сад (в Москве) связывается с анекдотом из жизни Пушкина, когда он был еще годовым ребенком. Няня его

---

⁸ Знаком * В. В. Вересаев обозначал наименее достоверные материалы. – Ред.

встретилась на прогулке с государем Павлом Петровичем и не успела снять шапочку или картуз с дитяти. Государь подошел к няне, разбранил за нерасторопность и сам снял картуз с ребенка, что и заставило говорить Пушкина впоследствии, что сношения его со двором начались еще при императоре Павле⁹.

П. В. Анненков. Пушкин в Алекс. эпоху, с. 28.

По свидетельству сестры поэта, Пушкин был толстый, молчаливый и неповоротливый мальчик, которого нарочно заставляли гулять и бегать и который лучше любил оставаться дома с бабушкой. Вот анекдот из первоначального его детства. Раз Надежда Осиповна (мать его) взяла его с собою гулять. Он не поспевал за нею, отстал и уселся отдыхать среди улицы; но, заметив, что из окошка на него смотрят и смеются, поднялся и сказал: «Ну, нечего скалить зубы!» – На седьмом году Пушкин сделался развязнее, и прежняя неповоротливость перешла даже в резвость и шаловливость.

П. И. Бартенев. Материалы для биограф. Пушкина. – Моск. Вед., 1854, № 71.

⁹ «Пушкин родился в Москве и до 1811 г. его возили оттуда только в подмосковное с. Захарово, а император Павел со дня рождения Пушкина в Москве не был». П. А. Ефремов (Соч. Пушкина. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903 г., т. V, с. 553). Ефремов прав: не имеется сведений, чтобы Павел был в Москве после рождения Пушкина. Однако сам Пушкин писал своей жене 22 апр. 1834 г.: «Видел я трех царей: первый (Павел) велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку...». Высказывают предположение, что дело происходило в петербургском Юсуповом саду.

В самом младенчестве он показал большое уважение к писателям. Не имея шести лет, он уже понимал, что Николай Михайлович Карамзин – не то, что другие. Одним вечером Ник. Мих. был у меня, сидел долго, во все время Александр, сидя против него, вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз. Ему был шестой год.

С. Л. Пушкин (отец поэта). Биограф. заметка. – Огонек, 1927, № 7.

До семилетнего возраста Пушкин не предвещал ничего особенного; напротив, своей неповоротливостью, своею тучностью, робостью и отвращением к движению он приводил мать в отчаяние... Она не могла скрыть предпочтительной любви сперва к дочери, а потом к меньшому сыну... Надежда Осиповна заставляла его бегать и играть со сверстниками, с трудом побеждая и леность его и молчаливость... Когда настойчивые требования быть поживее превосходили меру терпения ребенка, он убегал к бабушке, Марии Алексеевне Ганнибал, залезал в ее корзину и долго смотрел на ее работу. В этом убежище уже никто не тревожил его. Мария Алексеевна была женщина замечательная, столько же по приключениям своей жизни, сколько по здравому смыслу и опытности. Она была первой наставницей Пушкина в русском языке. Барон Дельвиг еще в лицее приходил в восторг от ее письменного слога, от ее сильной, простой русской речи.

Раз Ольга Сергеевна (*сестра Пушкина*) нашалила что-то, прогневала мамашу, та по щеке ее и треснула. А она обиделась, да как? Мамаша приказывает ей прощение просить, а она и не думает, не хочет. Ее в затрапезное платье одели, за стол не сажают, на хлеб, на воду и запретили братцу к ней даже подходить и говорить. А она, – повешусь, говорит, а прощения просить не стану! А Александр-то Сергеевич что же придумал: разыскал где-то гвоздик, да и вбивает в стенку. «Что это, спрашиваю, вы делаете, сударь?» «Да сестрица, говорит, повеситься собирается, так я ей гвоздик приготовить хочу». Да и засмеялся, – известно, понял, что она капризничает да страшает нас только. Уж какой удалой да вострый был.

Д¹⁰... Воспоминания из детства А. С. Пушкина (со слов бывшей помощницы няни у Пушкиных, записано в 60-х гг.). – Всеобщая Газета, 1869, № 60. Ср.: там же, № 62. Письмо в ред. Ф. Б. Миллера.

Отец Пушкина, Сергей Львович, был человек от природы добрый, но вспыльчивый. При малейшей жалобе гувернеров или гувернанток он сердился, выходил из себя, но гнев его проистекал из врожденного отвращения ко всему, что нарушало его спокойствие, и скоро проходил. Вообще С. Л.

---

¹⁰ Инициал не раскрыт. – Ред.

не любил заниматься серьезными делами по дому, воспитанию и хозяйству, предоставив все это супруге своей Надежде Осиповне.

П. В. Анненков. Материалы, с. 6–8.

Никогда не выходя из себя, не возвышая голоса, Надежда Осиповна умела дуться по дням, месяцам и даже годам. Так, рассердясь за что-то на Александра Сергеевича, которому в детстве доставалось от нее гораздо больше, чем другим детям, она играла с ним в молчанку круглый год, проживая под одной кровлею; оттого дети, предпочитая взбалмошные выходки и остротки Сергея Львовича игре в молчанку Над. Осиповны, боялись ее несравненно более, чем отца.

Не могу не упомянуть кстати, со слов моей матери, о наказаниях, придуманных Над. Осиповной для Александра Сергеевича, чтоб отучить его в детстве от двух привычек: тереть свои ладони одна о другую и терять носовые платки; для искоренения первой из этих привычек она завязала ему руки назад на целый день, проморив голодом; для искоренения же второй – прибегала к следующему: «Жалую тебя моим бесменным адъютантом», – сказала она Пушкину, подавая ему курточку. На курточке красовался пришитый, в виде аксельбанта, носовой платок. Аксельбанты менялись в неделю два раза; при аксельбантах она заставляла его и к гостям выходить. В итоге получился требуемый результат – А. Сер-ч перестал и ладони тереть и платки терять.

Л. Н. Павлицев со слов *О. С. Павлицевой*. Воспоминания, с. 8–9.

Мария Алексеевна Ганнибал (*бабушка Пушкина*), продавши свою деревню Кобрино, переехала в Москву, где Сер. Львович и Надежда Осиповна жили у Харитония в Огородниках, в доме графа Санти, а потом в том же приходе в доме кн. Фед. Серг. Одоевского, и нанимала дом подле них, но жила всё вместе с ними, а в квартире ее жили одни ее люди. Мар. Алексеевна в 1806 г. купила с-цо Захарово.

А. Я. Пушкин. – Москвитянин, 1852, № 23. Исторические материалы, с. 24.

У Пушкина был еще, кроме Льва, брат (*Николай*), который умер в малолетстве (*1807 г.*). Пушкин вспоминал, что он перед смертью показал ему язык. Они прежде ссорились, играли; и, когда малютка заболел, Пушкину стало его жаль, он подошел к кроватке с участием; больной, братец, чтобы подразнить его, показал ему язык и вскоре затем умер.

П. В. Нащокин по записи *П. И. Бартенева*. – П. И. Бартнев. Рассказы о Пушкине, с. 36.

Смерть Николая. Ранняя любовь.

Пушкин. Программа автобиограф. записок.

Пушкины постоянно жили в Москве, но на лето уезжали в

деревню Захарьино (*Захарово*), верстах в сорока от Москвы (*принадлежавшую бабушке Пушкина, Мар. Ал. Ганнибал*). Здесь Пушкин проводил первое свое детство, до 1811 года. Старый дом, где они жили, срыт; уцелел флигель. Местоположение хорошее... Особенно заметить следует, что деревня богатая: в ней раздавались русские песни, устраивались праздники, хороводы, и, стало быть, Пушкин имел возможность принять народные впечатления.

С. П. Шевырев. Воспоминания о Пушкине. – Л. Н. Майков, с. 324.

На 38 версте от Москвы, по Смоленской дороге, есть поворот из села Вязем, направо, в село Захарово. Здесь провел первые годы своего детства Пушкин... По бокам дома были в то время флигеля, и в одном из них помещались дети с гувернанткой, братья А. С-ча и он. Впоследствии флигеля, по ветхости, сломаны, а дом остался почти в таком же виде, в каком был при Ганнибаловых... Мы осмотрели небольшую березовую рощицу, находящуюся неподалеку от дома, почти у самых ворот. Посредине ее стоял прежде стол, со скамьями кругом. Здесь, в хорошие летние дни, Ганнибаловы обедали и пили чай. Маленький Пушкин любил эту рощицу и даже, говорят, желал быть в ней похоронен. Он говорил об этом повару своей бабушки, к которому был особенно привязан, вероятно потому, что этот повар был человек словоохотливый и бойкий... Из рощицы мы пошли на берег пруда,

где сохранилась еще огромная липа, около которой прежде была полукруглая скамейка. Говорят, что Пушкин часто сиживал на этой скамье и любил тут играть. От липы очень хороший вид на пруд, которого другой берег покрыт темным еловым лесом. Прежде вокруг липы стояло несколько берез, которые, как говорят, были все исписаны стихами Пушкина. От этих берез остались только гнилые пни.

Н. Б. (Н. В. Берг). Сельцо Захарово. – Москвитянин, 1851, № 9–10. Совр. Изв., с. 29–30.

Смирный был ребенок, тихий такой, что господи! Все с книжками бывало... Нешто с братцами когда поиграют, а то нет, с крестьянскими не баловал... Тихие были, уважение были дети.

Марья Федоровна (крестьянка с-ца Захарова, дочь Арины Родионовны, няни Пушкина). – Там же, с. 31.

Вспоминая о своей деревенской жизни в Захарове, Пушкин рассказывал П. В. Нащокину следующий анекдот. В Захарове жила у них в доме одна дальняя родственница, молодая помешанная девушка, помещавшаяся в особой комнате. Говорили и думали, что ее можно вылечить испугом. Раз ребенок Пушкин ушел в рощу, где любил гулять: расхаживал, воображал себя богатырем и палкою сбивал верхушки и головки растений. Возвращаясь домой, видит он на дворе свою сумасшедшую родственницу в белом платье, растрепанную,

встревоженную. «Братец, меня принимают за пожар!» – кричит она ему. Для испуга в ее комнату провели кишку пожарной трубы. Тотчас догадавшись, Пушкин начал уверять ее, что она напрасно так думает, что ее сочли не за пожар, а за цветок, что цветы также из трубы поливают.

П. И. Бартенев. – Моск. Вед., 1854, № 71. Ср.: Рассказы о Пушкине, с. 35.

В этом семействе побывал легион иностранных гувернеров и гувернанток. Из них выбираю несносного, капризного самодура Русло да достойного его преемника Шеделя, в руках которых находилось обучение детей всем почти наукам. Из них Русло нанес оскорбление юному своему питомцу Александру Сергеевичу, расхохотавшись ему в глаза, когда ребенок написал стихотворную шутку «*La Tolyade*»¹¹ в подражание «Генриаде». Изображая битву между карлами и карлицами, Пушкин прочел гувернеру начальное четырехстишие. Русло довел Пушкина до слез, осмеяв безжалостно всякое слово этого четырехстишия, и, имея сам претензию писать стихи не хуже Корнеля и Расина, рассудил, мало того, пожаловаться еще неумолимой Надежде Осиповне, обвиняя ребенка в лености и праздности. Разумеется, в глазах Надежды Осиповны дитя оказалось виноватым, а самодур правым, и она наказала сына, а самодуру за педагогический талант прибавила жалования. Оскорбленный ребенок

---

¹¹ «Толиада» (фр.). – Ред.

разорвал и бросил в печку стихи свои, а Русло возненавидел со всем пылом африканской своей крови. Приемник Русло, Шедель, свободные от занятий с детьми досуги проводил в передней, играя с дворней в дурачки, за что, в конце концов, и получил отставку. Не могу ставить на одну доску с этими чудаками воспитателя детей, французского эмигранта, графа Монфора, человека образованного, гуманного. – Гувернантки были сноснее гувернеров. Но из них большая часть по образованию и уму стояла ниже всякой критики. Они были женщины добрые, искренно любившие своих питомцев.

Л. Н. Павлицев. Воспоминания, с. 14–16.

Первые неприятности – гувернантки.

Пушкин. Программа автобиограф. записок.

Нащокин сказал, что первые стихи Пушкин написал на французском языке еще будучи 8 лет. (*Притиска С. А. Соболевского: поэму La Toliade*).

П. И. Бартнев. Рассказы о Пушкине, с. 32.

Страсть к поэзии проявилась в нем с первыми понятиями: на восьмом году возраста, умея уже читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей. Вообще воспитание его мало заключало в себе русского. Он слышал один французский язык; гувернер его был француз, впрочем, человек неглупый и образо-

ванный; библиотека его отца состояла из одних французских сочинений. Ребенок проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книги одну за другою. Пушкин был одарен памятью невероятною и на одиннадцатом году уже знал наизусть всю французскую литературу.

Л. С. Пушкин (брат поэта). Биограф. изв. об А. С. Пушкине. – Л. Н. Майков, с. 4.

Пушкин, забираясь в библиотеку отца, перечитывал французские комедии Мольера и под впечатлением такого чтения сам стал упражняться в писании подобных же комедий, по-французски же. Брат и сестра (*Ольга*) для представления этих комедий соорудили в детской сцену, причем он был и автором пьес, и актером, а публику изображала она. В числе этих комедий была носившая название «Escamoteur (похититель)», сильно не понравившаяся Ольге Сергеевне; она, в качестве публики, освистала этого «Похитителя», что и послужило дяде поводом к следующему четверостишию:

Dis-moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

(Скажи мне, почему «Похититель» освистан партером? Увы! потому, что бедный автор похитил его у Мольера.)

Л. Н. Павлицев. Воспоминания, с. 17.

Известно, что первые пробы пера Пушкина были на французском языке, который, по общему в то время обычаю, господствовал в доме родителей его. Впоследствии Пушкин считал такого рода упражнения в чужом языке вредными для русской поэтической техники и советовал лицеисту одного из позднейших курсов (кн. А. В. Мещерскому), имевшему к ним слабость, не писать французских стихов.

Я. К. Грот, с. 9.

В 1809 или 1810 г. Пушкины жили где-то за Разгуляем, у Елохова моста, нанимали там просторный и поместительный дом, чей именно, не могу сказать наверно, а думается мне, что Бутурлиных. Я туда ездила со своими старшими девочками на танцевальные уроки, которые они брали с Пушкиной девочкой; бывали тут и другие, кто, не помню хорошенько. Пушкины жили весело и открыто, и всем домом заведывала больше старуха Ганнибал (*Мария Алексеевна, мать Надежды Осиповны, матери Пушкина*), очень умная, дельная и рассудительная женщина; она умела дом вести, как следует, и она также больше занималась и детьми: принимала к ним мамзелей и учителей и сама учила. Старший внук ее Саша был большой увалень и дикарь, кудрявый мальчик лет девяти или десяти, со смуглым личиком, не скажу, чтобы приглядным, но с очень живыми глазами, из которых искры так и сыпались. Иногда мы приедем, а он сидит в зале в углу,

огорожен кругом стульями: что-нибудь накуролесил и за то оштрафован, а иногда и он с другими пустится в плясы, да так как очень он был неловок, то над ним кто-нибудь посмеется, вот он весь покраснеет, губу надует, уйдет в свой угол и во весь вечер его со стула никто тогда не стащит: значит, его за живое задела, и он обиделся; сидит одинешенек. Не раз про него говаривала Марья Алексеевна: «Не знаю, ма-тушка, что выйдет из моего старшего внука: мальчик умен и охотник до книжек, а учится плохо, редко когда урок свой сдаст порядком; то его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернется и расходится, что его ничем и не уймешь; из одной крайности в другую бросается, нет у него середины. Бог знает, чем все это кончится, ежели он не переменится». Бабушка, как видно, больше других его любила, но журила порядком: «ведь экой шалун ты какой, помяни ты мое слово, не сносить тебе своей головы». Не знаю, каков он был потом, но тогда глядел рохлей и замарашкой, и за это ему тоже доставалось... На нем всегда было что-то и неопрятно, и сидело нескладно.

Е. П. Янькова. Рассказы бабушки, записанные Л. Благово. СПб., 1885, с. 459–460.

Дядька Пушкина, Никита Козлов, был, помнится, при нем в Москве, где шаловливый и острый ребенок уже набирался ранних впечатлений, резвясь и бегая на колокольню Ивана Великого и знакомясь со всеми закоулками и окрестностями

златоглавой столицы.

Н. В. Сушков. Раут. Литер. сборник в пользу Александринского детского приюта. М., 1851, с. 8.

Учился Пушкин небрежно и лениво; но зато рано пристрастился к чтению, любил читать Плутарховы биографии, Илиаду и Одиссею, в переводе Битобе, и забирался в библиотеку отца, которая состояла преимущественно из французских классиков, так что впоследствии он был настоящим знатоком французской словесности и истории и усвоил себе тот прекрасный французский слог, которому в письмах его не могли надивиться природные французы.

О. С. Павлищева (сестра поэта) в передаче *П. И. Бартенева*. Род и детство Пушкина. – Отеч. Зап., 1853, т. II, с. 18.

Очень рано Пушкин изучил языки французский и итальянский, которые отец его и дядя (*Вас. Львович*) знали прекрасно, так что писали стихи на этих языках.

Г. Кениг со слов *Н. А. Мельгунова*. Очерки рус. литературы. Пер. с нем. СПб., 1862, с. 101. Ср.: *А. Кирпичников*. Очерки по ист. рус. лит. М., 1903, изд. 2-е, т. II, с. 171.

Когда наняли англичанку (мисс Бели) для Ольги Сергеевны, Пушкин учился по-английски, но плохо, а по-немецки и вовсе не учился. Была у них гувернантка немка, да и та почти никогда не говорила на своем родном языке. Вообще

учение подвигалось медленно. Возлагая все свои надежды на память, молодой Пушкин повторял уроки за сестрой, когда ее спрашивали; ничего не знал, когда начинали экзамен с него; заливался слезами над четырьмя правилами арифметики, которую вообще плохо понимал. Особенно деление, говорят, стоило ему многих слез и трудов. Но с девятого года начала развиваться у него страсть к чтению, которая и не покидала его во всю жизнь.

П. В. Анненков. Материалы, с. 12.

*(1810–1811.) Подле самого Яузского моста, т.е. не переезжая его к Головинскому дворцу, почти на самой Яузе, в каком-то полукирпичном и полудеревянном доме жил С. Л. Пушкин, отец поэта... Молодой Пушкин, как в эти дни мне казалось, был скромный ребенок; он очень понимал себя; он никогда не вмешивался в дела больших и почти вечно сиживал как-то в уголочке, а иногда стаивал, прижавшись к тому стулу, на котором угораздивался какой-нибудь добрый оратор или басенный эпиграмматист. И если у него вырывалось что-нибудь превыспренне-поэтическое, забавное для отрока, он не воздерживался от улыбки. Однажды, когда один поэт-моряк провозглашал торжественно свои стихи, и где как-то пришлось:

И этот чертик!

И этот кортик!

А. С. так громко захохотал, что Над. Ос. (*мать его*) сделала ему знак, – и он нас оставил.

В теплый майский вечер мы сидели в саду графа Д. П. Бутурлина; молодой Пушкин тут же резвился, как дитя, с детьми. Известный граф П. упомянул о даре стихотворства в А. С-че. Графиня Бутурлина, чтоб как-нибудь не огорчить молодого поэта, может быть, нескромным словом о его питическом даре, обращалась с похвалою только к его полезным занятиям, но никак не хотела, чтоб он показывал нам свои стихи; зато множество живших у графини молодых девушек почти тут же окружили Пушкина со своими альбомами и просили, чтоб он написал для них что-нибудь. Певец-дитя смешался. Некто NN, желая поправить его замешательство, прочел детский катрен поэта, и прочел по-своему, как заметили тогда, по образцу высокой речи на «о». А. С. успел только сказать: «Ah, mon Dieu!»¹² – и выбежал. Я нашел его в огромной библиотеке графа; он разглядывал затылки сафьянных фолиантов и был очень недоволен собою. Я подошел к нему и что-то сказал о книгах. Он отвечал мне: «Поверите ли, этот г. NN так меня озадачил, что я не понимаю даже и книжных затылков».

Вошел граф с детьми, Пушкин присоединился к ним, но очень скоро ушел домой...

В детских летах Пушкин был не из рослых детей и все с

---

¹² «Ах, боже мой!» (фр.) – Ред.

теми же африканскими чертами физиономии, с какими был и взрослым; но волосы его в малолетстве были так кудрявы и так изящно завиты африканскою природою, что однажды мне И. И. Дмитриев сказал: «посмотрите, ведь это настоящий арабчик». Дитя рассмеялось и, оборотясь к нам, проговорило очень скоро и смело: «По крайней мере, отличусь тем и не буду рябчик»¹³.

М. Н. Макаров. А. С. Пушкин в детстве. – Современник, 1843, т. XXIX, с. 377–383.

Знавшие дела семьи единогласно свидетельствуют, что когда, в 1811 году, пришло время молодому Пушкину ехать в Петербург для поступления в лицей, он покинул отеческий кров без малейшего сожаления, если исключим дружескую горесть по сестре, которую он всегда любил.

П. В. Анненков. Пушкин в Алекс. эпоху, с.27.

Летом 1811 г. дядя Василий Львович повез его в Петербург. Еще и теперь некоторые помнят, как он, вместе с 12-летним племянником, посещал московского приятеля своего, тогдашнего министра юстиции И. И. Дмитриева; раз, собираясь читать стихи свои, – вероятно, в роде «Опасного Соседа», – он велел племяннику выйти из комнаты; резвый, белокурый мальчик, уходя, говорил со смехом: «Зачем вы меня прогоняете, я все знаю, я все уже слышал» (сообщено одним очевидцем).

---

¹³ Ив. Ив. Дмитриев был ряб.

П. И. Бартнев. Материалы для биограф. Пушкина. – Моск. Вед., 1854, отд. отт. из №№ 71–118, с. 9.

(В августе 1811 года, в Петербурге, на приемных экзаменах в Царскосельский лицей.) Вошел чиновник с бумагой в руке и начал выкликать по фамилиям. – Я слышу: Александр Пушкин! – выступает живой мальчик, курчавый, быстроглазый, несколько сконфуженный... Не припомню, кто, только чуть ли не В. Л. Пушкин, привезший Александра, подозвал меня и познакомил с племянником. Я узнал от него, что он живет у дяди на Мойке, недалеко от нас. Мы положили часто видеться... При всякой возможности я отыскивал Пушкина, иногда с ним гулял в Летнем саду; эти свидания вошли в обычай, так что если несколько дней меня не видать, Василий Львович, бывало, мне пеняет. Часто, в его отсутствие, мы оставались с Анной Николаевной¹⁴. Она подчас нас, птенцов, приголубливала; случалось, что и прибранит, когда мы надоедим ей нашими ранновременными шутками. Именно замечательно, что она строго наблюдала, чтоб наши ласки не переходили границ, хотя и любила с нами побалагурить и пошалить, а про нас и говорить нечего: мы просто наслаждались непринужденностью и некоторою свободою в обращении с милою девушкой. С Пушкиным часто доходило до ссоры, иногда она требовала тут вмешательства и дяди. Из

---

¹⁴ Ворожейкина, сожительница Василия Львовича. Фамилию ее установил Л. А. Виноградов по исповедным книгам церквей.

других товарищей выдались мы иногда с Ломоносовым и Гурьевым. Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слыхали, все, что читал, помнил, но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал выказываться и важничать, как это очень часто бывает в те годы (каждому из нас было 12 лет) с скороспелками... Все научное он считал ни во что и как будто желал доказать, что мастер бегать, прыгать через стулья, бросать мячик и пр. Бывали столкновения очень неловкие... Случалось удивляться переходам в нем; видишь, бывало, его поглощенным не по летам в думы и чтения, и тут же он внезапно оставляет занятия, входит в какой-нибудь припадок бешенства за то, что другой, ни на что лучшее неспособный, перебежал его или одним ударом уронил все кегли. Я был свидетелем такой сцены на Крестовском острове, куда возил нас иногда на ялике гулять Василий Львович. Незаметным образом прошло время до октября. Нам велено было съезжаться в Царское Село.

И. И. Пущин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 44–46.

В лицее

Настало, наконец, 19 октября, день, назначенный для открытия лицея. Торжество началось молитвой. В придворной церкви служили обедню и молебен был с водосвятием. Мы на хорах присутствовали при служении. После молебна духовенство со святою водой пошло в лицей, где окропило нас и все заведение. В лицейской зале, между колоннами, поставлен был большой стол, покрытый красным сукном с золотой бахромой. На этом столе лежала высочайшая грамота, дарованная лицее. По правую сторону стола стояли мы в три ряда, при нас – директор, инспектор и гувернеры; по левую – профессора и другие чиновники лицейского управления. Остальное пространство залы, на некотором расстоянии от стола, было все уставлено рядами кресел для публики. Приглашены были все высшие сановники и педагоги из Петербурга. Когда все общество собралось, министр пригласил государя. Император Александр явился в сопровождении обеих императриц, вел. кн. Константина Павловича и вел. княжны Анны Павловны. Приветствовав все собрание, царская фамилия заняла кресла в первом ряду. Министр сел возле царя.

Среди общего молчания началось чтение. Первый вышел И. И. Мартынов, директор департамента министерства нар. просвещения. Дребезжащим, тонким голосом прочел мани-

фест об учреждении лица и высочайше дарованную ему грамоту. (Единственное учебное заведение того времени, которого устав гласил: «телесные наказания запрещаются».) Вслед за Мартыновым робко выдвинулся на сцену наш директор В. Ф. Малиновский, с свертком в руке. Бледный, как смерть, начал что-то читать; читал довольно долго, но вряд ли многие могли его слышать, так голос его был слаб и прерывист. Заметно было, что сидевшие в задних рядах начали перешептываться и прислоняться к спинкам кресел. Кончивши речь свою, оратор поклонился и еле живой возвратился на свое место. Мы, школьники, больше всех были рады: гости сидели, а мы должны были стоя слушать его и ничего не слышать.

Смело, бодро выступил профессор политических наук А. П. Куницын и начал не читать, а говорить об обязанностях гражданина и воина. Публика, при появлении нового оратора, под влиянием предшествовавшего впечатления, видимо, пугалась и вооружалась терпением; но по мере того, как раздавался его чистый, звучный и внятный голос, все оживлялись, и к концу его замечательной речи слушатели были уже не опрокинуты к спинкам кресел, а в наклоненном положении к говорившему: верный знак общего внимания и одобрения. В продолжение всей речи ни разу не было упомянуто о государе: это небывалое дело так поразило и понравилось императору Александру, что он тотчас прислал Куницыну Владимирский крест, — награда, лестная для молодого

человека, только что возвратившегося из-за границы, куда он был послан по окончании курса в Педагогическом институте. Куницын вполне оправдал внимание царя: он был один между нашими профессорами урод в этой семье.

Куницыну дань сердца и вина!

Он создал нас, он воспитал наш пламень,

Поставлен им краеугольный камень,

Им чистая лампада вожжена...

(Пушкин. «19 октября 1825 г.»)

После речей стали нас вызывать по списку; каждый, выходя перед стол, кланялся императору, который очень благосклонно вглядывался в нас и отвечал терпеливо на неловкие наши поклоны.

Когда кончилось представление виновников торжества, царь, как хозяин, отблагодарил всех, начиная с министра, и пригласил императриц осмотреть новое его заведение. За царскою фамилиею двинулась и публика. Нас между тем повели в столовую к обеду, чего, признаюсь, мы давно ожидали. Осмотрев заведение, гости лица возвратились к нам в столовую и застали нас усердно трудящимися над супом с пирожками. Царь беседовал с министром. Императрица Мария Федоровна (*мать царя*) потребовала кушанье. Подошла к Корнилову, оперлась сзади на его плечи, чтобы он не приподнимался, и спросила его: «Карош суп?» Он медвежонком

отвечал: «Oui, monsieur!»¹⁵ Сконфузился ли он и не знал, кто его спрашивал, или дурной русский выговор, которым сделан был ему вопрос, – только все это вместе почему-то побудило его откликнуться на французском языке и в мужском роде. Императрица улыбнулась и пошла дальше, не делая уже больше любезных вопросов, а наш Корнилов тотчас же попал на зубок; долго преследовала его кличка «monsieur». Императрица Елизавета Алексеевна (*жена царя*) тогда же нас, юных, пленила непринужденною своею приветливостью ко всем. Константин Павлович щекотал и щипал сестру свою Анну Павловну; потом подвел ее к Гурьеву, своему крестнику, и, стиснувши ему двумя пальцами обе щеки, а третьим вздернувши нос, сказал ей: «Рекомендую тебе эту маску. Смотри, Костя, учись хорошенько!» Пока мы обедали, и цари удалились, и публика разошлась. У графа Разумовского был обед для сановников; а педагогию петербургскую и нашу лицейскую угощал директор в одной из классных зал. Все кончилось уже при лампах. Водворилась тишина. – Вечером нас угощали десертом *à discrétion*¹⁶ вместо казенного ужина. Кругом лица поставлены были плошки, а на балконе горел щит с вензелем императора. Сбросив парадную одежду, мы играли перед лицеем в снежки и тем заключили свой праздник. Тот год зима стала рано.

И. И. Пущин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 47–50.

---

¹⁵ «Да, господин!» (фр.). – Ред.

¹⁶ Вволю (фр.). – Ред.

При торжественном открытии лицея находился А. И. Тургенев. Вычитывая воспитанников, между прочим, назвал он одного двенадцатилетнего мальчика, племянника Василия Львовича, маленького Пушкина, который, по словам его, всех удивлял остроумием и живостью.

Ф. Ф. Вигель. Записки, т. III, с. 181.

Для лицея был отведен огромный четырехэтажный флигель царскосельского дворца. В нижнем этаже помещалось хозяйственное управление и квартиры инспектора, губернаторов и некоторых других чиновников; во втором столовая, больница с аптекой и конференц-зал с канцелярией; в третьем – рекреационная зала, классы (два с кафедрами, один для занятия воспитанников после лекций), физический кабинет, комната для газет и журналов и библиотека, в арке, соединяющей лицей со дворцом через хоры придворной церкви; в верхнем – дортуары. Для них, на протяжении вдоль всего строения, во внутренних поперечных стенах прорублены были арки. Таким образом образовался коридор с лестницами на двух концах, в котором с обеих сторон перегородками отделены были комнаты; всего пятьдесят номеров. В каждой комнате – железная кровать, комод, конторка, зеркало, стул, стол для умывания, вместе и ночной. На конторке чернильница и подсвечник со щипцами. Во всех этажах и на лестницах было освещение ламповое; в двух средних

этажах паркетные полы. В зале зеркала во всю стену, мебель штофная.

Прогулка три раза в день, во всякую погоду. Вечером в зале – мячик и беготня. Вставали мы по звонку в шесть часов. Одевались, шли на молитву в залу. Утреннюю и вечернюю молитву читали мы вслух по очереди. От 7 до 9 часов – класс; в 9 – чай; прогулка – до 10; от 10 до 12 – класс; от 12 до часу – прогулка; в час – обед; от 2 до 3 – или чистописание, или рисование; от 3 до 5 – класс; в 5 часов – чай; до 6 – прогулка; потом – повторение уроков или вспомогательный класс. По средам и субботам – танцеванье или фехтованье. Каждую субботу баня. В половине 9 часа – звонок к ужину. После ужина до 10 часов – рекреация. В 10 – вечерняя молитва, сон. В коридоре на ночь ставились ночники во всех арках. Дежурный дядька мерными шагами ходил по коридору.

Белье переменялось на теле два раза, а столовое и на постели – раз в неделю. Обед состоял из трех блюд (по праздникам из четырех). За ужином подавалось два. Кушанье было хорошо, но это не мешало нам иногда бросать пирожки Золотареву в бакенбарды. При утреннем чае – крупичатая белая булка, за вечерним – полбулки. В столовой по понедельникам выставлялась программа кушаний на всю неделю. Тут совершалась мена порциями по вкусу. Сначала давали по полустакану портеру за обедом. Потом эта английская система была уничтожена. Мы ограничивались отечественным

квасом и чистой водою. При нас было несколько дядек: они заведывали чистой одеждой, сапог и прибирали в комнатах. У дядьки Леонтия Кемерского, польского шляхтича, явился уголок, где можно было найти конфеты, выпить чашку кофе или шоколаду (даже рюмку ликеру, – разумеется, контрабандой). Он иногда, по заказу именинника, за общим столом вместо казенного чая ставил сюрпризом кофе или шоколад вечером, со столбушками сухарей.

И. И. Пуцин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 51–53.

Второй этаж служил классами для младшего курса, а третий для старшего.

И. Я. Селезнев. Историч. очерк имп. царскосельск. лицея. СПб., 1861, с. 172.

Где именно жил Пушкин в лицее, где была его комната № 14 в лицейском общежитии, – установить в настоящее время невозможно; хотя известно, что комната эта была в четвертом этаже, с окном в лицейский сад, однако после перевода лицея в Петербург (в 1843 году) здание его было настолько перестроено, что найти эту комнату не представляется возможным. В настоящее время в бывшем здании лицея находятся квартиры чинов придворного ведомства; в четвертом этаже, где была комната Пушкина, теперь живет прислуга этих чинов.

*И. Р.*¹⁷ Дом Пушкина в Царском Селе. – Рус. Вед., 1910, № 232.

Вначале нам сделали прекрасные синие мундиры из тонкого сукна, и при них белые панталоны в обтяжку с ботфортами и треугольными шляпами, и сверх того для будней синие форменные сюртуки с красными воротниками. Но с 1812 г. все это стало постепенно отпадать. Сперва, вместо белых панталон с ботфортами, явились серые брюки; потом, вместо треугольных шляп, – фуражки; наконец, вместо форменных синих сюртуков, – серые статского покроя, чем особенно мы очень обижались, потому что такая же форма была тогда и для малолетних придворных певчих вне службы. Впоследствии хотя и восстановили синие форменные сюртуки, но все прочее осталось, а сверх того, казенное платье было так плохо и шилось на такие долгие сроки, что все, кому сколько-нибудь дозволяли средства, имели свое, прочие же и в дворцовую церковь являлись в заплатках.

Гр. *М. А. Корф*. Записка. – Я. К. Грот, с. 223.

Форма воспитанников состояла из сюртука двухбортного синего с красным воротником и по краям и обшлагам красною выпушкою; пуговицы на нем гладкие, позолоченные; синего суконного жилета и прямых длинных, также синего сукна, брюк, сюртук сменяется летом курткой; для парадных

---

¹⁷ Псевдоним не раскрыт. – Ред.

случаев служил мундир однобортный с красными обшлагами и таким же воротником, на котором находились золотые (для старшего возраста) или серебряные (для младшего) петлицы; жилет при этом был белый, пикейный; шинель серого сукна с красною петлицею на воротнике; фуражка синяя с красною на обеих сторонах опушкой и лакированным козырьком.

В одежде воспитанников, при первом обзаведении, между прочим, показаны: на каждого воспитанника две пуховых шляпы: треугольная и круглая; на летнее время две куртки с панталонами из бланжевой фуфайки; ночные чепчики, бумажные колпаки, оленьи с варешками перчатки, полусапожки, башмаки, калоши.

И. Я. Селезнев. Историч. очерк лицея, с. 138–139, 175.

Так и вижу NN над дверьми и на левой стороне воротника шинели на квадратной тряпочке чернилами.

И. В. Малиновский – С. Д. Комовскому, 19 нояб. 1872 г. – *К. Я. Грот.* Пушкинский лицей. СПб., 1911, с. 89.

Через несколько дней после открытия, за вечерним чаем, входит директор и объявляет нам, что получил предписание министра, которым возбраняется выезжать из лицея, а что родным позволено посещать нас по праздникам. Это объявление категорическое, которое, вероятно, было уже предварительно постановлено, но только не оглашалось, сильно

отуманило нас всех своею неожиданностью. Мы призадумались, молча посмотрели друг на друга, потом начались между нами толки и даже рассуждения о незаконности такой меры стеснения, не бывшей у нас в виду при поступлении в лицей. Разумеется, временное это волнение прошло, как проходит постепенно все, особенно в те годы.

И. И. Пущин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 51.

Во все шесть лет нас не пускали из Царского Села даже в близкий Петербург, и изъятие было сделано для двух или трех только по случаю и во время тяжелой болезни их родителей, да еще, уже для всех, за несколько дней до выпуска, чтобы снять каждому мерки для будущего своего платья. И в самом Царском Селе, в первые три или четыре года, нас не выпускали порознь даже из стен лицея, так что, когда приезжали родители или родственники, то их заставляли сидеть с нами в общей зале или, при прогулках, бегать по саду за нашими рядами.

Гр. М. А. Корф. Записка. – Я. К. Грот, с. 246.

От покойного Матюшкина я слышал, что при поступлении в лицей Пушкин довольно плохо писал по-русски.

Я. К. Грот, с. 46.

А. С. Пушкин, при поступлении в лицей, особенно отличался необыкновенною памятью и превосходным знани-

ем французской словесности. Ему стоило прочесть раза два страницу какого-нибудь стихотворения, и он мог уже повторить оное наизусть без всякой ошибки.

С. Д. Комовский (лицейский товарищ Пушкина) со слов гувернера *С. Г. Чирикова*. Записка о Пушкине. – Я. К. Крот, с. 218.

Вступив в лицей, А. Пушкин уже знал английский язык, как знают все дети, с которыми дома говорят на этом языке.

С. Л. Пушкин. Замечания на т. наз. биограф. А. С. Пушкина, помещенную в «Портретной и биографической галерее». – Отеч. Зап., 1841, т. XV, особ. прил., с. 2.

Пушкин начал влюбляться с одиннадцатилетнего возраста.

С. М. Салтыкова – А. Н. Семеновой-Карелиной, 28 февр. 1825 г. (со слов гр. Е. М. Ивелич). – Б. Л. Модзалевский. Пушкин, с. 151.

Будучи 12 лет от роду, Пушкин не только знал на память все лучшие творения французских поэтов, но даже сам писал довольно хорошие стихи на этом языке. Упражнения в словесности французской и российской были всегда любимейшие его занятия, в которых он наиболее успевал. Кроме того, он охотно занимался и науками историческими, но не любил политических и в особенности математику.

С. Д. Комовский. Записка о Пушкине. – Я. К. Грот, с. 219.

При самом начале он – наш поэт; как теперь вижу тот послеобеденный класс Кошанского, когда, кончивши лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: «Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочел два четырехстишья, которые всех нас восхитили. Кошанский взял рукопись к себе. Это было чуть ли не в 1811 году, и никак не позже первых месяцев 1812 г.

И. И. Пуцин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 56.

В моих стихотворческих занятиях я успел чрезвычайно, имея товарищем одного молодого человека (*Пушкина*), который, живши между лучшими стихотворцами, приобрел много в поэзии знаний и вкуса, и, читая мои прежние стихи, вижу в них непростительные ошибки. Хотя у нас запрещено сочинять, но мы с ним пишем украдкой (25 марта 1812 г.).

Скажу тебе новость: нам позволили теперь сочинять (26 апр. 1812 г.). *А. Д. Илличевский* (лицеист) – *П. Н. Фуссу*. – Я. К. Грот, с. 56—57.

(Из стихотворения *Пушкина* «19 окт. 1836 г.»):

Вы помните, текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались

И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Да, именно так. И после провода одной из ратей воспитанники до того одушевились патриотизмом, что, готовясь к французской лекции, побросали грамматику под лавки, под столы.

И. В. Малиновский (лицейский товарищ Пушкина). – Пушкин и его совр-ки, вып. XXXVIII–XXXIX, с. 214.

Пушкин, привезя с собой из Москвы огромный запас любимой им тогда французской литературы, начал ребяческую охоту свою – писать одни французские стихи и переводить на чисто-русскую, очищенную им самим почву. Затем, едва познакомившись с юною своею музою, он стал поощрять и других товарищей своих писать: русские басни (Яковлева), русские эпиграммы (Илличевского), терпеливо выслушивал тяжеловесные гекзаметры барона Дельвига и снисходительно улыбался клопштокским стихам неуклюжего нашего Кюхельбекера. Сам же поэт наш, удаляясь нередко в уединенные залы лицея или тенистые аллеи сада, грозно насупя брови и надув губы, с искусанным от досады пером во рту, как бы усиленно боролся иногда с прихотливою кокеткою музою, а между тем мы все видели и слышали потом, как всегда легкий стих его вылетал подобно «пуху из уст Эола».

К 1812 году относится стихотворение «Измены»... Оно относится к приезжавшей в лицей графине Н. В. Кочубей, бывшей впоследствии, но уже гораздо позже, за гр. д. Г. Строгановым.

В. П. Гаевский. Пушкин в лицее. – Современник, 1863, № 7, с. 159.

Едва ли не Нат. Викт. Кочубей (а не Бакунина) была *первым* предметом любви Пушкина.

Бар. М. А. Корф – В. П. Гаевскому, 30 мая 1863 г. – Пушкин и его совр-ки, вып. VIII, с. 25.

Пушкин (Александр), 13 лет. Имеет более блистательные, нежели основательные дарования, более пылкой и тонкой, нежели глубокой ум. Прилежание его к чтению посредственно, ибо трудолюбие не сделалось еще его добродетелью... Знания его вообще поверхностны, хотя начинает несколько привыкать к основательному размышлению. Самолюбие вместе с честолюбием, делающее его иногда застенчивым, чувствительность с сердцем, жаркие порывы вспыльчивости, легкомысленность и особенная словоохотливость с остроумием ему свойственны. Между тем приметно в нем и добродушие, познавая свои слабости, он охотно принимает советы с некоторым успехом. Его словоохотливость и остро-

умие восприняли новый и лучший вид с счастливою переменою образа его мыслей, но в характере его вообще мало постоянства и твердости.

М. С. Пилецкий (надзиратель по учебной и нравственной части). Официальный отзыв. – К. Я. Грот. Пушкинский лицей, с. 361.

(19 ноября 1812 г.) Пушкин – весьма понятен, замысловат и остроумен, но крайне не прилежен. Он способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения, а потому успехи его очень невелики, особливо по части логики.

А. П. Куницын. Из «Ведомости об успехах воспитанников Лицея по части логики и нравственной философии». – В. П. Гаевский. Дельвиг. – Современник, 1853, № 2, с. 67.

Очень ленив, в классе не внимателен и не скромн, способностей не плохих, имеет остроту, но, к сожалению, только для пустословия, успеваеи весьма посредственно.

Я. И. Карцев (преподаватель математики и физики, в нояб. 1812 г.). Лицейский журн., IV. 1910–1911, с. 22.

(6–30 ноября 1812 г.) Пушкин 6-го числа в суждении своем об уроках сказал: признаюсь, что я логики, право, не понимаю, да и многие даже лучшие меня оной не знают, потому что логические селогизмы весьма для него невнятны. – 16

числа весьма оскорбительно шутил с Мясоедовым на щот 4 Департамента, зная, что его отец там служит, произнося какие-то стихи, коих мне повторить не хотел, при увещании же сделал слабое признание, а раскаяния не видно было. – 18-го толкал Пущина и Мясоедова, повторял им слова: что если они будут жаловаться, то сами останутся виноватыми, ибо я, говорит, вывертеться умею. – 20. В классе рисовальном называл г. Горчакова вольной польской дамой. – 21. За обедом вдруг начал громко говорить, что Волховский г. инспектора боится, и, видно, оттого, что боится потерять доброе свое имя, а мы, говорит, шалуны, его увещаниям смеемся. После начал исчислять с присовокупившимся к сему г. Корсаковым сделанные г. инспектором родителям некоторых товарищей обиды, а после обеда и других к составлению клеветы на г. инспектора подстрекнул. Вообще г. Пушкин вел себя все следующие дни весьма смело и ветрено. – 23-го, когда я у г. Дельвига в классе г. профессора Гауэншильда отнимал бранное на г. инспектора сочинение, в то время г. Пушкин с непристойною вспыльчивостью говорит мне громко: «Как вы смеете брать наши бумаги, – стало быть, и письма наши из ящика будете брать». Присутствие г. профессора, вероятно, удержало его от худшего еще поступка, ибо приметен был гнев его. – 30 числа к вечеру г. Кошанскому – изъяснял какие-то дела с.-петербургских модных французских лавок, кои называются Маршанд дю Мод, я не слыхал сам сего разговора, только пришел в то время, когда г. Кошан-

ский сказал ему: я повыше вас, а, право, не вздумаю такого вздора, да и вряд ли кому оной придет в голову. Спрашивал я других воспитанников, но никто не мог мне его разговор повторить по скромности, как видно.

И. С. Пилецкий. – И. А. Шляпкин, с. 328–329.

А. Пушкин. Легкомыслен, ветрен, неопрытен, нерадив, впрочем, добродушен, усерден, учтив, имеет особенную страсть к поэзии.

С. Г. Чириков. Аттестация 30 сент. 1818 г. – И. А. Шляпкин, с. 334.

1813–1815

А наш француз
Свой хвалит вкус
И матерщину порет.

(Француз – лицейское прозвище Пушкина.)

Из лицейских «национальных песен». – К. Я. Грот. Пушкинский лицей, с. 224.

По рассказам товарищей Пушкина, он, в первые два года лицейской жизни, написал роман в прозе: *Цыган* и вместе с М. Л. Яковлевым комедию: *Так водится на свете*, предназначавшуюся для домашнего театра. После этих опытов он начал комедию в стихах: *Философ*, о которой упоминает в

своих записках; но, сочинив только два действия, охладил к своему труду и уничтожил написанное. В то же время он сочинил, в подражание Баркову, поэму *Монах*, которую также уничтожил по совету одного из своих товарищей. Увлеченный успехом произведения дяди, В. Л. Пушкина, *Опасный Сосед*, племянник пустился в тот же род и кроме упомянутой поэмы написал *Тень Баркова*, балладу, известную по нескольким спискам. Последнюю он выдавал сначала за сочинение кн. П. А. Вяземского, но увидев, что она пользуется большим успехом, признался, что написал ее сам... Все эти пять произведений, по отзывам товарищей поэта, сочинены в 1812, 1813 и не позже 1814 года, прежде упоминаемой в его записках восточной сказки: *Фатама или разум человеческий*.

В. П. Гаевский. Пушкин в лицее. – Современник, 1863, № 7, с. 155.

Пользуясь своим влиянием на Пушкина, кн. Горчаков побуждал его уничтожить одно произведение, «которое могло бы оставить пятно на его памяти». Пушкин написал было поэму «Монах». Кн. Горчаков взял ее на прочтение и сжег, объявив автору, что это недостойно его имени.

Кн. А. И. Урусов со слов кн. А. М. Горчакова. – Рус. Арх., 1883, т. II, с. 206.

(1 янв. 1814 г.) При малом прилежании оказывает очень

хорошие успехи, и сие должно приписать одним только прекрасным его дарованиям. В поведении резв; но менее противу прежнего.

И. К. Кайданов. Из «Ведомости о дарованиях, прилежании и успехах воспитанников по части географии, всеобщей и российской истории». – В. П. Гаевский. Дельвиг. – Современник, 1853, № 2, с. 67.

У одного из царскосельских жителей, графа В. В. Толстого, был домашний театр, на котором играла труппа, составленная из крепостных людей. Лицеисты посещали его спектакли, на которых, вместе с другими посетителями, засматривались на первую любовницу доморощенной труппы, Наталью, которая, однако ж, была плохою актрисою. К ней Пушкин написал в 1814 г. послания *К Наталье* и *К молодой актрисе*.

В. П. Гаевский. Пушкин в лицее. – Современник, 1863, № 7, с. 139.

Ma taille à celle des plus longs,
Las! n'est point égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tete bouclée.

(Мой стан со станом высоких, увы, не может равняться: у меня свежий цвет лица, белокурые волосы и курчавая

голова.)

Пушкин. Mon portrait, 1814.

В молодости Пушкина волоса его были почти светло-русы.

П. А. Корсаков (брат лицейского товарища Пушкина). В примечании к стих. «Mon portrait». – Маяк, 1840, ч. III, с. 24. Цит. по: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. СПб.: Изд. Брокгауза—Ефрона, т. I, с. 169.

Брат Пушкина, Лев Сергеевич, по словам его племянника Л. Н. Павлищева, утверждал, что тут заключается неверность и что его старший брат всегда был темноволосым; что будто бы однажды младший Пушкин указал брату на эту несообразность, и поэт отвечал, что употребил выражение «cheveux blonds» только ради рифмы с «plus longs». Л. Н. Павлищев в последнее время, по крайней мере, судя по его письму ко мне от 8 февр. 1899 г., утверждает, что «волосы А. С. Пушкина в детстве были белокурые».

Д. Н. Анучин. Антропол. эскиз, с. 33.

Вопреки составившемуся как-то преданию, Пушкин в детстве никогда не был белокурым, а еще при поступлении в лицей имел темнорусые волосы.

Гр. М. А. Корф. Записка. – Я. К. Грот, с. 246.

Нельзя не вспомнить сцены, когда Пушкин читал нам своих «Пирующих студентов». Он был в лазарете и пригласил нас прослушать эту пьесу. После вечернего чая мы пошли к нему гурьбой с губернатором Чириковым. Началось чтение:

Друзья! Досужный час настал,
Все тихо, все в покое...

и проч.

Внимание общее, тишина глубокая по временам только прерывается восклицаниями. Кюхельбекер просил не мешать, он был весь тут, в полном упоении. Доходит дело до последней строфы. Мы слышим:

Писатель! За свои грехи
Ты с виду всех трезвее:
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее!

При этом возгласе публика забывает поэта, стихи его, бросается на бедного метромана, который, растаявшись под влиянием поэзии Пушкина, приходит в совершенное одурение от неожиданной эпиграммы и нашего дикого натиска. Добрая душа был этот Кюхельбекер! Опомнившись, просит он Пушкина еще раз прочесть, потому что и тогда уже плохо слышал одним ухом, испорченным золотухой.

Пушкин был свидетелем патриотического восторга при возвращении победителей, выразившегося в торжественных встречах, стихах и праздниках. На одном из таких торжеств, происходивших в Павловске 27 июля 1814 года, в числе зрителей были и лицеисты... Пушкина особенно занимали устроенные между дворцом и «розовым павильоном» триумфальные ворота, на которых, как будто в насмешку над их малым размером, были написаны два стиха Буниной:

Тебя, текуща ныне с бою,
Врата победы не вместят!

Пушкин по этому поводу набросал пером рисунок, изображавший замешательство, происходившее будто бы у «победных врат»: лица, составлявшие шествие, видят, приближаясь к воротам, что они действительно «не вместят» государя, который при этом еще пополнял в Париже, и некоторые из свиты бросаются рубить их. Остроумный рисунок, представлявший несколько портретов, скоро распространился и был подарен Пушкиным К. А. Карамзиной. Автора невинной шутки долго искали, но, разумеется, не нашли.

В. П. Гаевский. Пушкин в лицее. – Современник, 1863, № 8, с. 366–367.

Я, Малиновский и Пушкин затеяли выпить гогель-могелю. Я достал бутылку рому, добыли яиц, натолкли сахару, и началась работа у кипящего самовара. Разумеется, кроме нас, были и другие участники в этой вечерней пирушке, но они остались за кулисами по делу, а в сущности один из них, именно Тырков, в котором чересчур подействовал ром, был причиной, по которой дежурный гувернер заметил какое-то необыкновенное оживление, шумливость, беготню. Сказал инспектору. Тот, после ужина, всмотрелся в молодую свою команду и увидел что-то взвинченное. Тут же начались спросы, розыски. Мы трое явились и объявили, что это наше дело и что мы одни виноваты.

И. И. Пущин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 57.

5 сентября (1814 г.) воспитанники Малиновский, Пущин и Пушкин уговорили одного из служителей принести им в их камеры горячей воды, мелкого сахару, сырых яиц и рому; и когда было все оное принесено, то отлучились без позволения дежурных гувернеров из залы в свои камеры, где из резвости и детского любопытства составляли напиток под названием: гогель-могель, который уже начинали пробовать. Как в самое то же время узнали, что я возвратился и пришел в зал, где они уже находились; но я, немедленно узнав об их поступке, исследовал подробно и, найдя их виновными, наказал в течение двух дней во время молитв стоянием на коленях.

С. С. Фролов (надзиратель лицей). Рапорт конференции лицей. – И. А. Шляпкин, с. 336.

(Об этом проступке Малиновского, Пуцина и Пушкина.) Исправлявший тогда должность директора проф. Гауеншильд донес министру. Граф Разумовский приехал из Петербурга, вызвал нас из класса и сделал нам формальный строгий выговор. Этим дело не кончилось, – дело поступило на решение конференции. Конференция постановила следующее: 1) две недели стоять на коленях во время утренней и вечерней молитвы; 2) сместить нас на последние места за столом, где мы сидели по поведению, и 3) занести фамилии наши, с прописанием виновности и приговора, в черную книгу, которая должна была иметь влияние при выпуске. Первый пункт приговора был выполнен буквально. Вторым смягчался по усмотрению начальства: нас, по истечении некоторого времени, постепенно подвигали опять вверх. При этом Пушкин сказал:

Блажен муж, иже
Сидит к каше ближе.

На этом конце раздавалось кушанье дежурным гувернером. Третий пункт, самый важный, остался без всяких последствий. Когда, при рассуждениях конференции о выпуске, представлена была директору Энгельгардту черная эта

книга, где мы трое только и были записаны, он ужаснулся и стал доказывать своим сочленам, что мудрено допустить, чтоб давнишняя шалость, за которую тогда же было взыскано, могла бы еще иметь влияние и на всю будущность молодых людей после выпуска. Все тотчас согласились с его мнением, и дело было сдано в архив.

И. И. Пущин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 57.

Благодаря бога, у нас, по крайней мере, царствует с одной стороны свобода. Нет скучного заведения сидеть à ses places¹⁸; в классах бываем недолго: семь часов в день; больших уроков не имеем; летом досуг проводим на прогулке, зимою в чтении книг, иногда представляем театр, с начальниками обходимся без страха, шутим с ними, смеемся.

А. Д. Илличевский – П. Н. Фуссу, 2 нояб. 1814 г. – Я. К. Грот, с. 59.

Пушкин, с самого начала, был раздражительнее многих и поэтому не возбуждал общей симпатии: это был удел эксцентрического существа среди людей. Не то, чтоб он разыгрывал какую-нибудь роль между нами или поражал какими-нибудь особенными странностями; но иногда неуместными шутками, неловкими колкостями сам ставил себя в затруднительное положение, не умея потом из него выйти. Это вело его к новым промахам, которые никогда не ускользают в школь-

---

¹⁸ На своих местах (фр.). – Ред.

ных сношениях. Я, как сосед (с другой стороны его номера была глухая стена), часто, когда все уже засыпали, толковал с ним вполголоса через перегородку о каком-нибудь вздорном случае того дня; тут я видел ясно, что он по щекотливости всякому вздору приписывал какую-то важность, и это его волновало. Вместе мы, как умели, сглаживали некоторые шероховатости, хотя не всегда это удавалось. В нем была смесь излишней смелости с застенчивостью, и то, и другое не попадало, что тем самым ему вредило. Бывало, вместе промахнемся, сам вывернешься, а он никак не сумеет этого уладить. Главное, ему недоставало того, что называется *тактом*, это – капитал, необходимый в товарищеском быту, где мудрено, почти невозможно, при совершенно бесцеремонном обращении, уберечься от некоторых неприятных столкновений вседневной жизни. Все это вместе было причиной, что вообще не вдруг отозвались ему на его привязанность к лицейскому кружку, которая с первой поры зародилась в нем, не проявляясь, впрочем, свойственной ей иногда пошлостью. Чтобы полюбить его настоящим образом, нужно было взглянуть на него с тем полным благорасположением, которое знает и видит все неровности характера и другие недостатки, мирится с ними и кончает тем, что полюбит даже и их в друге-товарище.

И. И. Пущин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 54.

Нравственные страдания, как и пылкие страсти, посетили

Пушкина очень рано. Он проводил ночи в разговорах, через стенку, с другом своим, оставившим нам эти сведения. Содержание этих поздних бесед, преимущественно, состояло из жалоб Пушкина на себя и других, скорбных признаний, раскаянья и, наконец, из обсуждения планов, как поправить свое положение между товарищами или избежать следствий ложного шага или необдуманного поступка. Этот поверенный сообщал нам также и о горьких слезах, часто орошавших, в тишине бессонной ночи, подушку молодого человека из № 14. Дело в том, что Пушкин, по словам его, наделен был от природы весьма восприимчивым и впечатлительным сердцем, назло и наперекор которому шел весь образ его действий, – заносчивый, резкий, напрашивающийся на вражду и оскорбления. А между тем способность к быстрому ответу, немедленному отражению удара или принятию наиболее выгодного положения в борьбе часто ему изменяла. Известно, какой огромной долей злого остроумия, желчного и ядовитого юмора обладал Пушкин, когда, сосредоточась в себе, вступал в обдуманную битву с своими литературными и другими врагами, но быстрая находчивость и дар мгновенного, удачного выражения никогда не составляли отличительного его качества. Пушкин не всегда оставался победителем в столкновениях с товарищами, им же и порожденных, и тогда, с растерзанным сердцем, с оскорбленным самолюбием, сознанием собственной вины и с негодованием на ближних, возвращался он в свою комнату и, перебирая

все жгучие впечатления дня, выстрадывал вторично все его страдания до капли.

П. В. Анненков. Пушкин в Алекс. эпоху, с. 53.

Не только в часы отдыха от учения в рекреационной зале, на прогулках, но нередко в классах и даже в церкви ему приходили в голову разные поэтические вымыслы, и тогда лицо его то хмурилось необыкновенно, то прояснялось от улыбки, смотря по роду дум, его занимавших¹⁹. Набрасывая же мысли свои на бумагу, он удалялся всегда в самый уединенный угол комнаты²⁰, от нетерпения грыз обыкновенно перо и, насупив брови, надувши губы, с огненным взором читал про себя написанное. Кроме любимых разговоров своих о литературе и авторах с теми товарищами, кои тоже писали стихи, как то с бароном Дельвигом, Илличевским, Яковлевым и Кюхельбекером (над неудачною страстью коего к поэзии он любил часто подшучивать), Пушкин был вообще не очень сообщителен с прочими своими товарищами и на вопросы их отвечал обыкновенно лаконически.

Из профессоров и гувернеров лицея никто *в особенности* Пушкина не любил и не отличал от других воспитанников;

---

¹⁹ Лицо Пушкина, и ходя по комнате, и сидя на лавке, часто то хмурилось, то прояснялось от улыбки. – *Примеч. другого лицейского товарища Пушкина, М. Л. Яковлева.*

²⁰ Неправда. Писал он везде, где мог, а всего более в математическом классе. – *Примеч. М. Л. Яковлева.*

но все боялись его сатир, эпиграмм и острых слов²¹, с удовольствием слушая их насчет других. Так, напр., профессор математики Карцев от души смеялся его политическим шуткам над лицейским доктором Пешелем, который в свою очередь охотно слушал его насмешки над Карцевым. Один только профессор российской и латинской словесности Кошанский, предвидя необыкновенный успех поэтического таланта Пушкина, старался все достоинство одного приписывать отчасти себе и для того употреблял все средства, чтобы как можно более познакомить его с теорией отечественного языка и с классической словесностью древних²², но к последней не успел возбудить в нем такой страсти, как в Дельвиге. Сам Пушкин, увлекаясь свободным полетом своего гения, не любил подчиняться классному порядку и никогда ничего не искал в своих начальниках.

С. Д. Комовский. Записка о Пушкине. – Я. К. Грот, с. 219.

Галич был моим профессором и одобрял меня на попри-

---

²¹ Не помню и не знаю, кто боялся сатир Пушкина, разве один Пешель, но и этот только трусил. Острот Пушкин не говорил. – *Примеч. М. Л. Яковлева.*

²² Так, но вместе с тем Кошанский – особенно в первое время – всячески старался отвлечь и удержать Пушкина от писания стихов, частью, может быть, возбуждаемый к тому ревностью или завистью: ибо сам писал и печатал стихи, в которых боялся соперничества возникающего нового гения. – *Примеч. бар. М. А. Корфа.* – Русским языком Пушкин занимался не потому, чтобы кто-нибудь из учителей побуждал его к тому, а по страсти, по влечению собственному. Пушкина талант начал развиваться в то время, когда Кошанский по болезни был устранин и три (? Я.К. Грот) года в лицее не был. – *Примеч. М. Л. Яковлева.*

ще, мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814-го года мои «Воспоминания о Царском Селе».

Пушкин. Дневник, 17 марта 1834 г.

«Воспоминания о Царском Селе» прочитаны на публичном экзамене 8 января 1815 г., но предварительно рассматривались начальством, были представлены графу Разумовскому (*министру нар. просв.*) и были прочтены при нем на репетиции, происходившей за несколько дней до экзамена, который начался 4 января.

В. П. Гаевский. Пушкин в лицее. – Современник, 1863, № 8, с. 368.

Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались... Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил; лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвисли. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен русской словесности. Тут он оживился: глаза заблестали, он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец, вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания о Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий

зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение; не помню, куда убежал. Державин был в восхищении: он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли.

Пушкин. О Державине.

Державин, выслушав это произведение, в котором чувствовалось ему что-то родственное, растроганный сказал: «я не умер» и хотел обнять своего преемника.

В. П. Гаевский. Пушкин в лице. – Современник, 1863, № 8, с. 370.

Державин, прочтя первые стихи Пушкина, понял будущего поэта и сказал С. Т. А-ву (*Аксакову*): «Вот кто заменит Державина».

Ф. Н. Глинка. Воспоминания о пиитической жизни Пушкина. М., 1837, с. 13.

Читал Пушкин с необыкновенным оживлением. Слушая знакомые стихи, мороз по коже пробегал у меня. Когда же патриарх наших певцов в восторге, со слезами на глазах, бросился целовать поэта и осенил кудрявую его голову, мы все, под каким-то неведомым влиянием, благоговейно молчали. Хотели сами обнять нашего певца, его уже не было: он убежал.

И. И. Пущин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 61.

За обедом, на который я был приглашен графом А. К. Ра-
зумовским, бывшим тогда министром народного просвеще-
ния, граф, отдавая справедливость молодому таланту, сказал
мне: «Я бы желал однако же образовать сына вашего в про-
зе». – «*Оставьте его поэтом*», – отвечал ему за меня Дер-
жавин с жаром, вдохновенный духом пророчества.

С. Л. Пушкин. – Отеч. Зап., 1841, т. XV, особ. прил. 3.

О ласке Державина к Пушкину не было особенно говоре-
но тогда.

П. В. Нащокин по записи *П. И. Бартенева*. – П. И. Барте-
нев. Рассказы о Пушкине, с. 26.

Пушкин даже во сне видел стихи и сам рассказывал, что
ему приснилось раз двоестишие:

Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая, —

к которому он приделал потом целое стихотворение – *Ли-
цинию*.

П. В. Анненков. Материалы, с. 35. То же самое со слов П.
А. Плетнева сообщает П. И. Бартенева. – Моск. Вед., 1854,
отд. отт. из №№ 71–118, с. 34.

Все профессора смотрели с благоговением на растущий талант Пушкина. В математическом классе раз вызвал его Карцев к доске и задал алгебраическую задачу. Пушкин долго переминался с ноги на ногу и все писал молча какие-то формулы. Карцев спросил его наконец: «Что ж вышло? Чему равняется x ?» Пушкин, улыбаясь, ответил: «Нулю!» – «Хорошо! У вас, Пушкин, в моем классе все кончается нулем. Садитесь на свое место и пишите стихи». Пушкин охотнее всех других классов занимался в классе Куницына, и то совершенно по-своему: уроков никогда не повторял, мало что записывал, а чтоб переписывать тетради профессоров (печатных руководств тогда еще не существовало), – у него и в обычае не было: все делалось *à livre ouvert*²³.

И. И. Пуццин. Записки. – Л. Н. Майков. с. 60.

По словам Комовского, товарищи-лицеисты не любили кн. Горчакова за его крайне неприятный характер, мелочный, злопамятный, чванливый и заносчивый до последних пределов. В душе он всегда завидовал Пушкину за его гений и то и дело хвастался перед ним своей красотой (кн. Горчаков был, действительно, классически красив) и знатностью рода. Пушкин, с своей стороны, относился к Горчакову с тем же свойственным ему добродушием, как и ко всем прочим своим товарищам. Он даже посвятил ему стихи, которые сначала князю не понравились, так как были слишком

---

²³ Без подготовки (фр.). – Ред.

игривы. Однако потом, когда Пушкин вошел в славу, князь стал хвалиться своею близостью с ним и охотно цитировал это самое шутивное послание, посвященное ему Пушкиным.

С. У. (С. И. Уманец). Мозаика. – Историч. Вестн., 1915, авг., с. 482.

Сидели мы с Пушкиным однажды вечером в библиотеке у открытого окна. Народ выходил из церкви от всенощной; в толпе я заметил старушку, которая о чем-то горячо с жестами рассуждала с молодой девушкою, очень хорошенькою. Среди болтовни я говорю Пушкину, что любопытно бы знать, о чем так горячатся они, о чем так спорят, идя от молитвы? Он почти не обратил внимания на мои слова, всмотрелся однако в указанную мною чету и на другой день встретил меня стихами:

От всенощной вечор идя домой,
Антипьевна с Марфушкою бранились;
Антипьевна отменно горячилась.
«Постой, – кричит, – управлюсь я с тобой!
Ты думаешь, что я забыла
Ту ночь, когда, забравшись в уголок,
Ты с крестником Ванюшею шалила?
Постой, о всем узнает муженек!» —
«Тебе ль грозить! – Марфушка отвечает: —
Ванюша – что? Ведь он еще дитя;
А сват Трофим, который у тебя

И день, и ночь? Весь город это знает.
Молчи ж, кума: и ты, как я, грешна;
Словами ж всякого, пожалуй, разобидишь,
В чужой ... соломенку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна».

«Вот что ты заставил меня написать, любезный друг», – сказал он, видя, что я несколько призадумался, выслушав его стихи, в которых поразило меня окончание. В эту минуту подошел к нам Кайданов (*преподаватель истории*), – мы собирались в его класс. Пушкин и ему прочел свой рассказ. Кайданов взял его за ухо и тихонько сказал: «Не советую вам, Пушкин, заниматься такой поэзией, особенно кому-нибудь сообщать ее. И вы, Пуцин, не давайте воли язычку», – прибавил он, обратясь ко мне. Хорошо, что на этот раз подвернулся нам добрый Иван Кузьмич, а не другой кто-нибудь.

И. И. Пуцин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 60.

Наше Царское Село в летние дни есть Петербург в миниатюре. У нас есть вечерние гуляния, в саду музыка и песни, иногда театры. Всем этим обязаны мы графу Толстому, богатому и любящему удовольствия человеку. По знакомству с хозяином и мы имеем вход в его спектакли; ты можешь понять, что это наше первое и почти единственное удовольствие. Но осень на нас не на шутку косо поглядывает... Все запрется в дому, разъедется в столицу или куда хочет; а мы, постоянные жители Села, живи с нею. Чем убить такое скуч-

ное время? Вот тут-то поневоле призовешь к себе науки.

А. Д. Илличевский. – *П. Н. Фуссу*, 2 сент. 1815 г. – Я. К. Грот, с. 63.

Пушкин был до того женолюбив, что, будучи еще 15 или 16 лет, от одного прикосновения к руке танцующей, во время лицейских балов, взор его пылал, и он пыхтел, сопел, как ретивый конь среди молодого табуна.

С. Д. Комовский. Записка о Пушкине. – Я. К. Грот, с. 220.

Вашему Превосходительству угодно было, чтобы я написал пиэсу на приезд Государя Императора; исполняю ваше повеленье. Ежели чувства любви и благодарности к великому Монарху нашему, начертанные мною, будут не совсем недостойны высокого предмета моего, сколь щастлив буду я, ежели его Сиятельство Граф Алексей Кириллович Разумовский благоволит поднести Его Величеству слабое произведение неопытного стихотворца.

Пушкин – *И. И. Мартынову* (директору департамента Мин. Нар. Просв.), 28 нояб. 1815 г.

29 ноября 1815 г. Я щастлив был!.. нет, я вчера не был щастлив, поутру я мучился ожиданьем, с неописанным волнением стоя под окошком смотрел на снежную дорогу, ее не видно было! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, сладкая минута!

Он пел любовь, но был печален глас,
Увы, он знал любви одну лишь муку!

Как она мила была! Как черное платье пристало к милой Бакуниной! Но я не видел ее 18 часов, ах! Какое положение, какая мука! Но я был щастлив 5 минут!

Пушкин. Отрывки из лицейских записок.

Первую платоническую, истинно поэтическую любовь возбудила в Пушкине сестра одного из лицейских товарищей его, фрейлина Катерина Павловна Бакунина. Она часто навещала брата своего и всегда приезжала на лицейские балы. Прелестное лицо ее, дивный стан и очаровательное обращение произвели всеобщий восторг во всей лицейской молодежи. Пушкин с чувством пламенного юноши описал ее прелести в стихотворении своем *К живописцу*, которое очень удачно положено было на ноты лицейским же товарищем его Яковлевым и постоянно пето до самого выхода из заведения.

С. Д. Комовский. Записка о Пушкине. – Я. К. Грот, с. 220.

Пушкин пишет теперь комедию в 5 действиях, в стихах, под названием: *Философ*. План довольно удачен и начало, т.е. 1-е действие, до сих пор только написанное, обещает нечто хорошее; стихи – и говорить нечего острых слов сколько хочешь! Дай только бог ему терпения и постоянства, что

редко бывает в молодых писателях... Дай бог ему кончить – это первый большой ouvrage²⁴, начатый им, ouvrage, которым он хочет открыть свое поприще по выходе из лицея. Дай бог ему успеха – лучи славы его будут отсвечиваться и в его товарищах.

А. Д. Илличевский – П. Н. Фуссу, 16 янв. 1816 г. – Я. К. Грот, с. 69.

В самом начале своего директорства (*март 1816 г.*) Энгельгардт, сознавая нелепость совершенного разъединения учащейся молодежи с действительной жизнью, разрешил отпуски из лицея в пределах Царского Села, и, по примеру директора, несколько семейных домов открылись для лицейстов, именно: дома Вельо, Севериной и барона Теппера де Фергюсона, находившихся в родственных между собою отношениях и постоянно живших в Царском Селе. Теппер был большой оригинал, но человек образованный, и лицеисты часто заходили в его домик. У Теппера каждый вечер собирались по несколько человек, пили чай, болтали, занимались музыкой и пеньем. У него же, по воскресеньям, происходили литературные беседы, задавались темы, на которые приготавлилось к следующему воскресенью несколько сочинений, и таким образом совершались литературные состязания, на которых Пушкин первенствовал.

В. П. Гаевский. Пушкин в лицее. – Современник, 1863, №

---

²⁴ Сочинение (фр.). – Ред.

С назначением Энгельгардта в директоры школьный наш быт принял иной характер. При нем по вечерам устроились чтения в зале (Энгельгардт отлично читал). В доме его мы знакомились с обычаями света, находили приятное женское общество. Летом в вакантный месяц директор делал с нами дальние, иногда двухдневные прогулки по окрестностям; зимой для развлечения ездили на нескольких тройках за город завтракать или пить чай в праздничные дни, в саду, на пруде катались с гор и на коньках. Во всех этих увеселениях участвовало его семейство и близкие ему дамы и девицы, иногда и приезжавшие родные наши.

И. И. Пущин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 64.

Мы надеемся, что Карамзин посетит наш лицей; и надежда наша основана не на пустом: он знает Пушкина и им весьма много интересуется.

А. Д. Илличевский – П. Н. Фуссу, 20 марта 1816 г. – Я. К. Грот, с. 69.

В семействе Энгельгардта, состоявшем из жены и пятерых детей, жила овдовевшая незадолго перед тем Мария Смит, урожденная Шарон-Лароз. Весьма милостивая, любезная и остроумная, она умела оживлять и соединять собиравшееся у Энгельгардта общество. Пушкин, который немедленно

начал ухаживать за нею, написал к ней довольно нескромное послание *К молодой вдове*. Но вдова, не успевшая забыть мужа и готовившаяся быть матерью, обиделась, показала стихотворение своего вздыхателя Энгельгардту, и это обстоятельство было главною причиною неприязненных отношений между ними, продолжавшихся до конца курса. К г-же Смит написаны еще Пушкиным *Слово милой* («Я Лилу слушал у клавира») и «Лила, Лила, я страдаю».

В. П. Гаевский. Пушкин в лицее. – Современник, 1863, № 8, с. 378.

В неделю раз в доме директора лицея Е. А. Энгельгардта бывали вечерние собрания, на которые, кроме своих родных и знакомых, он приглашал и воспитанников... Помимо доставления лицеистам нравственного развлечения, Энгельгардт, приглашая их на свои вечера, имел в виду приучение молодых людей к хорошему обществу и обхождению в кругу благовоспитанных дам и девиц. Дельвиг и Кюхельбекер были частыми посетителями вечеров; Пушкин очень редким; наконец, года за два до выпуска, он и вовсе прекратил свои посещения. Это огорчало Егора Антоновича. Как-то во время рекреаций, когда Пушкин сидел у своего пульта, Энгельгардт подошел к нему и ласково спросил: за что он сердится? Юноша смутился и отвечал, что сердиться на директора не смеет, не имеет к тому причин и т.д. – «Так вы не любите меня?» – продолжал Энгельгардт, усаживаясь подле Пуш-

кина, и тут же, глубоко прочувствованным голосом, без всяких упреков, высказал ему всю странность его отчуждения от общества. Пушкин слушал со вниманием, хмуря брови, меняясь в лице; наконец заплакал и кинулся на шею Энгельгардту. «Я виноват в том, – сказал он, – что до сих пор не понимал и не умел ценить вас!» Добрый Энгельгардт сам расплакался и, как юноша, радовался раскаянию Пушкина, его отречению от напускной мизантропии. Они расстались, довольные друг другом. Минут через десять Егор Антонович вернулся к Пушкину, желая что-то сказать; но лишь только вошел, Пушкин поспешно спрятал какую-то бумагу под доску и заметно смешался. «Вероятно, стихи? – шуточно спросил Энгельгардт. – Покажите, если не секрет». Пушкин переминался, прикрывая доску рукою. «От друга таиться не следует», – продолжал Энгельгардт, тихонько подымая доску пульта и доставая из него лист бумаги: на этом листе был нарисован его портрет в карикатуре, и было набросано несколько строк очень злой эпиграммы, почти пасквиля. Спокойно отдавая Пушкину эту злую шалость его музы, Егор Антонович сказал: «Теперь понимаю, почему вы не желаете бывать у меня в доме. Не знаю только, чем мог я заслужить ваше нерасположение».

Со слов *К. А. Шторха* (лицеиста одного из первых выпусков). – Рус. Стар., 1879, т. 27, с. 378–379.

Для меня осталось неразрешенною загадкой, почему все

внимания директора Энгельгардта и его жены отвергались Пушкиным; он никак не хотел видеть его в настоящем свете, избегая всякого сближения с ним. Эта несправедливость Пушкина к Энгельгардту, которого я душой полюбил, сильно меня волновала. Тут крылось что-нибудь, чего он никак не хотел мне сказать.

И. И. Пущин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 64.

(22 марта 1816 г.) Высшая и конечная цель Пушкина – блеснуть, и именно поэзией; но едва ли найдет она у него прочное основание, потому что он боится всякого серьезного учения, и его ум, не имея ни проницательности, ни глубины, совершенно поверхностный, французский ум. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкине. Его сердце холодно и пусто: в нем нет ни любви, ни религии; может быть, оно так пусто, как никогда еще не бывало юношеское сердце. Нежные и юношеские чувствования унижены в нем воображением, оскверненным всеми эротическими произведениями французской литературы, которые он при поступлении в лицей знал почти наизусть, как достойное приобретение первоначального воспитания.

Е. А. Энгельгардт (директор лицея), официальный отзыв. – В. П. Гаевский. Пушкин в лицее. – Современник, 1863, № 8, с. 376.

Я помню, как с покойным отцом моим (*директор лицея*

до *Энгельгардта*) пришли в лицей во время классов Карамзин, Жуковский, Батюшков, Тургенев, – и Карамзин, вызвав Пушкина, сказал: «Пари, как орел, но не останавливайся в полете». – И он с раздутыми ноздрями, – выражение его лица при сильном волнении, – сел на место при общем приличном приветствовании товарищей²⁵.

И. В. Малиновский. – Пушкин и его совр-ки, вып. XXXVIII– XXXIX, с. 214.

Что сказать вам о нашем уединении? Никогда Лицей не казался мне так несносным, как в нынешнее время. Уверяю вас, что уединение в самом деле вещь очень глупая, назло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто жили в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину. Правда, время нашего выпуска приближается. Остался год еще. Но целый год еще плюсов, минусов, прав, налогов, высоко-го, прекрасного!.. Целый год еще дремать перед кафедрой... Это ужасно. Право, с радостью согласился бы я двенадцать раз перечитать все 12 песен пресловутой *Россиады*, с тем только, чтобы гр. Разумовский сократил время моего заточения. Безбожно молодого человека держать взаперти.

Пушкин – кн. П. А. *Вяземскому*, 27 марта 1816 г.

---

²⁵ Здесь память изменила Малиновскому: при его отце, скончавшемся в 1814 г., в лицее не могли быть ни Карамзин, ни Батюшков. Малиновский, очевидно, говорит о посещении лицея Карамзиным с кн. П. А. Вяземским и В. Л. Пушкиным числа 23 марта 1816 г. – Примеч. М. А. Павловского.

В честь бракосочетания принца Оранского (впоследствии короля нидерландского Вильгельма II) и вел. княжны Анны Павловны (9 фев. 1816 г.) происходили торжества в столице, и один из праздников дан был в Павловске, в розовом павильоне (6 июня). По этому случаю императрица Мария Федоровна поручила Нелединскому-Мелецкому написать стихи; но устаревший поэт, не надеясь на свои силы, поехал в лицей, передал это поручение Пушкину, которому дал и главную мысль, а через час или два уехал из лицея уже со стихами... Из донесения Энгельгардта министру на другой день праздника видно, что стихи, написанные Пушкиным, по поручению Нелединского-Мелецкого и Карамзина, пелись во время ужина, и за них Пушкин получил от государыни золотые часы с цепочкою.

В. П. Гаевский. Пушкин в лицее. – Современник, 1863, № 8, с. 372.

Лицей был заведение совершенно на западный лад; здесь получались иностранные журналы для воспитанников, которые в играх своих устраивали между собою палаты, спорили, говорили речи, издавали между собою журналы и проч.; вообще свободы было очень много.

Лицейский анекдот: однажды император Александр, ходя по классам, спросил: «Кто здесь первый?» – «Здесь нет, ваше императорское величество, первых; все вторые», – отвечал Пушкин.

С. П. Шевырев. Воспоминания о Пушкине. – Л. Н. Майков, с. 326.

Стеснений никаких не было. Хотя из лица никого никогда не пускали домой, однако обращение было до того свободно, что в саду лицеисты без опасения курили в присутствии надзирателя.

П. В. Нащокин по записи *П. И. Бартенева*. – П. И. Бартнев. Рассказы о Пушкине, с. 25.

В лицее и пансионе воспитанники устраивали театр и играли, но Пушкин и Дельвиг никогда не играли.

П. В. Нащокин по записи *П. И. Бартенева*. – Там же, с. 28.

Наклонность к литературе составляла характеристическую черту лицейского воспитания. Между прочим, воспитанники выдумали довольно замысловатую игру. Составив один общий кружок, они обязывали каждого или рассказать повесть или, по крайней мере, начать ее. В последнем случае следующий за рассказчиком принимал ее на том месте, где она останавливалась, другой развивал ее далее, третий вводил новые подробности и так до окончания, которое иногда не скоро являлось. Дельвиг первенствовал на этой, так сказать, гимнастике воображения; его никогда нельзя было застать врасплох: интриги, завязки и развязки были у него всегда готовы. Пушкин уступал ему в способности придум-

мывать наскоро происшествия и часто прибегал к хитрости. Помнят, что он раз изложил изумленным и восхищенным слушателям своим историю двенадцати спящих дев, умолчав об источнике, откуда почерпнул ее. Между тем, при таком же случае, он еще в грубых чертах, разумеется, передал и две повести, им самим придуманные: «Метель» и «Выстрел», которые позднее явились в повестях Белкина.

П. В. Анненков. Материалы, с. 18.

(В последние два-три года пребывания в лицее) ... все переменялось, и в свободное время мы ходили не только к Тепперу и в другие почтенные дома, но и в кондитерскую Амбиеля, а также по гусарам, сперва в одни праздники и по билетам, а потом и в будни, без всякого уже спроса, даже без ведома наших приставников, возвращаясь иногда в глубокую ночь. Думаю, что иные пропадали даже и на целую ночь, хотя со мною лично этого не случалось. Маленький тринкгельд швейцару мирил все дело, потому что гувернеры и дядьки все давно уже спали... Кружок, в котором Пушкин проводил свои досуги, состоял из офицеров лейб-гусарского полка. Вечером, после классных часов, когда прочие бывали или у директора, или в других семейных домах, Пушкин, ненавидевший всякое стеснение, пировал с этими господами нараспашку. Любимым его собеседником был гусар Каверин, один из самых лихих повес в полку.

Гр. М. А. Корф. Записка. – Я. К. Грот, с. 240–247.

И в гусарском полку Пушкин не только «пировал нараспашку», но сблизился и с Чаадаевым, который вовсе не был гулякою; не знаю, что бывало прежде, но со времени переезда семейства Карамзина в Царское Село, он бывал у них ежедневно по вечерам; а дружба его с Ив. Пуциным?

Кн. П. А. *Вяземский*. Примечания к Записке М. А. Корфа. – Кн. П. П. *Вяземский*. Соч., с. 490.

Вне лица Пушкин был знаком с некоторыми отчаянными гусарами, жившими в то время в Царском Селе (Каверин, Молоствов, Саломирский, Сабуров и др.). Вместе с ними, тайком от своего начальства, он любил приносить жертвы Бахусу и Венере, волочась за хорошенькими актрисами графа Толстого и за субретками приезжавших туда на лето семейств; причем проявлялись в нем вся пылкость и сладострастие африканской породы.

С. Д. Комовский. Записка о Пушкине. – Я. К. Грот, с. 220.

Во время пребывания Чаадаева с лейб-гусарским полком в Царском Селе между офицерами-полка и воспитанниками царскосельского лица образовались непрестанные, ежедневные и очень веселые отношения. То было, как известно, золотое время лица... Воспитанники поминутно пропадали в садах державного жилища, промежду его живыми зеркальными водами, в тенистых вековых аллеях, иногда да-

же в переходах и различных помещениях самого царского дворца... Шумные скитания щеголеватой, утонченной, богатой самыми драгоценными надеждами молодежи очень скоро возбудили внимательное, бодрствующее чутье Чаадаева и еще скорее сделались целью его верного, меткого, исполненного симпатического благоволения охарактеризования. Юных, разгульных любомудрцов он сейчас же прозвал «философами-перипатетиками». Прозвание было принято воспитанниками с большим удовольствием, но ни один из них не сблизился столько с его творцом, сколько Пушкин.

М. И. Жихарев. П. Я. Чаадаев. Из воспоминаний современников. – Вестн. Европы, 1871, № 7, с. 192.

В свободное время Пушкин любил навещать Н. М. Карамзина, проводившего ежегодно летнее время в Царском Селе. Карамзин читал ему рукописный труд свой и делился с ним досугом и суждениями. От Карамзина Пушкин забегал в кружок лейб-гусарских офицеров и возвращался к лицейским друзьям с запасом новых впечатлений.

Л. С. Пушкин. Биограф. изв. об А. С. Пушкине. – Л. Н. Майков, с. 5.

Если верить дошедшему до нас, позднейших лицеистов, преданию, Пушкин не был любим большинством своих товарищей: причиною тому был несколько задорный характер его и остроумие, которое иногда разыгрывалось насчет дру-

гих.

Я. К. Грот, с. 13.

В лицее Пушкин решительно ничему не учился, но как и тогда уже блистал своим дивным талантом и, сверх того, начальников пугали его злой язык и едкие эпиграммы, то на его эпикурейскую жизнь смотрели сквозь пальцы. Между товарищами, кроме тех, которые, писав сами стихи, искали его одобрения и протекции, – он не пользовался особенно приятно. Вспыльчивый до бешенства, вечно рассеянный, вечно погруженный в поэтические свои мечтания, с необузданными африканскими страстями, избалованный с детства похвалою и льстецами, Пушкин ни на школьной скамье, ни после, в свете, не имел ничего любезного и привлекательного в своем обращении. Беседы, ровной, систематической, сколько-нибудь связной, – у него совсем не было, как не было и дара слова, были только вспышки: резкая острота, злая насмешка, какая-нибудь внезапная поэтическая мысль, но все это лишь урывками, иногда, в добрую минуту; большею же частью или тривиальные общие места или рассеянное молчание. В лицее он превосходил всех в чувственности.

Гр. М. А. Корф. Записка. – Я. К. Грот, с. 249.

Был он *вспыльчив*, легко раздражен – это правда: но со всем тем, он, напротив, в общем *обращении* своем, когда самолюбие его не было задето, был особенно *любезен и привле-*

кателен, что и доказывается многочисленными приятелями его. Беседы *систематической*, может быть, и не было, но все прочее, сказанное о разговоре его, – несправедливо или преувеличено. Во всяком случае не было *тривиальных общих мест*; ум его вообще был здравый и светлый.

Кн. П. А. Вяземский. Примечания к Записке М. А. Корфа. – Кн. П. П. Вяземский. Соч., с. 491.

У дворцовой гауптвахты, перед вечерней зарей, обыкновенно играла полковая музыка. Это привлекало гулявших в саду, разумеется, и нас *L'inévitable Lucée*²⁶, как называли иные нашу шумную, движущуюся толпу. Иногда мы проходили к музыке дворцовым коридором, в который, между другими помещениями, был выход и из комнат, занимаемых фрейлинами императрицы Елизаветы Алексеевны. Этих фрейлин было тогда три: Плюскова, Валуева и княжна Волконская. У фрейлины Валуевой была премиленькая горничная Наташа. Случалось, встречаясь с нею в темных переходах коридора, и полюбезничать: она многих из нас знала, да и кто же не знал лица, который мозолил глаза всем в саду? Однажды идем мы, растянувшись по этому коридору маленькими группами. Пушкин на беду был один, слышит в темноте шорох платья, воображает, что непременно Наташа, бросается поцеловать ее самым невинным образом. Как нарочно, в эту минуту отворяется дверь из комнаты и

---

²⁶ Вездесущий Лицей (фр.). – Ред.

освещает сцену, перед ним сама княжна Волконская – Пушкин тотчас рассказал мне про это, присоединясь к нам, стоявшим у оркестра. Он хотел написать княжне извинительное письмо. Между тем она успела пожаловаться брату своему П. М. Волконскому, а тот – государю. Государь на другой день приходит к Энгельгардту. «Что ж это будет? – говорит царь. – Твои воспитанники не только снимают через забор мои наливные яблоки, бьют сторожей садовника, но теперь уже не дают проходу фрейлинам жены моей». (*Энгельгардту удалось уладить дело.*)

И. И. Пущин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 63.

Один раз под вечер, когда все кошки делаются серыми, Пушкин, бегая по какому-то коридору, наткнулся на какую-то женщину, к которой пристал с неосмотрительными речами и даже, сообщают злоязычники, с необдуманными прикосновениями. Женщина подняла крик и ускользнула, однако же успела рассмотреть и узнать виноватого. Она была немолода, некрасива и настолько знатна, что слух об этом маленьком происшествии дошел до ушей самого государя. Государь приказал немедленно Пушкина высесть. Энгельгардт этого приказания не исполнил. Известно, что при Александре I можно было иногда повелений такого рода не выполнять, а потом за послушание получать благодарность. Слух же про скандальчик разнесся по Царскому Селу, раздражительный поэт почтил пожилую девушку следующим

французским четверостишием:

On peut tiés bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guenon
Mais pour une grace, – oh, mon Dieu, non!

(Сударыня, могу сказать,
За сводню можно вас принять,
И на мартышку вы похожи.
На Грацию ж... помилуй боже!)
(Пер. В. Брюсова)

М. И. Жихарев. П. Я. Чаадаев. Из воспоминаний современников. – Вестн. Европы, 1871, № 7, с. 192.

Одною из главных причин ускоренного выпуска лицейстов первого курса был известный эпизод встречи Пушкина, в дворцовом коридоре, с княжною Волконскою, которую он принял за горничную... Узнав об этой шалости, государь прогневался и заметил Энгельгардту, что лицеисты чересчур много себе позволяют и что надо скорей их выпустить.

Ф. Ф. Матюшкин (лицейский товарищ Пушкина) по записи Я. К. Грота. – Я. К. Грот, с. 283.

Нас посещают питомцы лицея: поэт Пушкин, Ломоносов и смешат своим добрым простосердечием. Пушкин остроумен.

Н. М. Карамзин – кн. *П. А. Вяземскому*, 2 июня 1816 г. из Царского Села. – *А. С. Пушкин*, сборник *П. И. Бартенева*, т. II, с. 8.

С июня 1816 г. для желающих поступить в военную службу введены были военные науки. Пушкин также мечтал о военной службе и намеревался поступить в лейб-гусарский полк, в котором было много его приятелей.

В. П. Гаевский. Пушкин в лицее. – *Современник*, 1863, № 8, с. 388.

Да что он вам дался, – шалун был, и больше ничего!

Ф. Л. Калинин (учитель чистописания). Отзыв о Пушкине. – *Лицейский журнал*. IV. 1910–1911, с. 22.

Учился Пушкин легко, но небрежно; особенно он не любил математики и немецкого языка; на сем последнем он до конца жизни читал мало и не говорил вовсе.

Л. С. Пушкин. Биограф. изв. об *А. С. Пушкине*. – *Л. Н. Майков*, с. 4.

По внушению Дельвига, и Пушкин стал заниматься немецким языком, и, сделав под руководством Дельвига некоторые успехи, ходил вместе с ним к Энгельгардту для чтения у него германских авторов.

В. П. Гаевский. Дельвиг. – *Современник*, 1853, № 2, с. 72.

Пушкин легко сходился с мужиками, дворниками и вообще с прислугой. У него были приятели между лицейскою и дворцовою царскосельскою прислугой.

П. И. Бартнев. – Рус. Арх., 1899, т. III, с. 615.

Егоза Пушкин.

Подпись Пушкина под коллективным письмом лицеистов к инспектору лицея С. С. Фролову, 4 апр. 1817 г. – Петербург: Атений, 1923. Литер. Портфели, т. I, с. 20.

Новые знакомства и беспрестанные развлечения не могли не иметь дурного влияния на ученье, которое вообще шло довольно плохо. За 1816 г., т.е. за 4 месяца до выпускных экзаменов, Пушкин получил несколько нулей и даже в «русской поэзии» единицу. В некоторой связи с этой отметкой находится послание Пушкина *Моему Аристарху* (Кошанскому). Кошанский, сначала поощрявший Пушкина, охладевал к нему по мере того, как развивался его талант, а в последние два года преследовал его, отчасти из зависти, потому что сам кропал стихи, а может быть, и потому, что Пушкин, всегда пренебрегавший его лекциями, совершенно перестал заниматься ими.

В. П. Гаевский. Пушкин в лицее. – Современник, 1863, № 8, с. 393–394.

На стенах лицейского карцера долго оставались некоторые стихи Руслана и Людмилы. Ф. И. Калиныч, учитель каллиграфии (он же и надзиратель), рассказывал, что однажды, вышедши из карцера, Пушкин говорил, что ему было там весело, что он писал стихи (сообщено г-ном Унковским).

П. И. Бартенев. – Моск. Ведом., 1854, №№ 71–118, отд. отт., с. 54.

Карцера особого у нас не было, а заключали, и то редко, в № комнате, ставили дядьку на часы.

И. В. Малиновский. Заметка на экземпляре отиска предыдущей статьи П. И. Бартенева. – Пушкин и его совр-ки, вып. XXXVIII–XXXIX, с. 215.

Я первый, еще в лицее, познакомил с Вашим «Ахиллесом» Пушкина, который, прочитав два раза, уже знал его наизусть.

В. К. Кюхельбекер (лицейский товарищ Пушкина, декабрист) – *В. А. Жуковскому*, 10 нояб. 1840 г. – Рус. Арх., 1871, т. II, стб. 0178.

Товарищам всегда казалось, что Пушкин по развитию как будто старше всех их.

Я. К. Грот со слов *Ф. Ф. Матюшкина*. – Я. К. Грот, с. 40.
Ек. Аф. Протасова (мать Воейковой) рассказывала, – как говорил мне Н. А. Елагин, – что Пушкину вдруг вздумалось

приволокнуться за женой Карамзина. Он даже написал ей любовную записку. Екатерина Андреевна, разумеется, показала ее мужу. Оба расхохотались и, призвавши Пушкина, стали делать ему серьезные наставления. Все это было так смешно и дало Пушкину такой удобный случай ближе узнать Карамзиных, что с тех пор он их полюбил, и они сблизились.

П. И. Бартнев. Рассказы о Пушкине, с. 53.

Пушкин влюбился в жену Карамзина так, что написал ей письмо прозой о том. – Отец его был с детства знаком с моим дядей П. Ф. Малиновским, прислал это письмо, переданное от Карамзина моему дяде с тем, чтобы ему дать. – Я помню это перед выпуском этот день.

И. В. Малиновский. – Пушкин и его совр-ки, вып. XXXVIII–XXXIX. с. 214.

(*Ек. Андр.*) Карамзина (*жена историка*) – предмет первой и благородной привязанности Пушкина.

Гр. Р. С. Эллинг – В. Г. Теплякову, 17 марта 1837 г. – Рус. Стар., 1896, т. 87, с. 417.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Воспитанник Импер. Царскосельского Лицея Александр Пушкин в течение шестилетнего курса обучался в сем заведении и оказал успехи: в Законе Божиим, в Логике и Нравственной Философии, в Праве Естественном, Частном

и Публичном, в Российском или Гражданском и Уголовном праве хорошие; в Латинской Словесности, в Государственной Экономии и Финансов весьма хорошие; в Российской и Французской Словесности также в Фехтовании превосходные; сверх того занимался Историєю, Географией, Статистикою, Математикою и Немецким языком. Во уверение чего и дано ему от Конференции Имп. Царскосельского Лицея сие свидетельство с приложением печати. Царское Село. Июня 9 дня 1817 года. Директор Лицея Егор Энгельгардт. Конференц-секретарь профессор Александр Куницын.

Н. А. Гастфрейнд, с. 2

9 июня 1817 г. был акт. Характер его был совершенно иной: как открытие лицея было пышно и торжественно, так выпуск наш тих и скромн.

В ту же залу пришел император Александр в сопровождении одного министра нар. просвещения кн. Голицына. В зале были мы все с директором, профессорами, инспектором и гувернером. Энгельгардт прочел коротенький отчет за весь шестилетний курс; после него конференц-секретарь Куницын возгласил высочайше утвержденное постановление конференции о выпуске. Вслед за этим всех нас, по старшинству выпуска, представляли императору, с объявлением чинов и наград. Государь заключил акт кратким отеческим наставлением воспитанникам и изъявлением благодарности директору и всему штату лицея. Тут пропета была нашим хором ли-

цейская прощальная песнь, – слова Дельвига, музыка Теппера, который сам дирижировал хором. Государь был тронут и поэзией, и музыкой, понял слезу на глазах воспитанников и наставников, простился с нами с обычной приветливостью и пошел во внутренние комнаты, взяв кн. Голицына под руку. Энгельгардт предупредил его, что везде беспорядок по случаю сборов к отъезду. «Это ничего, – возразил он, – я сегодня не в гостях у тебя. Как хозяин, хочу посмотреть на сборы наших молодых людей». И точно, в дортуарах все было вверх дном, везде валялись вещи, чемоданы, ящики, – пахло отъездом. При выходе из лицея государь признательно пожал руку Энгельгардту. В тот же день, после обеда, начали разъезжаться: прощаньям не было конца.

Я, больной, дольше всех оставался в лицее. С Пушкиным мы тут же обнялись на разлуку: он тотчас должен был ехать в деревню к родным; я уж не застал его, когда приехал в Петербург.

И. И. Пущин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 68.

Петербург

По выпуске из лицея всем выпускным воспитанникам было назначено жалование: титулярным советникам по 800 р. асс., коллежским секретарям по 700 р. впредь до поступления на штатные места с высшими окладами. Пушкин (*выпущенный коллежским секретарем*) получил его, как все.

Гр. М. А. Корф. Записка. – Я. К. Грот, с. 542.

Пушкин был определен в Государственную Коллегию Иностр. Дел с чином коллежского секретаря. Напрасно прежде этого добивался он у отца позволения вступить в военную службу в гусарский полк, где уже было у него много друзей и почитателей. Начать службу кавалерийским офицером была его ученическая мечта. Сергей Львович отговаривался недостатком состояния и соглашался только на поступление сына в один из пехотных гвардейских полков.

П. В. Анненков. Материалы, с. 38.

Вечером я был у Тургеневых, где был молодой Пушкин, исполненный ума и обещающий еще больше в будущем.

Н. И. Кривцов. Дневник, 28 июня 1817 г. – Вестн. Европы, 1887, № 12, с. 456 (*фр.*).

Вышед из лицея, я тотчас почти уехал в псковскую дерев-

ню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч. Но все это нравилось мне недолго. Я любил и до ныне люблю шум и толпу.

Пушкин. Отрывочная запись, 19 нояб. 1824 г.

Павел Исаакович Ганнибал (*родственник Пушкиных и сосед их по имению*) был человек веселый. Во главе импровизированного хора бесчисленных деревенских своих родственников, вооруженный бутылкой шампанского, он постучал утром в дверь комнаты, предоставленной приехавшему к нему на именины Ал. Сергеевичу, и пропел ему следующий экспромпт:

Кто-то в двери постучал:
Подполковник Ганнибал.
Право-слово Ганнибал,
Пожалуйста, Ганнибал,
Свет-Исакыч Ганнибал,
Сделай милость, Ганнибал,
ТЬфу ты, пропасть Ганнибал!

Пушкин, только что выпущенный тогда из лица, очень его полюбил, что однако не помешало ему вызвать Ганнибала на дуэль за то, что Павел Исаакович в одной из фигур котильона отбил у него девицу Лошакову, в которую, несмотря на ее дурноту и вставные зубы, Пушкин по уши влюбился. Ссора племянника с дядей кончилась минут через десять

мировой и новыми увеселениями да пляской, причем Павел Исаакович за ужином провозгласил под влиянием Вакха:

Хоть ты, Саша, среди бала
Вызвал Павла Ганнибала,
Но, ей-богу, Ганнибал
Ссорой не подгадит бал!

Ал. Серг-ч тут же, при публике, бросился ему в объятия.
Л. Н. Павлицев со слов *О. С. Павлицевой*. Воспоминания,
с. 22.

(Пушкин посещает генерала Петра Абрамовича Ганнибала, брата его деда Осипа Абрамовича, – он жил в сельце Петровском, близ с. Михайловского) ...попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он ее и мне поднести; я не поморщился и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки, и повторял это раз пять или шесть до обеда...

Пушкин. Встреча с Ганнибалом.

Забавно, что водка, которую старый арап подчивал тогда Пушкина, была собственного изделия хозяина: оттуда и удовольствие его при виде, как молодой родственник умел оценить ее и как развязно с нею справлялся. Генерал занимался на покое перегонном водок и настоек, и занимался без усталости, со страстью.

П. В. Анненков. Пушкин в Алекс. эпоху, с. 11.

Пушкин, вышедший из Лицея, жил в Коломне над Корфами, близ Калинкина моста, на Фонтанке, в доме, бывшем тогда Клокачева.

П. А. Плетнев – Я. К. Гроту. – Переписка Грота с Плетневым, т. II, с. 693.

Родители Пушкина постоянно нуждались, что и отзывалось на детях, не всегда получавших от родителей деньги даже на мелкие расходы. Парадные комнаты освещались канделябрами, а в комнате моей матери, продававшей зачастую свои броши и серьги, чтобы справиться себе новое платье, горела сальная свеча, купленная Ольгой Сергеевной на сбереженные его деньги.

Л. Н. Павлицев со слов О. С. Павлицевой. Воспоминания, с. 7.

С. А. Соболевский рассказывал, что Ал. Серг-чу приходилось упрашивать отца, чтобы ему купили бывшие тогда в моде бальные башмаки с пряжками, и как Сергей Львович предлагал ему свои старые, времен Павловских.

П. И. Бартнев. Пушкин в Южной России, с. 7.

Это напоминает мне Петербург: когда больной, в осеннюю пору или в трескучие морозы, я брал извозчика от Аничкина

моста, он (*отец*) вечно бранился за 80 коп. (которых, верно бы, ни ты, ни я не пожалели для слуги).

Пушкин – Л. С. Пушкину, 25 авг. 1823 г.

Пушкин, вышедши из Лицея, очутился в таком положении, в каком часто находятся молодые люди, возвращающиеся под родительский кров из богатых и роскошных учебных заведений; тут еще примешивалась мелочная скупость отца, которая только раздражала Пушкина. Иногда он довольно зло и оригинально издевался над нею. Однажды ему случилось кататься на лодке, в обществе, в котором находился и Сергей Львович. Погода стояла тихая, а вода была так прозрачна, что виднелось самое дно. Пушкин вынул несколько золотых монет, и одну за другую стал бросать в воду, любясь падением и отражением их в чистой влаге.

П. И. Бартенев со слов В. П. Горчакова. Пушкин в Южной России, с. 9.

Пушкина-Сверчка я ежедневно браню за его леность и нерадение о собственном образовании. К этому присоединились и вкус к площадному волокитству, и вольнодумство, также площадное, восемнадцатого столетия. Где же пища для поэта? Между тем он разоряется на мелкой монете! Пожури его.

А. И. Тургенев – В. А. Жуковскому, 12 нояб. 1817 г. – Пушкин. Письма под ред. Б. Л. Модзалевского. Гос. Изд., 1926,

Служба в министерстве иностранных дел, а всего более родственные и общественные связи отца открыли молодому Пушкину вход в лучшие кружки большого света. Сюда относятся родственные отношения и знакомства его с графами Бутурлиными и Воронцовыми, с князьями Трубецкими, графами Лаваль, Сушковым и проч. Так, известно по преданию, что в эту пору своей жизни Пушкин появляется на блестящих вечерах и балах у графа Лавалья. Супруга сего последнего, любительница словесности и всего изящного, с удовольствием видала у себя молодого поэта, который однако и в то время уже тщательно скрывал в большом обществе свою литературную известность и не хотел ничем отличаться от обыкновенных светских людей, страстно любя танцы и балы. Так знаем еще, что во второй половине 1817 г. он нередко посещал одну знатную даму, которая привлекала его внимание странным образом жизни и занятий своих, стремительностью характера и мечтательностью. (*Княгиня Евдокия-Авдотья Ивановна Голицына, род. в 1780 г.*)

П. И. Бартенева. – Моск. Ведом., 1855, №№ 142, 144—145, отд. отт., с. 16–17.

Добрый А. И. Тургенев бывает у нас часто, раза три-четыре в неделю. Вторым нашим собеседником есть Кривцов, добрый

éсprit fort²⁷, а третий – поэт Пушкин. Он у нас в доме смертельно влюбился в Пифию Голицыну и теперь уже проводит у нее вечера: лжет от любви, сердится от любви, только еще не пишет от любви. Признаюсь, что я не влюбился бы в Пифию: от ее трезубца пышет не огнем, а холодом.

Н. М. Карамзин – кн. П. А. Вяземскому, 24 дек. 1817 г. – Старина и Новизна, кн. I, с. 43.

Княгиня Голицына была очень красива, и в красоте ее выражалась своя особенность. Она долго пользовалась этим преимуществом. Не знаю, какова была она в своей первой молодости; но и вторая, и третья молодость ее пленяли какою-то свежестью и целомудрием девственности. Черные, выразительные глаза, густые темные волосы, падающие на плечи извилистыми локонами, южный матовый колорит лица, улыбка добродушная и грациозная; придайте к тому голос, произношение необыкновенно мягкие и благозвучные – и вы составите себе приблизительное понятие о внешности ее. Вообще, красота ее отзывалась чем-то пластическим, напоминавшим древнее греческое изваяние. В ней было что-то ясное, спокойное, скорее ленивое, бесстрастное. По собственному состоянию своему, по обоюднo-согласованному разрыву брачных отношений, она была совершенно независима. Но эта независимость держалась в строгих границах чистейшей нравственности и существенного благопри-

---

²⁷ Вольнодумец (фр.). – Ред.

личия. Дом ее, на Большой Миллионной, был артистически украшен кистью и резцом лучших из современных русских художников. Хозяйка сама хорошо гармонировала с такою обстановкою дома. Тут не было ничего из роскошных принадлежностей и прихотей скороизменчивой моды. Во всем отражалось что-то изящное и строгое. По вечерам немногочисленное, но избранное общество собиралось в этом салоне – хотелось бы сказать: в этой храмине, тем более что и хозяйку можно было признать жрицею какого-то чистого и высокого служения. Вся постановка ее, вообще туалет ее, более живописный, нежели подчиненный современному образцу, все это придавало ей и кружку, у нее собиравшемуся, что-то – не скажу таинственное, но и не обыденное, не завсегдашнее. Можно было бы думать, что тут собирались не просто гости, а и посвященные. Выше сказали мы: собирались по вечерам. Можно было бы сказать – собирались в полночь. Княгиню прозвали в Петербурге *la Princesse Nocturne* (княгиня ночная). Впрочем, собирались к ней не поздно, но долго засиживались. Княгиня не любила рано спать ложиться, и беседы длились обыкновенно до трех и четырех часов утра. – Была ли княгиня очень умна или нет? Зная ее довольно коротко, мы не без некоторого смущения задаем себе сей щекотливый вопрос. Но положительный ответ на него дать не беремся.

Кн. П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 378–383.

У Голицыной полуночной есть душа, и иногда разговор ее, как Россиниева музыка, действует на душу. Но все это отдельные фразы.

Кн. П. А. *Вяземский*. Там же, т. IX, с. 124.

Известность Пушкина и литературная, и личная, с каждым днем возрастала. Молодежь твердила наизусть его стихи, повторяла остроты его и рассказывала о нем анекдоты. Все это, как водится, было частью справедливо, частью вымышленно. Одно обстоятельство оставило Пушкину сильное впечатление. В это время находилась в Петербурге старая немка, по имени Кирхгоф. В число различных ее занятий входило и гадание. Однажды утром Пушкин зашел к ней с несколькими товарищами. Г-жа Кирхгоф обратилась прямо к нему, говоря, что он – человек замечательный; рассказала вкратце его прошедшую и настоящую жизнь, потом начала предсказания сперва ежедневных обстоятельств, а потом важных эпох его будущего. Она сказала ему между прочим: «Вы сегодня будете иметь разговор о службе и получите письмо с деньгами». О службе Пушкин никогда не говорил и не думал; письмо с деньгами получить ему было неоткуда; деньги он мог иметь только от отца, но, живя у него в доме, он получил бы их, конечно, без письма. Пушкин не обратил большого внимания на предсказания гадалщицы. Вечером того дня, выходя из театра до окончания представления, он встретился с генералом Орловым. Они разговорились. Ор-

лов коснулся до службы и советовал Пушкину оставить свое министерство и надеть эполеты. Возвратясь домой, он нашел у себя письмо с деньгами: оно было от одного лицейского товарища, который на другой день отправлялся за границу; он заезжал проститься с Пушкиным и заплатить ему какой-то карточный долг еще школьной их шалости. Г-жа Кирхгоф предсказала Пушкину его изгнание на юг и на север, рассказала разные обстоятельства, с ним впоследствии сбывшиеся, предсказала его женитьбу и наконец преждевременную смерть, предупредивши, что должен ожидать ее от руки высокого, белокурого человека. Пушкин, и без того несколько суеверный, был поражен постоянным исполнением этих предсказаний и часто об этом рассказывал.

Л. С. Пушкин. Биограф. изв. об А. С. Пушкине. – Л. Н. Майков, с. 5.

В Петербург раз приехала гадательница Кирхгоф. Никита и Александр Всеволодские и Мансуров Павел, актер Сосницкий и Пушкин отправились к ней (она жила около Морской). Сперва она раскладывала карты для Всеволодского и Сосницкого. После них Пушкин попросил ее загадать и про него. Разложив карты, она с некоторым изумлением сказала: «О, это голова важная! Вы человек не простой!» Т.е. сказала в этом смысле, потому что, вероятно, не знала по-русски. Слова ее поразили Всеволодского и Сосницкого, ибо, действительно, были справедливы. Она, между прочим, предве-

щала ему, что он умрет или от белой лошади, или от белой головы (Weisskopf).

П. В. Нащокин по записи *П. И. Бартенева*. – П. И. Барте-нев. Рассказы о Пушкине, с. 40.

В многолетнюю мою приязнь с Пушкиным я часто слышал от него самого об этом происшествии, он любил рассказывать его в ответ на шутки, возбуждаемые его верою в разные приметы. Сверх того, он в моем присутствии не раз рассказывал об этом именно при тех лицах, которые были у гадальщицы при самом гадании, причем ссылался на них. Для проверки и пополнения напечатанных уже рассказов считаю нужным присоединить все то, о чем *помню положительно*. Предсказание было о том, *во-первых*, что он скоро получит деньги; *во-вторых*, что ему будет сделано неожиданное предложение; *в-третьих*, что он прославится и будет кумиром соотечественников; *в-четвертых*, что он дважды подвергнется ссылке; наконец, что он проживет долго, если на 37-м году возраста не случится с ним какой беды от белой лошади, или белой головы, или белого человека (weisser Ross, weisser Kopf, weisser Mensch), которых и должен он опасаться. – Первое предсказание о письме с деньгами сбылось в тот же вечер; Пушкин, возвратясь домой, нашел совершенно неожиданно письмо от лицейского товарища, который извещал его о высылке карточного долга, забытого Пушкиным. Товарищ этот был Корсаков, вскоре потом умерший в Ита-

лии. Такое быстрое исполнение первого предсказания сильно поразило Александра Сергеевича; не менее странно было для него и то, что несколько дней спустя, в театре, его подзвал к себе А. Ф. Орлов и стал отговаривать его от поступления в гусары, а предлагал служить в конной гвардии... Вскоре после этого Пушкин был отправлен на юг, а оттуда, через четыре года, в псковскую деревню, что и было *вторичною ссылкой*. Как же ему, человеку крайне впечатлительному, было не ожидать и не бояться конца предсказания, которое дотоле исполнялось с такою буквальною точностью??? Прибавлю следующее: я как-то изъявил свое удивление Пушкину о том, что он отстранился от масонства, в которое был принят, и что он не принадлежал ни к какому другому тайному обществу. «Это все-таки следствие предсказания о белой голове, – отвечал мне Пушкин. – Разве ты не знаешь, что все филантропические и гуманитарные общества, даже и самое масонство, получили от Адама Вейсгаупта направление подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам? Как же мне было приставать к ним? Weisskopf, Weisshaupt – одно и то же».

С. А. *Соболевский*. Тайнственные приметы в жизни Пушкина. – Рус. Арх., 1870, т. VII, стб. 1328–1386.

На выпуск из лица молодого Пушкина смотрели члены «Арзамаса», как на счастливое для них происшествие, как на торжество. Особенно же Жуковский казался счастлив, как

будто бы сам бог послал ему милое чадо. Чадо показалось мне довольно шаловливо и необузданно, и мне даже больно было смотреть, как все старшие братья наперерыв баловали маленького брата.

Ф. Ф. Вигель. Записки. т. V, с. 51.

По выходе из лицея Пушкин вполне воспользовался своею молодостью и независимостью. Его по очереди влекли к себе то большой свет, то шумные пиры, то закулисные тайны: он жадно, бешено предавался всем наслаждениям. Круг его знакомства и связей был чрезвычайно обширен и разнообразен. Тут началась его дружба с Жуковским, не изменившая ему до последней минуты. Поэзией Пушкин занимался мимоходом, в минуты вдохновения.

Л. С. Пушкин. Биограф. изв. об А. С. Пушкине. – Л. Н. Майков, с. 5.

Готовясь к дебюту под руководством кн. Шаховского, я иногда встречала Пушкина у него в доме. Князь с похвалою отзывался о даровании этого юноши, не особенно красивого собою, резвого, вертлявого, почти мальчика. Знакомцы кн. Шаховского: А. С. Грибоедов, П. А. Катенин, А. А. Жандр ласкали талантливого юношу, но куда относились к нему, как старшие к младшему; он дорожил их мнением и как бы гордился их приязнью. Понятно, что в их кругу Пушкин не занимал первого места и почти не имел голоса. Изредка, к

слову о театре и литературе, будущий гений смешил их остроумною шуткой, экспромтом или справедливым замечанием, обличавшим его тонкий эстетический вкус и далеко не юношескую наблюдательность.

Встречаясь у кн. Шаховского, мы взаимно не обращали друг на друга особенного внимания; а между тем семейство Пушкиных, жившее тогда в доме рядом с графиней Екат. Марк. Ивелич (на Фонтанке, близ Калинкина моста), было точно так же близко знакомо с нею, как и мы с матушкой. Пушкины и графиня Ивелич на страстной неделе говели вместе с нами в церкви театрального училища (на Офицерской ул., близ Большого Театра). Помню, как графиня Екатерина Марковна рассказывала мне, что Саша Пушкин, видя меня глубоко растроганною за всенощною великой пятницы, при выносе плащаницы, просил сестру свою, Ольгу Сергеевну, напомнить мне, что ему очень больно видеть мою горечь, тем более что Спаситель воскрес; о чем же мне плакать? Этой шуткой он, видимо, хотел обратить на себя мое внимание; сам же, конечно, не мог быть равнодушен к шестнадцатилетней девочке.

– Вам было шестнадцать лет, когда я вас видел, – говорил он мне впоследствии. – Почему вы мне этого не сказали?

– Что же из этого? – смеялась я ему.

– То, что я обожаю этот прелестный возраст.

А. М. Каратыгина-Колосова (изв. трагическая актриса).
Воспоминания. – Рус. Стар., 1880, т. 28, с. 566.

Три года, проведенные им в Петербурге по выходе из лицея, отданы были развлечениям большого света и увлекательным его забавам. От великолепнейшего салона вельмож до самой нецеремонной пирушки офицеров, везде принимали Пушкина с восхищением, питая и собственную, и его суетность эту славою, которая так неотступно следовала за каждым его шагом. Он сделался идолом преимущественно молодых людей, которые в столице претендовали на отличный ум и отличное воспитание. Такая жизнь заставила Пушкина много утратить времени в бездействии. Но всего вреднее была мысль, которая навсегда укоренилась в нем, что никакими успехами таланта и ума нельзя человеку в обществе замкнуть круга своего счастья без успехов в большом свете.

Большую часть дня утром писал он свою поэму («*Руслан и Людмила*»), а большую часть ночи проводил в обществе, довольствуясь кратковременным сном в промежутке сих занятий.

П. А. Плетнев. Соч., т. I, с. 365–366.

Я столько раз вздыхал: ах, если бы бездельник этот захотел учиться, он был бы человеком выдающимся в нашей литературе.

Е. А. Энгельгардт – кн. А. М. Горчакову, 6 янв. 1818 г. – Рус. Стар., 1899, т. 99, с. 520 (фр.).

Пушкин обладал необычайною памятью: целые строфы, переданные ему Жуковским, он удерживал надолго в голове и повторял их без остановки. Жуковский имел привычку исправлять стих, забытый Пушкиным; каждый такой стих считался дурным по одному этому признаку.

П. В. Анненков. Материалы, с. 44.

Ник. И. Тургенев, быв у Н. М. Карамзина и говоря о себе, сказал: «Мы на первой станции к ней». – «Да, – подхватил молодой Пушкин, – в Черной Грязи».

В. Д. Корнильев по сообщению М. П. Погодина. – Н. П. Барсуков, ч. 1, с. 68.

Болезнь остановила на время образ жизни, избранный мною. Я занемог гнилою горячкою. Лейтон за меня не отвечал. Семья моя была в отчаянии; но через шесть недель я выздоровел. Сия болезнь оставила во мне впечатление приятное. Друзья навещали меня довольно часто: их разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровления – одно из самых сладостных. Помню нетерпение, с которым ожидал я весны, хотя это время года обыкновенно наводит на меня тоску и даже вредит моему здоровью. Но душный воздух и закрытые окна так мне надоели во время болезни моей, что весна являлась моему воображению со всею поэтической своею прелестью. Это было в феврале 1818 года.

Пушкин. Остатки автобиографии.

Крепкое сложение, молодость возвратили Пушкина к жизни. Однако необходимо было употребить меры чрезвычайные для его излечения. Придворный медик Лейтон сажал больного в ванну со льдом.

Л. И. Бартенев. Материалы для биограф. Пушкина. – Моск. Вед., 1855, №№ 142, 144–145, отд. отт., с. 22.

Поклон Пушкину-старосте (*Вас. Львовичу*). Племяннику его легче.

К. Н. Батюшков – В. А. Жуковскому, в первой пол. янв. 1818 г. – К. Н. Батюшков. Сочинения, т. III, с. 488.

Наконец, он познакомился с нами и стал довольно часто посещать нас. Мы с матушкой от души его полюбили. Угрюмый и молчаливый в многочисленном обществе, «Саша Пушкин», бывая у нас, смешил своею резвостью и ребяческой шаловливостью. Бывало, ни минуты не посидит спокойно на месте; вертится, прыгает, пересаживается, перероет рабочий ящик матушки, спутает клубки гарусу в моем вышиваньи; разбросает карты в гранпасьянсе, раскладываемом матушкою... «Да уймешься ли ты, стрекоза! – крикнет, бывало, моя Евгения Ивановна, – перестань, наконец!» Саша минуты на две приутихнет, а там опять начинает проказничать. Как-то матушка пригрозила наказать неугомонного Сашу: «остричь ему когти», так называла она его огромные,

отпущенные на руках ноги. «Держи его за руку, – сказала она мне, взяв ножницы, – а я остригу!» Я взяла Пушкина за руку, но он поднял крик на весь дом, начал притворно всхлипывать, стонать, жаловаться, что его обижают, и до слез рассмешил нас... Одним словом, это был сущий ребенок, но истинно благовоспитанный.

В 1818 г., после жестокой горячки, ему обрили голову, и он носил парик. Это придавало какую-то оригинальность его типичной физиономии и не особенно его красило. Как-то, в Большом театре, он вошел к нам в ложу. Мы усадили его, в полной уверенности, что здесь наш проказник будет сидеть смиренно... Ничуть не бывало! В самой патетической сцене Пушкин, жалуясь на жару, снял с себя парик и начал им обмахиваться, как веером... Это рассмешило сидевших в соседних ложах, обратило на нас внимание и находившихся в креслах. Мы стали унимать шалуна, он же со стула соскользнул на пол и сел у нас в ногах, прячась за барьер; наконец, кое-как надвинул парик на голову, как шапку: нельзя было без смеха глядеть на него! Так и просидел на полу во все продолжение спектакля, отпуская шуточки насчет пьесы и игры актеров.

А. М. Каратыгина-Колосова. Воспоминания. – Рус. Стар., 1880, т. 28, с. 568.

Еще долго спустя после болезни Пушкин ходил обритый и в ермолке. Видавшие его в то время помнят, что он

носил широкий черный фрак с нескошенными фалдами а l'americaine²⁸ и шляпу с прямыми полями а la Bolivar, о которой после упомянул он, описывая наряд Онегина. Тогда же начал он носить длинные ногти, – привычка, которой он не поменял до конца, любя щеголять своими изящными пальцами.

П. И. Бартенов. Материалы для биогр. Пушкина. – Моск. Вед., 1855, №№ 142, 144—145, отд. отд., с. 25.

Пушкин, увидя меня после первой нашей разлуки, заметил во мне некоторую перемену и начал подозревать, что я от него что-то скрываю. Особенно во время его болезни и продолжительного выздоровления, выдаясь чаще обыкновенного, он затруднял меня опросами и расспросами (*насчет тайного общества*), от которых я, как умел, отделялся, успокаивая его тем, что он лично, без всякого воображаемого общества, действует как нельзя лучше для благой цели: тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! в Россию скачет...» и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов. Нечего и говорить уже о разных его выходках, которые везде повторялись. Например, однажды в Царском Селе Захаржевского медвежонок сорвался с цепи от столба, на котором устроена была его будка, и побегал в сад, где мог встретиться глаз на глаз, в темной аллее,

---

²⁸ По-американски (фр.). – Ред.

с императором, если бы на этот раз не встрепенулся его маленький шарле и не предостерег бы от этой опасной встречи. Медвежонок, разумеется, тотчас был истреблен, а Пушкин при этом случае сказал: «Нашелся один человек, да и тот медведь!» Таким же образом он во всеуслышание в театре кричал: «Теперь самое безопасное время, – по Неве лед идет». В переводе: нечего опасаться крепости.

Между тем тот же Пушкин, либеральный по своим воззрениям, имел какую-то жалкую привычку изменять благородному своему характеру и очень часто сердил меня и вообще всех нас тем, что любил, например, вертеться у оркестра около Орлова, Чернышева, Киселева и других: они с покровительственной улыбкою выслушивали его шутки, остроты. Случалось из кресел сделать ему знак, он тотчас прибежит. Говоришь, бывало: «Что тебе за охота, любезный друг, возиться с этим народом; ни в одном из них ты не найдешь сочувствия и пр.». Он терпеливо выслушает, начнет щекотать, обнимать, что обыкновенно делал, когда немножко потеряется. Потом, смотришь, – Пушкин опять с тогдашними львами! Странное смешение в этом великолепном создании!

И. И. Пущин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 70–71.

Мы были раз вместе в театре. Пушкин сидел в первом ряду и во время антрактов все вертелся около Волконского и Киселева, как собачонка какая-нибудь, и это для того, чтобы сказать с ними несколько слов, а они не обращали на него

никакого внимания; мне на него мерзко было смотреть. Когда он подошел ко мне, я ему говорю: «Что ты делаешь, Пушкин? можно ли себя так срамить, – ведь над тобой все смеются!» – Он совершенно растерялся, а в следующий антракт опять то же.

И. И. Пущин по записи *Е. И. Якушкина*. – *Е. И. Якушкин. Декабристы на поселении* (из архива Якушкиных). М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1926, с. 34.

Размер стихов странный, дикий, вялый: ссылаюсь на маленького Пушкина, которому Аполлон дал чуткое ухо.

К. Н. Батюшков – А. И. Тургеневу, в конце июня 1818 г. – *К. Н. Батюшков. Соч.*, т. III, с. 510.

Пушкин рассказывал о себе, что он раз как-то, в начале своего поэтического поприща, представил Батюшкову стихи одного молодого человека, который, по его тогдашнему мнению, оказывал удивительное дарование. Батюшков прочитал пьесу и, равнодушно возвращая ее юному Пушкину, сказал, что он не находит в ней ничего особенного. Это изумило Пушкина: он старался защищать своего молодого приятеля и стал превозносить необычайную гладкость стиха его. *Да кто теперь не пишет гладких стихов!* – возразил Батюшков. Этот ответ навсегда остался памятным Пушкину.

Н. А. Полевой. О духовной поэзии. – Библиотека для Чтения, 1838, т. XXVI, с. 93.

(По поводу стих. Пушкина «Жуковскому»: «Когда к мечтательному миру...») Чудесный талант! Какие стихи! Он мучит меня своим даром, как привидение!

В. А. Жуковский – кн. П. А. Вяземскому, 17 апр. 1818 г. – Рус. Арх., 1896, т. III, с. 208.

Стихи чертенка-племянника чудесно-хороши. В дыму столетий! Это выражение – город. Я все отдал бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестия! Надобно нам посадить его в желтый дом: не то этот бешеный сорванец нас всех заест, нас и отцов наших. Знаешь ли, что Державин испугался бы дыма столетий? о прочих и говорить нечего!²⁹

Кн. П. А. Вяземский – А. И. Тургеневу из Варшавы, 25 апр. 1818 г. – Кн. П. П. Вяземский. Соч., с. 480.

Однажды, зашедши к Тургеневу, я застал у него молодого Пушкина, в ком Карамзин и Жуковский предузнавали и лелеяли развивающийся высокий дар. Принесли к Тургеневу новый портрет Жуковского, и тут же Пушкин, любуясь им, написал следующие к нему стихи: «Его стихов пленительная сладость...»

---

²⁹ Характерно, что в позднейших изданиях послания к Жуковскому Пушкин выбросил 17 заключительных стихов, в числе которых находился и стих, так восхитивший Вяземского. Вот начало выброшенного отрывка: Смотри, как пламенный поэт, Вниманьем сладким упоенный, На свиток гения склоненный, Читает повесть древних лет! Он духом – там, в дыму столетий... и т. д.

А. С. Струдза. Беседа Люб. Рус. Слова и Арзамас. – Москвитянин, 1851, № 21, с. 15.

Мы наслаждались Петергофским праздником и Ораниенбаумским, хотя иллюминация и фейерверк не весьма удалась. Время было прекрасное; людей множество. Несмотря на ветер довольно сильный, мы с женою, с детьми, с Тургеневым, Жуковским, Пушкиным (которые все у нас жили в Петергофе) сели на катер и носились по волнам Финского залива часа два или более; одна из них облила меня с головы до ног – но мы были веселы и думали о том, как бы съездить морем подалье!

Н. М. Карамзин – И. И. Дмитриеву, 11 июля 1818 г. – Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 243.

Пушкин здесь – весь исшалился... Кривцов не перестает развращать Пушкина и из Лондона и прислал ему безбожные стихи из благочестивой Англии.

А. И. Тургенев – кн. П. А. Вяземскому, 28 авг. 1818 г., из Петербурга. – Ост. Арх., т. I, с. 117.

Праздная леность, как грозный истребитель всего прекрасного и всякого таланта, парит над Пушкиным... Пушкин по утрам рассказывает Жуковскому, где он всю ночь не спал; целый день делает визиты б....м, мне и кн. Голицыной,

а ввечеру иногда играет в банк... Третьего дня ездил я к Карамзиным в Царское Село. Там долго и сильно доносил я на Пушкина. Долго спорили меня, и он возвращался, хотя тронутый, но вряд ли исправленный.

А. И. Тургенев – кн. *П. А. Вяземскому*, 4 сент. 1818 г. – *Ост. Арх.*, т. I, с. 119.

Не худо бы Сверчка (*Пушкина*) запереть в Геттинген и кормить года три молочным супом и логикою. Из него ничего не будет путного, если он сам не захочет; потомство не отличит его от двух его однофамильцев, если он забудет, что для поэта и человека должно быть потомство. Кн. А. Н. Голицын московский промотал 20 тыс. душ в шесть месяцев. Как ни велик талант Сверчка, он его промотает, если... Но да спасут его музы и молитвы наши!

К. Н. Батюшков – *А. И. Тургеневу*, 10 сент. 1818 г. – *К. Н. Батюшков. Соч.*, т. III, с. 533.

Думаем к 7 октября переехать в город, читать корректуры, делать визиты, большею частью пустые, пить чай с Тургеневым, Жуковским, Пушкиным.

Н. М. Карамзин – кн. *П. А. Вяземскому*, 30 сент. 1818 г., из Царского Села. – *Кн. П. П. Вяземский. Соч.*, с. 475.

Мы все (*офицеры Преображенского полка*) жили тогда в верхнем этаже казарм, на углу Большой Миллионной и Зим-

ней канавки. Молодой товарищ мой Д. П. Зыков по какому-то случаю у себя угощал завтраком; пришел ко мне слуга доложить, что меня ожидает гость: Пушкин. Я по галерее пошел к себе. Гость встретил меня в дверях, подавая в руки толстым концом свою палку и говоря:

– Я пришел к вам, как Диоген к Антисфену: побей, но выучи.

– Ученого учить – портить, – отвечал я, взял его за руку и повел в комнаты. Через четверть часа все церемонии кончились, разговор оживился, время неприметно прошло, я пригласил остаться отобедать; пришли еще кой-кто, так что новый знакомец ушел уже поздним вечером. Желая быть учтивым и расплатиться визитом, я спросил: где он живет? но ни в первый день, ни после, никогда не мог от него узнать; он упорно избегал посещений. Сам, напротив, полюбив меня с первого раза, очень часто запросто посещал, и едва ли эта первая эпоха нашего знакомства была не самая лучшая и для обоих приятная.

В это время работал он над первым из своих крупных произведений, и отрывок за отрывком прочитал мне две или три песни «Руслана и Людмилы». Без сомнения, сия поэма была гораздо выше ученических опытов; но и в ней еще много незрелого, и тут случилось мне в первый раз заметить в Пушкине нечто, может быть, укоренившееся в нем едва ли в пользу его славы на будущее время: он сознавался в ошибках, но не исправлял их...

По связям своей юности, слыша от всех близких одно и то же, Пушкин на веру повторял; но когда вступил в свет и начал ходить без помочей, на собственных ногах, встречая много людей, мыслящих каждый по-своему, он, как умный человек, тотчас сбросил или хоть скрыл односторонность чужих внушений и приметно старался, угождая каждому, со всеми уладить. Несмотря однако на врожденную ловкость, необходимо случилось ему впасть в противоречия с самим собою.

П. А. Катенин. Воспоминания о Пушкине. – Литер. наследство, т. 16—18, с. 635–636.

Катенин имел огромное влияние на Пушкина; последний принял у него все приемы, всю быстроту своих движений; смотря на Катенина, можно было беспрестанно вспоминать Пушкина. Катенин был человек очень умный, знал в совершенстве много языков и владел особенным умением читать стихи, так что его собственные дурные стихи из уст его казались хорошими.

С. П. Шевырев. Воспоминания о Пушкине. – Л. Н. Майков, с. 331.

Слушал Катенина. Прототип, по наружности, Пушкина.

М. П. Погодин. Дневник, 27 марта 1834 г. – Пушкин и его совр-ки, вып. XXIII–XXIV, с. 119.

Из переводов некоторые хороши, особенно Лавиня: прелесть. Помнишь ли, это было твое привычное слово, говоря со мной?

П. А. Катенин – Пушкину, 14 марта 1826 г. – Переписка Пушкина, т. I, с. 337.

Пушкин имел всегда на очереди какой-нибудь стих, который любил он твердить. В года молодости его и сердечных припадков, было время, когда он часто повторял стих из гнедичева перевода вольтеровой трагедии «Танкред»:

Быть может, некогда восплачешь обо мне!

Кн. П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 116.

Рассказывают, что Батюшков судорожно сжал в руках листок бумаги, на котором читал «Послание к Ю-ву» (Юрьеву) (*Поклонник ветреных Ламе... 1818 г.*), и проговорил: «О, как стал писать этот злодей!»

П. В. Анненков. Материалы, с. 50.

(1818.) Чаадаев жил в гостинице Демута. Пушкин часто посещал его и продолжал с ним живые, откровенные царско-сельские беседы. Но все изменялось вдруг, когда приходили к Чаадаеву с докучными визитами те его светские знакомые, которые на кредит пользовались репутацией умников и любезников. Пушкин сейчас смолкал, садился в угол на диване, поджав ноги, и упорно чуждался всяких сношений с подоб-

ными посетителями, покушавшимися иногда обращаться к нему с видом снисходительного покровительства. Об одном из этих докучных ему говорунов вспомнил он в Бессарабии, упомянув о нем в последних двух стихах послания своего к Чаадаеву.

М. Н. Лонгинов. Воспоминания о П. Я. Чаадаеве. – Рус. Вестн., 1862, т. 42, с. 126.

С Байроном Пушкин начал знакомство еще в Петербурге, где учился по-английски и брал для того у Чаадаева книжку Газлита: «*Рассказы за столом*» (Hazlite, Table talk).

П. И. Бартенев со слов П. Я. Чаадаева. Пушкин в Южной России, с. 70.

Чаадаев, воспитанный превосходно, не по одному французскому манеру, но и по-английски, был уже двадцати шести лет, богат и знал четыре языка. Влияние на Пушкина было изумительно. Он заставлял его мыслить. Французское воспитание нашло противодействие в Чаадаеве, который уже знал Лока и легкомыслие заменял исследованием. Чаадаев был тогда умен; он думал о том, о чем никогда не думал Пушкин. Пушкин, восхищавшийся Державиным, встретил у Чаадаева опровержение, а именно за неточность изображений. Пример был «Путник» Державина: «Луна светит, сквозь мрак ужасный едет в челноке». Чаадаев был критик тогда. Взгляд его на жизнь был серьезен. Он поворотил его

на мысль. Пушкин считал себя обязанным и покидал свои дурачества в доме Чаадаева, который жил тогда в Демутовом трактуре. Он беседовал с ним серьезно.

Я. И. Сабуров по записи П. В. Анненкова. – Б. Л. Модзалевский. Пушкин, с. 337.

Эпиграмма на Карамзина написана мною в такое время, когда Карамзин меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие, и сердечную к нему приверженность. До сих пор не могу об этом хладнокровно вспоминать.

Пушкин – кн. П. А. Вяземскому, 10 июня 1826 г.

Дружба Жуковского и Пушкина особенно утвердилась с той поры, как они снова свиделись осенью 1818 г. (*после возвращения Жуковского из Москвы*). С «Русланом и Людмилой» Пушкин постепенно знакомил друзей своих и любителей словесности на вечерах у Жуковского. Жуковский жил тогда в семействе А. А. Плещеева, в Коломне у Кашина моста, за каналом, в угловом доме. Несмотря на отдаленное положение этой части города, каждую субботу собирался к нему избранный кружок писателей и любителей просвещения. Молодой Пушкин оживлял эти собрания столько же стихами своими, как и неистощимую веселостью и остроумием, в котором никогда не было у него недостатка. – Жуковский, когда приходилось ему исправлять стихи свои, уже перебеленные, чтобы не марать рукописи, наклеивал на

исправленном месте полосу бумаги с новыми стихами. Сам он редко читал вслух свои произведения и обыкновенно поручал это другим. Раз кто-то из чтецов, которому прежние стихи нравились лучше новых, сорвал бумажку и прочел по-старому. В эту самую минуту Пушкин, посреди общей тишины, с ловкостью подлезает под стол, достает бумажку и, кладя ее в карман, преважно говорит: «Что Жуковский бросает, то нам еще пригодится». (За сообщение этого сведения обязаны мы очевидцу П. А. Плетневу.)

П. И. Бартенев. – Моск. Вед., 1855, №№ 142, 144—145, отд. отт., с. 31–33.

Княгиня Авдотья Ивановна (*Голицына*) благородная и, когда не на треножнике, а просто на стуле, – умная женщина. Я люблю ее за милую душу и за то, что она умнее за других, нежели за себя. Жаль, что Пушкин уже не влюблен в нее, а то бы он передал ее потомству в поэтическом свете.

А. И. Тургенев – кн. *П. А. Вяземскому*, 3 дек. 1818 г., из Петербурга. – Ост. Арх., т. I, с. 159.

Сверчок (*Пушкин*) прыгает по бульвару и по... Стихи свои едва писать успевает. Но при всем беспутном образе жизни его он кончает четвертую песнь поэмы («*Руслан и Людмила*»). Если бы еще два или три... так и дело в шляпе. Первая... болезнь была и первою кормилицею его поэмы.

А. И. Тургенев – кн. *П. А. Вяземскому*, 18 дек. 1818 г. –

Там же, с. 174.

20 числа сего месяца служащий в Иностранной Коллегии переводчиком Пушкин был в каменном театре в большом бенуаре, во время антракту пришел из оногo в креслы и, проходя между рядов кресел, остановился против сидевшего коллежского советника Перовошикова с женою, почему г. Перовошиков просил его проходить далее, но Пушкин, приняв сие за обиду, наделал ему грубости и выбралил его неприличными словами.

И. С. Горголи (петербургский полицмейстер) в отношении своем от 23 дек. 1818 г. *П. Я. Убри* (начальнику Пушкина по службе). – Былое, 1906, т. XI, с. 28.

Я не оставил сделать строгое замечание служащему в государственной коллегии иностранных дел коллежскому секретарю Пушкину насчет неприличного поступка его с коллежским советником Перовошиковым, с тем чтобы он воздержался впредь от подобных поступков; в чем и дал он мне обещание.

П. Я. Убри в отношении своем от 9 янв. 1818 г. *И. С. Горголи*. – Там же, с. 29.

(Около 1818 г.) Лицейского своего товарища Кюхельбекера Пушкин очень любил, но часто над ним подшучивал. Кюхельбекер хаживал к Жуковскому и отчасти надоедал ему

своими стихами. Однажды Жуковский куда-то был зван на вечер и не явился. Когда его после спросили, отчего он не был, Жуковский отвечал: «Я еще накануне расстроил себе желудок; к тому же пришел Кюхельбекер, и я остался дома». Пушкин написал на это стихи:

За ужином объелся я,
Да Яков запер дверь оплошно.
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно!

Кюхельбекер взбесился и требовал дуэли. Никак нельзя было уговорить его. Дело было зимою. Кюхельбекер стрелял первый и дал промах. Пушкин кинул пистолет и хотел обнять своего товарища; но тот неистово закричал: «стреляй, стреляй!» Пушкин насилу его убедил, что невозможно стрелять, потому что снег набился в ствол. Поединок был отложен, и потом они помирились. Яков – слуга Жуковского.

П. И. Бартенева по запискам *В. И. Даля*. Пушкин в Южной России, с. 101.

М. А. Максимович рассказывал, как Кюхельбекер стрелялся с Пушкиным и как в промахнувшегося последний не захотел стрелять, но с словом: «полно дурачиться, милый; пойдем чай пить», – подал ему руку, и ушли домой.

О. М. Бодянский. Дневник. – Рус. Стар., 1888, т. 60, с. 414.

Матюшкин рассказывал, что Пушкин дрался с Кюхельбекером за какое-то вздорное слово, но выстрелил на воздух. Они тотчас же помирились и продолжали дружбу.

П. И. Бартенев. – Рус. Арх., 1910, т. II, с. 48.

Кюхельбекер вызвал Пушкина на дуэль. Пушкин принял вызов. Оба выстрелили, но пистолеты заряжены были клюквою, и дело кончилось ничем.

Н. И. Греч. Записки о моей жизни. СПб., 1886, с. 383.

(1817–1820.) Театральная школа находилась через дом от нас на Екатерининском канале. Пушкин был влюблен в одну из воспитанниц-танцорок и прохаживался одну весну мимо окон школы и всегда проходил по маленькому переулку, куда выходила часть нашей квартиры, и тоже поглядывал на наши окна, где всегда сидели тетки за шитьем. Они были молоденькие, недурны собой. Я подметила, что тетки всегда волновались, завидя Пушкина, и краснели, когда он смотрел на них. Я старалась заранее встать к окну, чтобы посмотреть на Пушкина. Тогда была мода носить испанские плащи, и Пушкин ходил в таком плаще, закинув одну полу на плечо. – Не могу определенительно сказать, сколько времени прошло после того, как прогуливался Пушкин мимо наших окон; но однажды в театре я сидела в ложе с одною из теток. Почти к последнему акту в соседнюю ложу, где сидели две дамы и старичок, вошел курчавый, бледный и худощавый мужчи-

на. Я сейчас же заметила, что у него на одном пальце наде-
то что-то в роде золотого наперстка. Это меня заинтересо-
вало... Курчавый господин зевал, потягивался и не смотрел на
сцену, глядел больше на ложи, отвечал нехотя, когда с ним
заговаривали дамы по-французски... Вдруг я припомнила,
где его видела... Пушкин скоро ушел из ложи. Более мне не
удалось его видеть. Уже взрослою я узнала значение золотого
наперстка на его пальце. Он отрастил себе большой ноготь
и, чтобы последний не сломался, надевал золотой футляр.

А. Я. Головачева-Панаева. Воспоминания. СПб., 1890, с.
23.

(1819.) Поводом к сочинению оды «Вольность» послужил
разговор поэта с Кавериним: проезжая с ним ночью на из-
возчике мимо Инженерного замка, – может быть, на Фонтан-
ку, к Тургеневым, – Пушкин вызвался написать стихи на это
мрачное здание.

Ю. Н. Щербачев со слов *Е. П. Соколовой*, дочери П. П.
Каверина. – Ю. Н. Щербачев. Приятели Пушкина Щербинин
и Каверин. М., 1913, с. 61.

Из людей, которые были старше Пушкина, всего чаще по-
сещал он братьев Тургеневых; они жили на Фонтанке, пря-
мо против Михайловского замка, что ныне Инженерный, и
к ним, т.е. к меньшому Николаю, собирались нередко вы-
сокоумные молодые вольнодумцы. Кто-то из них, смотря в

открытое окно на пустой тогда, забвенью брошенный дворец, шутя предложил Пушкину написать на него стихи. Он по матери происходил от Арапа и гибкостью членов, быстротой телодвижений несколько походил на негров и на чело-векоподобных жителей Африки. С этим проворством вдру-г вскочил он на большой и длинный стол, стоявший перед ок-ном, растянулся на нем, схватил перо и бумагу и со смехом принялся писать. Окончив, показал стихи и, не знаю почему, назвал их «Одой на свободу».

Ф. Ф. Вигель. Записки, т. VI, с. 10.

Самое сильное нападение Пушкина на меня по поводу (*тайного*) общества было, когда он встретился со мною у Н. И. Тургенева, где тогда собрались все желавшие участ-вовывать в предполагаемом издании политического журнала. Тут, между прочим, были Куницын и наш лицейский това-рищ Маслов. Мы сидели кругом большого стола. Маслов чи-тал статью свою о статистике. В это время я слышу, что кто-то сзади берет меня за плечо. Оглядываюсь – Пушкин! «Ты что здесь делаешь? Наконец поймал тебя на самом деле», – шепнул он мне на ухо и прошел дальше. Кончилось чтение. Мы встали. Подхожу к Пушкину, здороваюсь с ним; пода-ли чай, мы закурили сигарки и сели в уголок. «Как же ты мне никогда не говорил, что знаком с Николаем Ивановичем? Верно, это ваше общество в сборе? Я совершенно неча-янно зашел сюда, гуляя в Летнем саду. Пожалуйста, не сек-

ретничай; право, любезный друг, это ни на что не похоже!» Мне и на этот раз легко было без большого обмана доказать ему, что это совсем не собрание общества, им отыскиваемого, что он может спросить Маслова и что я сам тут совершенно неожиданно. Не знаю настоящим образом, до какой степени это объяснение удовлетворило Пушкина; только вслед за этим у нас переменялся разговор и мы вошли в общий круг.

И. И. Пущин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 72.

Дружбы между Пушкиным и Рылеевым не было. П. А. Плетнев передавал нам, что Пушкин смеивался над неумеренностью суждений Рылеева, над его отзывами о европейской политике, которую будто изучал он по тогдашним русским газетам в книжной лавке Оленина. Пушкина с Рылеевым связывали только общие занятия словесностью.

П. И. Бартенев. – Десятнадцатый век. Историч. сборн., М., 1872, т. I, с. 76.

За что Пушкин мог рассердиться на меня, чтобы, после наших добрых отношений, бросить в меня пасквилом? Как я узнала впоследствии, причиною озлобления Пушкина была нелепая сплетня. Говоря о Пушкине у князя Шаховского, Грибоедов назвал его «мартышкой». Пушкину перевели, будто бы это прозвище было дано ему мною!.. Раздраженный, раздосадованный, не взяв труда доискаться правды, по-

эт осмелял меня³⁰. Катенин и Грибоедов пеняли ему, настаивали на том, чтобы он извинился передо мною. Пушкин сознался в своей опрометчивости, ругал себя и намеревался ехать ко мне с повинной. Но тут последовала его высылка из Петербурга.

А. М. Каратыгина-Колосова. Воспоминания. – Рус. Стар., 1880, т. 28, с. 569.

Большую частью эпиграммы, каламбуры и остроты срывались с языка Пушкина против тех людей, которые имели неосторожность оскорбить чем-либо раздражительного поэта: в этих случаях он не щадил никого и тотчас обливал своего противника едкой желчью. На одном вечере Пушкин, еще в молодых летах, был пьян и вел разговор с одною дамою. Надобно прибавить, что эта дама была рябая. Чем-то недовольная поэтом, она сказала:

– У вас, Александр Сергеевич, в глазах двоит?

– Нет, сударыня, – отвечал он, – *рябит!*

(М. М. Попов (чиновник III Отдел.). – Рус. Стар., 1884, № 8, с. 686.

Пушкин слег: старое пристало к новому, и пришлось ему опять за поэму приниматься.

---

³⁰ В эпиграмме: Все пленяет нас в Эсфири: Упоительная речь, Поступь важная в порфире, Кудри черные до плеч; Голос нежный, взор любви... Набеленная рука, Размалеванные брови И широкая нога! (*янв. 1819 г.*)

А. И. Тургенев – кн. *П. А. Вяземскому*, 12 февр. 1819 г. –
Ост. Арх., т. I, с. 191.

Венера пригвоздила Пушкина к постели и к поэме.

А. И. Тургенев – кн. *П. А. Вяземскому*, 22 февр. 1819 г. –
Там же, с. 200.

Пушкин уже на ногах и идет в военную службу.

А. И. Тургенев – кн. *П. А. Вяземскому*, 5 марта 1819 г. –
Ост. Арх., т. I, с. 202

Пушкин не на шутку собирается в Тульчин, а оттуда в Грузию и бредит уже войною. Он уже и слышать не хочет о мирной службе.

А. И. Тургенев – кн. *П. А. Вяземскому*, 12 марта, 1819 г. –
Там же, с. 252.

Щербинин, Олсуфьев – Пушкин – у меня в П-бурге ужи-
нали – шампанское в лед было поставлено за сутки вперед
– случайно тогдашняя красавица моя (для удовлетворения
плотских желаний) мимо шла – ее зазвали – жар был неснос-
ный – Пушкина просили память этого вечера в нас продол-
жить стихами – вот они – оригинал у меня.

27 мая 1819.

Веселый вечер в жизни нашей

Запомним, юные друзья;
Шампанского в стеклянной чаше
Шипела хладная струя.
Мы пили – и Венера с нами
Сидела преля за столом,
Когда ж вновь сядем вчетвером
С б...ми, вином и чубуками.

П. П. Каверин. Тетрадь 1824–1830 гг. – Ю. Н. Щербачев. Приятели Пушкина Щербинин и Каверин, с. 16.

Пушкин очень болен. Он простудился, дожидаясь у дверей одной... которая не пускала его в дождь к себе, для того чтобы не заразить его своею болезнью. Какая борьба благо-родства, любви и распутства!

А. И. Тургенев – кн. П. А. Вяземскому. 18 июня 1819 г. – Ост. Арх., т. I, с. 253.

Пушкину лучше, но был опасно болен.

А. И. Тургенев – кн. П. А. Вяземскому, 25 июня 1819 г. – Там же, с. 256.

Пушкин выздоравливает.

А. И. Тургенев – кн. П. А. Вяземскому, 1 июля 1819 г. – Там же, с. 260.

Дельвиг обещал на днях зайти за мною и отвести к Пушкину, который в это время по болезни не мог выходить из

комнаты... Пушкин жил тогда на Фонтанке, близ Калинкина моста... Мы взошли на лестницу, слуга отворил двери, и мы вступили в комнату. У дверей стояла кровать, на которой лежал молодой человек в полосатом бухарском халате, с ермолкою на голове. Возле постели, на столе, лежали бумаги и книги. В комнате соединялись признаки жилища молодого светского человека с поэтическим беспорядком ученого. При входе нашем Пушкин продолжал писать несколько минут; потом, обратясь к нам, как будто уже знал, кто пришел, подал обе руки моим товарищам (*Дельвигу и Баратынскому*) со словами: «Здравствуйте, братцы!» Вслед за сим он сказал мне с ласковою улыбкою: «Я давно желал знакомиться с вами, ибо мне сказывали, что вы большой знаток в вине и всегда знаете, где достать лучшие устрицы». Я не знал, радоваться ли мне этому приветствию или сердиться на него... Мы говорили о древней и новой литературе. Суждения Пушкина были вообще кратки, но метки, и даже когда они казались несправедливыми, способ изложения их был так остроумен и блистателен, что трудно было доказать их неправильность. В разговоре его была большая склонность к насмешке, которая часто становилась язвительною. Она отражалась во всех чертах лица его, и думаю, что он способен возвыситься до той истинно-поэтической иронии, которая подымается над ограничленною жизнью смертных и которой мы столько удивляемся в Шекспире. Хозяин наш оканчивал тогда романтическую свою поэму. Я знал уже из нее некоторые

отрывки, которые исполнили меня намерением узнать целое. Я высказал это желание; товарищи мои присоединились ко мне, и Пушкин принужден был уступить нашим усиленным просьбам и прочесть свое сочинение.

(В. Эртель)³¹. Выписка из бумаги дяди Александра. – Рус. Альманах за 1832–1833 гг., изданный В. Эртелем и А. Глебовым. СПб., 1832, с. 285–300.

Однажды мы в длинном фургоне возвращались с репетиции. Тогда против Большого театра жил камер-юнкер Никита Всеволодович Всеволожский, которого Дембровский (*воспитанник театрального училища, спутник автора*) учил танцевать. Это было весною, кажется, в 1818 году. Когда поравнялся наш фургон с окном, на котором тогда сидел Всеволожский и еще кто-то с плоским, приплюснутым носом, большими губами и с смуглым лицом мулата, Дембровский высунулся из окна нашего фургона и начал им усердно кланяться. Мулат снял с себя парик, стал им махать над своей головой и кричал что-то Дембровскому. Эта фарса нас всех рассмешила. Я спросил Дембровского: «Кто этот господин?», и он отвечал мне, что это сочинитель Пушкин, который тогда только что начинал входить в известность. Тут же Дембровский прибавил, что после жестокой горячки Пушкину выбрили голову и что-де на днях он написал на этот

---

³¹ Авторство В. Эртеля устанавливается В. П. Гаевским. Дельвиг. – Современник, 1853, № 5, Критика, с. 29.

случай стихотворение:

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый, но живой.
Его мучительная лапа
Не тяготееет надо мной.
Здоровье, легкий друг Приапа,
И сон, и сладостный покой,
Как прежде посетили снова
Мой угол тесный и простой

и т. д.³²

П. А. Каратыгин (изв. комик-актер и водевилист). Записки. СПб., 1880, с. 43.

Вообрази себе двенадцатилетнего юношу, который шесть лет живет в виду дворца и в соседстве с гусарами, и после обвиняй Пушкина за его «Оду на свободу» и за две болезни не русского имени!

А. И. Тургенев – кн. *П. А. Вяземскому*, 5 авг. 1819 г. – Ост. Арх., т. I, с. 280.

Пушкина здесь нет; он в деревне на все лето и отдыхает от парнасских своих подвигов. Поэма у него почти вся в голове.

---

³² Послание к В. В. Энгельгардту «Я ускользнул от Эскулапа» написано летом 1819 г., следовательно, автор ошибается, относя встречу к весне 1818 г.

Есть, вероятно, и на бумаге, но вряд ли для чтения.

4. *И. Тургенев – И. И. Дмитриеву*, 7 авг. 1819 г., из Петербурга. – Рус. Арх., 1867, с. 651.

(*В Царском Селе у Карамзина и Жуковского.*) Явился обритый Пушкин из деревни и с шестою песнью («*Руслан и Людмила*»). Здесь я его еще не видал, а там он, как бес, мелькнул, хотел возвратиться со мною и исчез в темноте ночи, как привидение.

А. И. Тургенев – кн. П. А. Вяземскому, 19 авг. 1819 г., из Петербурга. – Ост. Арх., т. I, с. 293.

Из Царского Села свез я ночью в Павловское Пушкина. Мы разбудили Жуковского. Пушкин начал представлять обезьяну и собачью комедию и тешил нас до двух часов утра... Дорогой из Царского Села в Павловск писал он послание о Жуковском к павловским фрейлинам, но еще не кончил.

Что из этой головы лезет! Жаль, если он ее не сносит! Он читал нам пятую песню своей поэмы, в деревне сочиненную. Здесь возобновил он прежний род жизни. Волос уже нет, и он ходит бледный, но не унылый.

А. И. Тургенев – кн. П. А. Вяземскому, 26 авг. 1819 г. – Там же, с. 296.

Склонись, о Пушкин, Феба ради,

На просьбу слабого певца
И вспомни, как к моей отраде,
Ты мне посланье обещал;
Припомни также вечер ясный,
Когда до дому провожал
Тебя, пиит мой сладкогласный,
И ты мне руку с словом дал;
Когда стихами и шампанским
Свои рассудки начиня
И дымом окурясь султанским,
Едва дошли мы до коня;
Уселись кое-как на дрожках,
Качаясь, ехали в тени,
И гасли медленно в окошках
Чуть-чуть заметные огни;
Зыбясь, в Фонтанке отражалась
Столбом серебряным луна,
И от строений расстилалась
Густая тень, как пелена,
И слышен был, подобно грому,
Повозок шум издалека;
По своду темно-голубому
Прозрачны плыли облака.
И Веспер теплился порою,
Двояся трепетно в струях:
В то время мчались мы с тобою
В пустых коломенских краях...
Ты вспомни, как, тебя терзая,
Согласье выпросил тогда,

Как сонным голосом, зевая,
На просьбу мне ты молвил: да.
Но вот проходит уж вторая
Неделя с вечера того,
Я слышу, пишешь ты ко многим,
Ко мне ж покамест ничего...

Я. Н. Толстой – Пушкину. – В. Каллаш. Русские поэты о Пушкине. М., 1899, с. 8. (В 1819 г. Пушкин написал послание к Я. Толстому «Стансы»: Философ ранний, ты бежишь...).

Исторически буду говорить тебе о наших, – все идет по-прежнему: шампанское, славу богу, здорово, актрисы также, – то пьется, а те (.....) – аминь, аминь, так и должно. У Юрьева х.....³³ славу богу здоров, – у меня открывается маленький, и то хорошо – Всеволжский играет: мел столбом! Деньги сыплются! Поговори мне о себе – о военных поселениях – это все мне нужно – потому что я люблю тебя – и

---

³³ Вульгарное название гонореи. – К 1818–1819 гг. относят незаконченный отрывок Пушкина: «За старые грехи наказанный судьбой, я стражду восемь дней с лекарствами в желудке, с ртутием в крови, с раскаяньем в рассудке...» Многих биографов смущает этот «ртутием в крови»: не был ли Пушкин болен сифилисом? Данных для этого нет решительно никаких. Приводимое ниже (под 1826 г., сент.) свидетельство бар. М. А. Корфа ненадежно, самый же факт «ртутием в крови» ничего не доказывает: медицина того времени все три венерические болезни не считала качественно различными, и все они лечились ртутью (при гонорее – внутрь).

ненавижу деспотизм.

Пушкин – П. В. Мансурову, 27 окт. 1819 г.

Беснующегося Пушкина мельком вижу только в театре, куда он заглядывает в свободное от зверей время. В прочем же жизнь его проходит у приема билетов, по которым пускают смотреть привезенных сюда зверей, между коими тигр есть самый смирный. Он влюбился в приемщицу билетов и сделался ее *cavalier servant*³⁴; наблюдает между тем природу зверей и замечает оттенки от скотов, которых смотрит *gratis*³⁵.

А. И. Тургенев – кн. П. А. Вяземскому. 12 ноября 1819 г. – Ост. Арх., т. I, с. 350.

Императрица Елизавета спрашивала Жуковского, который в то время Александре Федоровне (*жене вел. кн. Николая Павловича*) по-русски уроки давал, от чего Пушкин, сочиняя хорошо, – ничего не напишет для нее. Пушкин послал «На лире скромной, благородной» и пр. (*Следует текст «Ответа на вызов написать стихи в честь гос. имп-цы Ел. Ал-ны»*).

П. П. Каверин. Тетрадь 1824–1830 гг. – Ю. Н. Щербачев. Приятели Пушкина Щербинин и Каверин, с. 78.

---

³⁴ Преданным кавалером (фр.). – Ред.

³⁵ Бесплатно (фр.). – Ред.

В этот мой приезд в Петербург я встретила Пушкина в доме тетки моей Олениной... Я видела Карамзина с его гордой, даже надменной супругой. Некто сказал, когда вошел Карамзин и жена его в залу: «Oui, c'est là m-me Карамзин, on le voit à sa morgue! (Да, это г-жа Карамзина, ее узнаешь по ее гордой осанке)». Она была первой любовью Пушкина.

А. П. Керн. Воспоминания. – Рус. Стар., 1870, т. 1, с. 264.

(1819.) На одном из вечеров у Олениных я встретила Пушкина и не заметила его; мое внимание было поглощено шарадами, которые тогда разыгрывались и в которых участвовали Крылов, Плещеев и другие... Но он вскоре дал себя заметить. Во время дальнейшей игры на мою долю выпала роль Клеопатры, и когда я держала корзинку с цветами, Пушкин, вместе с братом Александром Полторацким, подошел ко мне, посмотрел на корзинку и, указывая на брата, сказал: «А этот господин будет, наверно, играть роль аспида?» Я нашла это дерзким, ничего не ответила и ушла. После этого мы сели ужинать.

У Олениных ужинали на маленьких столиках. За ужином Пушкин уселся с братом моим позади меня и старался обратить на себя мое внимание льстивыми возгласами, как например: «Позволительно ли быть такую хорошенькою!» Потом завязался между ними шуточный разговор о том, кто грешник и кто нет, кто будет в аду и кто попадет в рай. Пушкин сказал брату: «Во всяком случае, в аду будет много хо-

рошеньких, там можно будет играть в шарады. Спроси у тебе Керн: хотела ли бы она попасть в ад?» Я отвечала очень серьезно и несколько сухо, что в ад не желаю. «Ну, как же ты теперь, Пушкин?» – спросил брат. – «Яраздумал, – ответил поэт, – я в ад не хочу, хотя там и будут хорошенькие женщины».

А. П. Керн. Воспоминания. – Л. Н. Майков, с. 236.

П. А. Катенин заметил в эту зиму (1819 г.) характеристическую черту Пушкина, сохранившуюся и впоследствии: осторожность в обхождении с людьми, мнение которых уважал, ловкий обход спорных вопросов, если они поставлялись слишком решительно.

П. В. Анненков. Материалы, с. 51.

В Петербурге, в Толмачевом переулке, от Гостиного Двора к нынешнему Александрийскому театру, бывшем, кажется, глухим, был кабак вроде харчевни. Пушкин с Дельвигом и еще с кем-то в компании, человек по пяти, иногда ходили, переодевшись в дрянные платья, в этот кабак кутить, наблюдать нравы таких харчевен и кабаков и испытывать самим тамошние удовольствия.

А. П. Нордштейн. Выписки из тетрадей. – Рус. Арх., 1905, т. III, с. 255.

Разве в наше время, когда мы били немцев на Красном Ка-

бачке и нам не доставалось, а немцы получали тычки, сложа руки?

Пушкин – жене *Н. Н. Пушкиной*, 18 мая 1836 г.

Физическая организация молодого Пушкина, крепкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражнениями. Он славился, как неутомимый ходок пешком, страстный охотник до купанья, до езды верхом и отлично дрался на эспадронах, считаясь чуть ли не первым учеником известного фехтовального учителя Вальвиля.

П. В. Анненков. Материалы, с. 38.

Многие тогда сами на себя наклепывали. Эта тогдашняя черта водилась и за Пушкиным: придет, бывало, в собрание, в общество, и расшатывается: «Что вы, Александр Сергеевич?» – «Да вот выпил 12 стаканов пуншу!» А все вздор, и одного не допил.

Ф. Н. Глинка. – Рус. Стар., 1871, т. 3, с. 245.

Пьет он (*Лев Пушкин*), как я заметил, более из тщеславия, нежели из любви к вину. Он толку в вине не знает, пьет, чтобы перепить других, и я никак не могу убедить его, что это смешно. Ты так же молод был, как ныне молод он, сколько из молодчества выпил лишнего?

Бар. А. А. *Дельвиг* – *Пушкину*, 21 марта 1827 г. – Переписка Пушкина, т. II, с. 14.

Приведу анекдот, слышанный мною в детстве, более чем вероятно, дошедший до моих домашних от Щербинина или Каверина, – вернее от последнего. На одном кутеже Пушкин побился, будто бы, об заклад, что выпьет бутылку рома и не потеряет сознания. Исполнив, однако, первую часть обязательства, он лишился чувств и движения и только, как заметили присутствующие, все сгибал и разгибал мизинец левой руки. Придя в себя, Пушкин стал доказывать, что все время помнил о закладе и что двигал мизинцем во свидетельство того, что не потерял сознания. По общему приговору, пари было им выиграно.

Ю. Н. Щербачев. Приятели Пушкина Щербинин и Каверин, с. 207.

После смерти отца молодой Нащокин, избалованный богатой матерью, предался свободной и совершенно независимой жизни, так что, живя на всем готовом в доме родительницы, он нанимал бельэтаж какого-то большого дома на Фонтанке для себя, а вернее для друзей. Сюда он приезжал ночевать с ночных игр и кутежей, сюда же каждый из знакомых его мог явиться на ночлег не только один или самодруг, но мог приводить и приятелей (не знакомых Нащокину), и одиноких, и попарно. Многочисленная прислуга под управлением карлика Карлы-головастика обязана была для всех раскладывать на полу матрацы, со всеми принадлежно-

стями приличных постелей: парных – в маленьких кабинетах, а холостякам в больших комнатах, вповалку. Сам хозяин, являсь позднее всех, спросит только, много ли ночлежников, потом тихо пробирается в свой отдельный кабинет. Но зато утром все обязаны явиться к кофе и чаю: тут происходят новые знакомства и интересные эпизоды... Случалось, что в торжественные дни рождения Нащокина гвардейская молодежь с красотками, после великолепного завтрака и множества опорожненных бутылок, сажали в четырехместную карету, запряженную четверкою лошадей, нащокинско-го Карлу-карлика с кучей разряженных девиц, а сами, сняв мундиры, в одних рейтузах и рубашках, засев на места кучера и форейтора и став на запятках вместо лакеев, летели во всю конскую прыть по Невскому проспекту, по Морской и по всем лучшим улицам. А раз, по инициативе Пушкина, тоже в день рождения Нащокина, приглашают друзья его самого в собственный его приют, где при входе приготовили ему сюрприз, до того циничный, что невозможно описать.

Н. И. Куликов со слов *П. В. Нащокина*. Пушкин и Нащокин. – Рус. Стар., 1880, т. 29, с. 991.

Между нами было и не без шалостей. Случалось, зайдет он ко мне. Вместо: «Здравствуй», я его спрашиваю: «От нее ко мне или от меня к ней?» В моем соседстве, на Мойке, жила Анжелика – прелесть-полька! «На прочее завеса!» Возвратясь однажды с ученья, я нахожу на письменном столе

развернутый большой лист бумаги. На этом листе нарисована пером знакомая мне комната, трюмо, две кушетки. На одной из кушеток сидит развалившись претолстая женщина, почти портрет безобразной тетки нашей Анжелики. У ног ее – стрикс, маленькая несносная собачонка. Подписано: «От нее ко мне или от меня к ней?» Не нужно было спрашивать, кто приходил. Кроме того, я понял, что Пушкин этот раз и ее не застал дома.

И. И. Пущин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 71.

Пушкин почти кончил свою поэму. Пора в печать. Я надеюсь от печати и другой пользы, личной для него: увидев себя в числе напечатанных и, следовательно, уважаемых авторов, он и сам станет уважать себя и несколько остепенится. Теперь его знают только по мелким стихам и по крупным шалостям.

А. И. Тургенев – кн. *П. А. Вяземскому*. 25 февр. 1820 г. – Ост. Арх., т. II, с. 23.

В свете Пушкин предался распутствам всех родов, проводя дни и ночи в непрерывной цепи вакханалий и оргий. Должно дивиться, как здоровье и талант его выдержали такой образ жизни, с которым естественно сопрягались и частые гнусные болезни, низводившие его не раз на край могилы. Пушкин не был создан ни для света, ни для общественных обязанностей, ни даже, думаю, для высшей любви или

истинной дружбы. У него господствовали только две стихии: удовлетворение плотским страстям и поэзия, и в обоих он – ушел далеко. В нем не было ни внешней, ни внутренней религии, ни высших нравственных чувств, и он полагал даже какое-то хвастовство в отъявленном цинизме по этой части. злые насмешки, – часто в самых отвратительных картинах, – над всеми религиозными верованиями и обрядами, над уважением к родителям, над родственными привязанностями, над всеми отношениями, – общественными и семейными, – это было ему ни по чем, и я не сомневаюсь, что для едкого слова он иногда говорил даже более и хуже, нежели в самом деле думал и чувствовал... Вечно без копейки, вечно в долгах, иногда почти без порядочного фрака, с беспрестанными историями, с частыми дуэлями, в близком знакомстве со всеми трактирщиками, непотребными домами и прелестницами петербургскими, Пушкин представлял тип самого грязного разврата.

Гр. М. А. Корф. Записка. – Я. К. Грот, с. 250.

Сколько мне известно, он вовсе не был *предан распутствам всех родов*. Не был монахом, а был грешен, как и все в молодые годы. В любви его преобладала вовсе не *чувственность*, а скорее поэтическое увлечение, что, впрочем, отразилось и в поэзии его.

Никакого особенного знакомства с трактирами не было, и ничего трактирного в нем не было, а еще менее *грязного раз-*

врата. Все эти обвинения не только несправедливая строгость, но и клевета.

Кн. П. А. Вяземский. Примеч. к Записке М. А. Корфа. – П. П. Вяземский. Соч., с. 493.

(1817–1820.) Пушкин и бар. М. А. Корф (*лицейский товарищ Пушкина*) жили в одном и том же доме; камердинер Пушкина, под влиянием Бахуса, ворвался в переднюю Корфа с целью завести ссору с камердинером последнего. На шум вышел Корф и, будучи вспыльчив, прописал виновнику беспокойства *argumentum baculinum*³⁶ (побил палкой). Побитый пожаловался Пушкину. А. С. вспылал в свою очередь и, заступаясь за слугу, немедленно вызвал Корфа на дуэль. На письменный вызов Корф ответил также письменно: «Не принимаю вашего вызова из-за такой безделицы не потому, что вы Пушкин, а потому, что я не Кюхельбекер».

Л. Н. Павлицев. Воспоминания, с. 33.

(1819–1820.) Я занимал в нижнем этаже две комнаты, но первую от входа уступил приехавшему майору Денисевичу... В одно прекрасное утро, – было ровно три четверти восьмого, – я вошел в соседнюю комнату, где обитал мой майор. Только что я ступил в комнату, из передней вошли в нее три незнакомые лица. Один был очень молодой человек, худенький, небольшого роста, курчавый, с арабским профи-

---

³⁶ Доказательство палкой (лат.). – Ред.

лем, во фраке. За ним выступили два кавалерийских гвардейских офицера. Статский подошел ко мне и сказал мне тихим, вкрадчивым голосом: «Позвольте вас спросить, здесь живет Денисевич?» – «Здесь, – отвечал я, – но он вышел куда-то, и я велю сейчас позвать его». Я только что хотел это исполнить, как вошел сам Денисевич. При взгляде на воинственных ассистентов статского посетителя он, видимо, смутился, но вскоре оправился и принял также марциальную осанку. «Что вам угодно?» – сказал он статскому довольно сухо. – «Вы это должны хорошо знать, – отвечал статский, – вы назначили мне быть у вас в восемь часов (тут он вынул часы); до восьми остается еще четверть часа. Мы имеем время выбрать оружие и назначить место»... Все это было сказано тихим, спокойным голосом, как будто дело шло о назначении приятельской пирушки. Денисевич мой покраснел, как рак, и, запутываясь в словах, отвечал: «Я не затем звал вас к себе... Я хотел вам сказать, что молодому человеку, как вы, нехорошо кричать в театре, мешать своим соседям слушать пьесу, что это неприлично». – «Вы эти наставления читали мне вчера при многих слушателях, – сказал более энергическим голосом статский, – я уж не школьник и пришел переговорить с вами иначе. Для этого не нужно много слов: вот мои два секунданта; этот господин – военный (тут указал он на меня), он не откажется, конечно, быть вашим свидетелем. Если вам угодно...» Денисевич не дал ему договорить: «Я не могу с вами драться; вы молодой человек,

неизвестный, а я штаб-офицер...» При этом оба офицера засмеялись; я побледнел и затрясся от негодования, видя глупое и униженное положение, в которое поставил себя мой товарищ. Статский продолжал твердым голосом: «Я – русский дворянин, Пушкин; это засвидетельствуют мои спутники, и потому вам не стыдно будет иметь со мною дело». (Узнав, что перед ним – автор «Руслана и Людмилы», рассказчик решил приложить все старания, чтобы предотвратить дуэль. Один из секундантов сообщает ему причину ссоры): Пушкин накануне был в театре, где судьба посадила его рядом с Денисевичем. Играли пустую пьесу, Пушкин зевал, шикал, говорил громко: «Несносно!» Соседу его пьеса, по-видимому, очень нравилась. Выведенный из терпенья, он сказал Пушкину, что тот мешает ему слушать пьесу. Пушкин искоса взглянул на него и принялся шуметь по-прежнему. Тут Денисевич объявил, что попросит полицию вывести его из театра. «Посмотрим», – отвечал хладнокровно Пушкин и продолжал повесничать. После спектакля Денисевич остановил Пушкина в коридоре. «Молодой человек, – сказал он и вместе с этим поднял свой указательный палец: – вы мешали мне слушать пьесу... Это неприлично, невежливо». – «Да, я не старик, – отвечал Пушкин, – но, господин штаб-офицер, еще невежливее здесь и с таким жестом говорить мне это. Где вы живете?» Денисевич сказал свой адрес и назначил приехать к нему в 8 часов утра. Не был ли это настоящий вызов? «Буду», – отвечал Пушкин. (Рассказчик

увел Денисевича в соседнюю комнату. Ему удалось убедить майора в его неправоте и напугать его возможными последствиями.) Денисевич убедился, что он виноват, и согласился просить извинения. Тут, не дав опомниться майору, я ввел его в комнату и сказал Пушкину: «Господин Денисевич считает себя виноватым перед вами, А. С., и в опрометчивом движении, и в необдуманных словах при выходе из театра; он не имел намерения ими оскорбить вас». – «Надеюсь, это подтвердит сам господин Денисевич», – сказал Пушкин. Денисевич извинился... и протянул руку, но тот не подал ему своей, сказав тихо: «Извиняю», и удалился с своими спутниками, которые очень любезно простились со мною.

И. И. Лажечников. Знакомство мое с Пушкиным. Соч. М. О. Вольфа, 1884. СПб.: Изд. т. IV, с. 233–238. Ср.: письмо Лажечникова Пушкину от 13 дек. 1831 г. – Переписка Пушкина, т. II, с. 352.

Пушкин всякий день имеет дуэли; благодаря бога, они не смертоносны, бойцы всегда остаются невредимы.

Е. А. Карамзина (жена историка) – кн. П. А. Вяземскому, 23 марта 1820 г. – Кн. П. П. Вяземский. Соч., с. 476.

Пушкин числился в иностранной коллегии, не занимаясь службой. Сие кипучее существо, в самые кипучие годы жизни, можно сказать, окунулось в ее наслаждения... Он был уже славный муж по зрелости своего таланта и вместе ми-

лый, остроумный мальчик, не столько по летам, как по образу жизни и поступкам своим. Он умел быть совершенно молод в молодости, т.е. постоянно весел и беспечен.

Ф. Ф. Вигель. Записки, т. VI, с. 9.

В семействе Пушкина сохранился такой анекдот о нем. Однажды на упреки семейства в излишней распушенности, которая могла иметь для него роковые последствия, Пушкин отвечал: «Без шума никто не выходил из толпы».

П. В. Анненков. Пушкин в Алекс. эпоху, с. 85.

Друзья Пушкина единогласно свидетельствуют, что, за исключением двух первых годов его жизни в свете, никто так не трудился над дальнейшим своим образованием, как Пушкин. Он сам, несколько позднее, с упреком говорил о современных ему литераторах: «Мало у нас писателей, которые бы учились; большая часть только разучиваются».

П. В. Анненков. Материалы, с. 43.

Писать стихи Пушкин любил на отличной бумаге, в большом альбоме, который у него был с замком; ключ от него он носил при часах, на цепочке. (*На полях заметка С. А. Соболевского: это вздор: книга была такая у Пушкина только до отсылки в изгнание*³⁷.)

---

³⁷ Соболевский ошибался, утверждая, что тетрадь с запирающимся замком была у Пушкина только до ссылки в 1826 г.; дневник Пушкина 1833–1835 гг. пи-

П. В. Нащокин по записи *П. И. Бартенева*. – *П. И. Барте-нев*. Рассказы о Пушкине, с. 271.

* Из воспоминаний о Пушкине можно занести здесь случай, бывший с ним в доме Никиты Всеволожского. У последнего был старый дядька-камердинер, очень преданный, но чрезвычайно упрямый. Он слышал, как Ал. С-ч жаловался при нем на одного издателя, требующего окончания одной поэмы, за которую Пушкин уже получил деньги вперед. Однажды А. С-ч зашел утром к Никите Всеволодовичу, но последний был где-то на охоте. Старик-дядька воспользовался случаем и стал приставать к Пушкину, что он должен поэму кончить, так как он за нее деньги получил. Пушкин его обругал и объявил, что никогда эту поэму не кончит. Упрямый старик, нисколько не смущаясь, запер Пушкина на ключ в кабинете Никиты Всеволодовича. Что ни делал раздосадованный Пушкин, но старик-дядька, стоя за дверьми, повторял все одно и то же: «Пишите, Александр Сергеич, ваши стишки, а я не пущу, как хотите, должны писать и пишете». Пушкин, видя, что до возвращения Никиты Всеволодовича, т.е. до вечера, дядька его не выпустит, сел за письменный стол и до того увлекся, что писал до следующего дня, отгоняя уже дядьку и самого Никиту Всеволодовича. Таким образом, Пушкин окончил одну из своих поэм.

А. Н. Всеволожский (сын Никиты). Род Всеволожских.

Мне было 20 лет в 1820 г. Необдуманнные отзывы, сатирические стихи... Разнесся слух, будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен. До меня до последнего дошел этот слух, который стал общим. Я увидел себя опозоренным перед светом. На меня нашло отчаяние, я метался в стороны, мне было 20 лет. Я раздумывал, не следует ли мне прибегнуть к самоубийству или умертвить (ваше величество). В первом случае я только бы подтвердил разнесшуюся молву, которая меня бесчестила; во втором я бы не мстил за себя, потому что прямой обиды не было, а совершил бы только преступление и пожертвовал бы общественному мнению, которое презирал, человеком, внушавшим мне уважение против моей воли. Таковы были мои размышления. Я сообщил их другу, который был совершенно моего мнения. Он мне советовал попытаться оправдать себя перед властью, я чувствовал бесполезность этого. Я решил высказывать столько негодования и наглости в своих речах и своих сочинениях, чтобы, наконец, власть вынуждена была обращаться со мною, как с преступником. Я жаждал Сибири или крепости, как восстановления чести.

Пушкин – имп. *Александрю I* (черновое письмо, неотосланное). Май – июнь 1825 г. (*фр.*)

К этой же, самой тяжелой в жизни Пушкина, эпохе может

относиться рассказ И. В. Киреевского, слышанный им от Ф. Ф. Матюшкина, как поэт с пистолетом в руках разговаривал с отцом своим.

П. И. Бартенев. Пушкин: сборник. М., 1885, вып. II, с. 103.

Поэт Родзянко уверял меня, что он видел сам, как Пушкин, сидя в театре в кресле, показывал находившимся подле него лицам портрет убийцы герцога Беррийского, Лувеля, с его надписью: «урок царям».

А. И. Михайловский-Данилевский. Записки. – Рус. Стар., 1890, т. 58, с. 505.

Д. Н. Свербеев передал нам, что Пушкин в театре, ходя по рядам кресел, показывал знакомым портрет Лувеля и позволял себе при этом возмутительные отзывы.

П. И. Бартенев. – Рус. Арх., 1884, т. III, с. 194.

Петербург душен для поэта: я жажду краев чужих; авось полуденный воздух оживит мне душу. Поэму свою («*Русл. и Людм.*») я кончил, и только последний, т.е. окончательный стих ее принес мне удовольствие. Она так мне надоела, что не могу решиться переписывать ее клочками для тебя. Письмо мое скучно, потому что с тех пор, как я сделался историческим лицом для сплетниц С-т-Петер-бурга, я глупею и старею не неделями, а часами.

Пушкин – кн. П. А. *Вяземскому*, в перв. пол. марта 1820 г.

Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила», 1820, марта 26, Великая пятница.

В. А. Жуковский. Надпись на его портрете, подаренном им Пушкину. – Соч. Пушкина, изд. Брокгз.–Ефр., т. II, с. 537.

Раз утром выхожу я из своей квартиры и вижу Пушкина, идущего мне навстречу. Он был, как и всегда, бодр и свеж; но обычная (по крайней мере, при встречах со мною) улыбка не играла на его лице, и легкий оттенок бледности замечался на щеках. Пушкин заговорил первый. «Я шел к вам посоветоваться. Вот видите: слух о моих и не моих пьесах, разбегавшихся по рукам, дошел до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему пятьдесят рублей, прося дать ему почитать моих сочинений и уверяя, что скоро принесет их назад. Но мой верный старик не согласился, а я взял да и сжег все мои бумаги... Теперь, – продолжал Пушкин, немного озабоченный, – меня требуют к Милорадовичу! Я не знаю, как и что будет, и с чего с ним взяться?.. Вот я и шел посоветоваться с вами»... Мы остановились и обсуждали дело со всех сторон. В заключение я сказал ему: «Идите прямо к Милорадовичу, не смущаясь и без всякого опасения. Положитесь безуслов-

но на благородство его души: он не употребит во зло вашей доверенности». Тут, еще поговорив немного, мы расстались: Пушкин пошел к Милорадовичу.

Часа через три явился и я к Милорадовичу, при котором состоял я по особым поручениям. Милорадович, лежавший на своем зеленом диване, окутанный дорогими шальями, закричал мне навстречу: «Знаешь, душа моя! У меня сейчас был Пушкин! Мне ведь велено взять его и забрать все его бумаги; но я счел более деликатным пригласить его к себе и уж от него самого вытребовать бумаги. Вот он и явился очень спокоен, с светлым лицом, и когда я спросил о бумагах, он отвечал: «Граф! Все мои стихи сожжены! – у меня ничего не найдете в квартире, но, если вам угодно, все найдется *здесь* (указал пальцем на свой лоб). Прикажите подать бумаги; я напишу все, что когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного) с отметкою, что мое и что разошлось под моим именем». Подали бумаги. Пушкин сел и писал, писал... и написал целую тетрадь... Вот она (указывая на стол у окна), полюбуйте! Завтра я отвезу ее государю. А знаешь ли? Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерою обхождения».

На другой день я пришел к Милорадовичу поранее. Он возвратился от государя, и первым словом его было: «Ну, вот дело Пушкина и решено!» И продолжал: «Я подал государю тетрадь и сказал: «Здесь все, что разбрелось в публике, но вам, государь, лучше этого не читать». Государь улыбнулся

на мою заботливость. Потом я рассказал подробно, как у нас было дело. Государь слушал внимательно и наконец спросил: «А что же ты сделал с автором?» – «Я? Я объявил ему от имени вашего величества прощение!» Тут мне показалось, что государь слегка нахмурился. Помолчав немного, он с живостью сказал: «Не рано ли?» Потом, еще подумав, прибавил: «Ну, коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соответствующим чином и с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг!» Вот как было дело. Между тем, в промежутке двух суток, разнеслось по городу, что Пушкина берут и ссылают. Гнедич с заплаканными глазами (я сам застал его в слезах) бросился к Оленину. Карамзин, как говорили, обратился к государыне (*Марии Федоровне*), а Чаадаев хлопотал у Васильчикова, и всякий старался замолвить слово за Пушкина. Но слова шли своею дорогою, а дело исполнялось буквально по решению.

Ф. Н. Глинка. Удаление Пушкина из Петербурга. – Рус. Арх., 1866, с. 918.

В одно прекрасное утро полицеймейстер пригласил Пушкина к графу Милорадовичу, тогдашнему петербургскому военному генерал-губернатору. Когда привезли Пушкина, Милорадович приказывает полицеймейстеру ехать в его квартиру и опечатать все бумаги. Пушкин, слыша его приказание, говорит ему: «Граф, вы напрасно это делаете. Там не

найдете того, что ищете. Лучше велите мне дать перо и бумаги, я здесь же все вам напишу». Милорадович, тронутый этой свободной откровенностью, торжественно воскликнул: «Ah, c'est chevaleresque!»³⁸ – и пожал ему руку. Пушкин сел и написал все контрабандные свои стихи»³⁹.

И. И. Пущин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 73.

Дело о ссылке Пушкина началось особенно по настоянию Аракчеева и было рассматриваемо в государственном совете, как говорят. Милорадович призывал Пушкина и велел ему объявить, которые стихи ему принадлежат, а которые нет. Он отказался от многих своих стихов тогда и между прочим от эпиграммы на Аракчеева, зная, откуда идет удар.

Я. И. Сабуров по записи П. В. Анненкова. – Б. Л. Модзалевский. Пушкин, с. 337.

Нечаянно узнав о строгом наказании, грозившем поэту, Чаадаев, поздним вечером, прискакал к Н. М. Карамзину, немного удивил его своим приездом и в такой необыкновенный час, принудил историографа оставить свою работу и убедил, не теряя времени, заступиться за Пушкина у императора Александра.

---

³⁸ «Ах, это по-рыцарски!» (фр.) – Ред.

³⁹ За исключением, впрочем, – как говорили тогда, – одной эпиграммы на Аракчеева, которая бы ему никогда не простилась (П. В. Анненков. Пушкин в Алекс. эпоху, с. 140).

Д. Н. Свербеев. Воспоминания о Чаадаеве. – Рус. Арх., 1868, с. 977.

Узнав о грозящей опасности, Пушкин пришел к Карамзину, рассказал свои обстоятельства, просил совета и помощи, со слезами на глазах выслушивал дружеские упреки и наставления. «Можете ли вы, – сказал Карамзин, – по крайней мере обещать мне, что в продолжение года ничего не напишете противного правительству? Иначе я выйду лжецом, прося за вас и говоря о вашем раскаянии». Пушкин дал ему слово и сдержал его: не раньше 1821 г. прислал из Бессарабии, без подписи, стихи свои «Кинжал».

П. И. Бартнев со слов гр. *Д. Н. Блудова*. Пушкин в Южной России, с. 13.

Граф *Д. Н. Блудов* передавал нам, что Карамзин показывал ему место в своем кабинете, облитое слезами Пушкина.

П. И. Бартнев. – Рус. Арх., 1897, т. II, с. 493.

Над здешним поэтом Пушкиным если не туча, то по крайней мере облако, и громоносное: служа под знаменами либералистов, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч., и проч. Это узнала полиция etc.⁴⁰ Опасаются следствий. Хотя я уже давно, истощив все способы образумить эту беспутную голову, предал несчаст-

---

⁴⁰ И так далее (*лат.*). – Ред.

ного Року и Немезиде; однако же, из жалости к таланту, замолвил слово, взяв с него обещание уняться. Не знаю, что будет. Мне уже поздно учиться сердцу человеческому: иначе я мог бы похвалиться новым удостоверением, что либерализм наших молодых людей совсем не есть геройство и великодушие.

Н. М. Карамзин – И. И. Дмитриеву, 19 апр. 1820 г. – Письма Карамзина к Дмитриеву. СПб., 1889, с. 287.

Участь Пушкина решена. Он завтра отправляется курьером к Инзову и останется при нем. Он стал тише и даже скромнее, *et pour ne pas se compromettre*⁴¹, даже и меня в публике избегает.

А. И. Тургенев – кн. П. А. Вяземскому, 5 мая 1820 г. – Ост. Арх., т. II, с. 37.

Пушкина простили, позволили ему ехать в Крым. Я просил об нем из жалости к таланту и молодости: авось будет рассудительнее: по крайней мере дал мне слово на два года.

Н. М. Карамзин – И. И. Дмитриеву, 7 июня 1820 г. – Письма Карамзина к Дмитриеву, с. 290.

На дружеский выговор Чаадаева, зачем, уезжая из Петербурга, он не простился с ним, Пушкин в ответ ему написал: «Мой милый, я заходил к тебе, но ты спал: стоило ли будить

---

⁴¹ И чтобы себя не компрометировать (*фр.*). – Ред.

тебя из-за такой безделицы».

П. И. Бартенев со слов *П. Я. Чаадаева* (самого письма не сохранилось). Пушкин в Южной России, с. 15.

Я обещал *Н. М. (Карамзину)* два года ничего не писать противу правительства.

Пушкин – В. А. Жуковскому, в мае – июне 1825 г.

Пушкин, быв несколько дней совсем не в политическом страхе от своих стихов на свободу и некоторых эпиграмм, дал мне слово уняться и благополучно поехал в Крым месяцев на пять; ему дали рублей тысячу на дорогу. Он был, кажется, тронут великодушием государя, действительно трогательным... Если Пушкин и теперь не исправится, то будет чертом еще до отбытия своего в ад. Увидим, какой эпилог напишет к своей поэмке!

Н. М. Карамзин – кн. П. А. Вяземскому, 17 мая 1820 г. – *Старина и Новизна*, кн. I, с. 101.

Коллежскому секретарю Пушкину, отправляемому к главному попечителю колонистов южного края России, ген.-лейтенанту Инзову, выдать на проезд тысячу рублей ассигнациями из наличных в коллегии на курьерские отправления денег.

Приказ гр. *К. В. Нессельроде* (мин. ин. дел.) от 4 мая 1820 г. – *Рус. Стар.*, 1887, т. 53, с. 238.

Исполненный горестей в продолжение всего своего детства, молодой Пушкин оставил родительский дом, не испытывая сожаления. Лишенный сыновней привязанности, он мог иметь лишь одно чувство – страстное желание независимости. Этот ученик уже ранее проявил гениальность необыкновенную. Его ум вызывал удивление, но характер его, кажется, ускользнул от взора наставников. Он вступил в свет, сильный пламенным воображением, но слабый полным отсутствием тех внутренних чувств, которые служат заменой принципов, пока опыт не успеет дать нам истинного воспитания. Нет той крайности, в которую бы не впадал этот несчастный молодой человек, – как нет и того совершенства, которого не мог бы он достигнуть высоким превосходством своих дарований... Несколько поэтических пьес, в особенности же ода на вольность, обратили на Пушкина внимание правительства... Г. г. Карамзин и Жуковский, осведомившись об опасностях, которым подвергся молодой поэт, поспешили предложить ему свои советы, привели его к признанию своих заблуждений и к тому, что он дал торжественное обещание отречься от них навсегда. Г. Пушкин кажется исправившимся, если верить его слезам и обещаниям. Однако эти его покровители полагают, что раскаяние его искренне... Отвечая на их мольбы, император уполномочивает меня дать молодому Пушкину отпуск и рекомендовать его вам... Судьба его будет зависеть от успеха ваших добрых со-

ветов.

Письмо гр. *К. В. Нессельроде* ген.-лейтенанту *И. Н. Инзову* от 4 мая 1820 г., одобренное императором и данное Пушкину для вручения Инзову. – Рус. Стар., 1887, т. 53, с. 241.

В Екатеринославе. На Кавказе. В Крыму

(В половине мая 1820 г. – приезд в Екатеринослав. В конце мая – отъезд с семьею Раевских на Кавказ. В середине августа, с семьею Раевских, переезд в Крым через Тамань. Три недели в Гурзуфе. В половине сентября отъезд в Кишинев, куда тем временем была переведена из Екатеринослава канцелярия ген. Инзова.)

(В мае 1820 г.) Белорусский тракт ужасно скучен. Не встречая никого на станциях, я обыкновенно заглядывал в книгу для записывания подорожных и там искал проезжих. Вижу раз, что накануне проехал Пушкин в Екатеринослав. Спрашиваю смотрителя, какой это Пушкин. Смотритель говорит, что это поэт Александр Сергеевич, едет, кажется, на службу, на перекидных, в красной русской рубашке, в опояске, в пояровой шляпе. (Время было ужасно жаркое.)

И. И. Пущин. Записки. – Л. Н. Майков, с. 74.

Генерал Инзов был председателем «Попечительного комитета по устройству колонистов Южной России», куда и был командирован Пушкин, помимо его желания. Канцелярию комитета Пушкин, по приезде в Екатеринослав, посетил раза три, из которых раз по приезде представился генералу

Инзову, все же время пребывания в Екатеринославе посвящал катанию на лодке по Днепру и гулянию по лесам, так как все место, ныне Севастопольская площадь и Соборная, было покрыто вековыми деревьями, внизу же над Днепром находилась тюрьма, из которой на глазах Пушкина бежали два «брата-разбойника».

Бывш. предводитель дворянства (со слов отца своего, служившего при ген. Инзове). Письмо из Бахмута. – Новое Время, 1899, № 8285.

Мой покойный отчим, кн. А. Н. Гирей, указывал мне то место, где жил Пушкин. Жил он в доме Краконини, находящемся на Мандрыковке, против усадьбы моего отчима, кн. Гирея. Усадьба, где жил Пушкин, прилегает к Днепру. В Мандрыковке, близ Днепра, находилась тюрьма, из которой во время пребывания поэта бежали два брата-арестанта, побочные дети помещика Засорина... Ныне усадьба принадлежит г. Кулабухову.

Г. Мекленбурцов. Письмо в ред. – Приднепровский Край. 1899, № 392.

Могу подтвердить верные указания г. Мекленбурцова о доме, где жил Пушкин. Он, действительно, жил на Мандрыковке... Быв. городской голова Кулабухов говорил лет 10–20 тому назад моему дяде, фотографу, Н. А. Иванову, что дом, в котором жил Пушкин, был разобран 40 лет тому на-

зад его отцом, ввиду его ветхости... В то время здесь находилась масса вековых деревьев, а невдалеке протекал Днепр. Место это живописное. Мандрыковка вообще очень живописна, особенно в мае, когда все цветет.

В. Татаренко. Письмо в ред. – Приднепровский Край. 1899, № 413.

* Оказалось, и в Екатеринославе уже знали Пушкина, как знаменитого поэта, и пребывание его в городе стало событием для людей, восторженно к нему относившихся. Одним из тех людей был тогдашний профессор екатеринославской семинарии А. С. Понятовский. И вот он, в сопровождении богатого помещика С. С Клевцова, надобно думать, такого же энтузиаста, отправляется его отыскивать. Находят. Входят в лачужку, занимаемую поэтом. Пушкин встретил гостей, держа в зубах булку с икрой, а в руках стакан красного вина.

– Что вам угодно? – спросил он вошедших.

И когда они сказали, что желали иметь честь видеть славного писателя, то славный писатель отчеканил им следующую фразу:

– Ну, теперь видели? До свидания!

М. Ф. Де-Пуле со слов одного из учеников Понятовского. – Рус. Арх., 1879, т. III, с. 136.

* В Екатеринославе Пушкин, конечно, познакомился с гу-

бернатором Шемиотом⁴², который однажды пригласил его на обед. Приглашены были и другие лица, дамы, в числе их моя жена (я сам находился в разъездах). Это было летом, в самую жаркую пору. Собрались гости, явился и Пушкин, и с первых же минут своего появления привел все общество в большое замешательство необыкновенною эксцентричностью своего костюма: он был в кисейных панталонах, прозрачных, без всякого исподнего белья. Жена губернатора, г-жа Шемиот, чрезвычайно близорукая, одна не замечала этой странности. Жена моя потихоньку посоветовала ей удалить из гостиной ее дочерей-барышень, объяснив необходимость этого удаления. Г-жа Шемиот, не допуская возможности такого неприличия, уверяла, что у Пушкина просто летние панталоны бланжевого, телесного цвета; наконец, вооружившись лорнетом, она удостоверилась в горькой истине и немедленно выпроводила дочерей из комнаты. Хотя все были очень возмущены и сконфужены, но старались сделать вид, будто ничего не замечают; хозяйева промолчали, и Пушкину его проделка сошла благополучно.

А. М. Фадеев. Воспоминания. – Рус. Арх., 1891, т. I, с. 400.

Приехав в Екатеринослав, я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку, по моему обыкно-

---

⁴² «В Екатеринославль приехал в десятом часу ночи к губернатору Карагеоргию». *Н. Н. Раевский* в письме к своей дочери Ек. Н. Раевской. М. О. Гершензон. *Мудрость Пушкина*, с. 178.

вению. Генерал Раевский, который ехал на Кавказ с сыном и двумя дочерьми, нашел меня в жидовской хате, в бреду, без лекаря, за кружкой оледенелого лимонада.

Пушкин – Л. С. Пушкину, 24 сент. 1820 г.

Пушкин прожил в Екатеринославе в 1820 г. дней 18, до приезда в Екатеринослав ген. Раевского, который со своим семейством проездом остановился в Екатеринославе по просьбе своего сына, который хотел повидаться со своим приятелем Пушкиным, которого, по указанию генерала Инзова, нашли в доме или, скорее, в домике, на Мандрыковке. Когда генерал Раевский с сыном вошли в комнату, то их глазам представилось следующее: А. Серг-ч лежал на досчатой скамейке, или досчатым диване. Он был болен. На Раевских он произвел удручающее впечатление при этой обстановке. При виде Раевских у него от радости показались слезы. Раевский выхлопотал ему отпуск, и 4-го или 5-го июня вместе с ними уехал он на Кавказ. Мой отец состоял в то время при генерале Инзове, – он и рассказывал мне обо всем вышеизложенном.

Бывш. предводитель дворянства. – Новое Время, 1899, № 8285.

Я, в качестве доктора, отправился с генералом Раевским на Кавказ... Едва я, по приезде в Екатеринослав, расположился, после дурной дороги, на отдых, ко мне, запыхавшись,

вбегает младший сын генерала: «Доктор! Я нашел здесь моего друга; он болен, ему нужна скорая помощь, – поспешите со мною!» Нечего делать – пошли. Приходим в гадкую избенку, и там, на досчатом диване, сидит молодой человек, – небритый, бледный и худой. «Вы нездоровы?» – спросил я незнакомца. – «Да, доктор, немножко пошалил, купался; кажется, простудился». Осмотревши тщательно больного, я нашел, что у него была лихорадка. На столе перед ним лежала бумага. «Чем вы тут занимаетесь?» – «Пишу стихи». Нашел, думаю я, и время, и место. Посоветовавши ему на ночь выпить чего-нибудь теплого, я оставил его до другого дня. Мы остановились в доме губернатора К. (*Карагеоргия*). По утру гляжу – больной уже у нас: говорит, что он едет на Кавказ вместе с нами. За обедом наш гость весел и без умолку говорит с младшим Раевским по-французски. После обеда у него озноб, жар и все признаки пароксизма. Пишу рецепт. «Доктор, дайте что-нибудь получше, дряни в рот не возьму». Что будешь делать? Прописал слабую микстуру... На другой день закатил ему хины. Пушкин морщился. Мы поехали далее.

Д-р *Е. П. Рудыковский*. Встреча с Пушкиным. Из записок медика. – Рус. Вестн., 1841, № 1. Целиком перепеч: П.В. Анненков. Материалы, с. 65.

Я лег в коляску больной: через неделю вылечился.
Пушкин – Л. С. Пушкину, 24 сент. 1820 г.

Доставленные от вас тысячу рублей для г. Пушкина я получил, которые к нему отправил на Кавказские Воды. Расстроенное его здоровье в столь молодые лета и неприятное положение, в коем он по молодости находится, требовали с одной стороны помочи, а с другой безвредной рассеянности, потому отпустил я его с генералом Раевским, который в проезд свой через Екатеринослав охотно взял его с собою. При оказии, прошу сказать об оном графу И. А. Каподистрии. Я надеюсь, что за сие меня не побранит и не назовет баловством. Он малый, право, добрый, жаль только, что скоро кончил курс наук; одна ученая скорлупа останется навсегда скорлупою.

Ген. *И. Н. Инзов* – *К. Я. Булгакову*, в июне 1820 г., из Екатеринослава. – Рус. Арх., 1863, с. 900.

С Раевским ехали на Кавказ, кроме сына Николая и военного доктора Рудыковского, две младшие дочери его, Мария (14 лет) и девочка Софья, при них англичанка мисс Мятен и компаньонка Анна Ивановна (крестница генерала, родом татарка, удержавшая в выговоре и лице свое восточное происхождение). Все это общество помещалось в двух каретах и коляске. Пушкин сначала ехал с младшим Раевским в коляске, а потом генерал пересадил его к себе в карету, потому что его сильно трясла лихорадка.

П. И. Бартенев со слов кн. *М. Н. Волконской* (урожд. Ра-

евской). Пушкин в Южной России, с. 220.

Как поэт, Пушкин считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми он встречался. Мне вспоминается, как во время этого путешествия, недалеко от Таганрога, я ехала в карете с Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Завидев море, мы приказали остановиться, вышли из кареты и всей гурьбой бросились любоваться морем. Оно было покрыто волнами, и, не подозревая, что поэт шел за нами, я стала забавляться тем, что бегала за волной, а когда она настигала меня, я убегала от нее; кончилось тем, что я промочила ноги. Понятно, я никому ничего об этом не сказала и вернулась в карету. Пушкин нашел, что эта картина была очень грациозна, и, поэтизируя детскую шалость, написал прелестные стихи; мне было тогда лишь 15 лет.

Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!

Позже, в поэме «Бахчисарайский фонтан», он сказал:

...ее очи
Яснее дня,

Чернее ночи.

В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал все, что видел.

Кн. М. Н. Волконская. Записки. М.: Прометей, 1914, изд. 2-е, с. 62.

На Дону мы обедали у атамана Денисова. Пушкин меня не послушался: покушал бланманже и снова заболел. «Доктор, помогите!» – «Пушкин, слушайтесь!» – «Буду, буду!» Опять микстура, опять пароксизмы и гримасы. «Не ходите, не ездите без шинели». – «Жарко, мочи нет». – «Лучше жарко, чем лихорадка». – «Нет, лучше уж лихорадка». Опять сильные пароксизмы. «Доктор, я болен». – «Потому что упрямы. Слушайтесь!» – «Буду, буду!» И Пушкин выздоровел.

В Горячеводск мы приехали все здоровы и веселы. По прибытии генерала в город, тамошний комендант к нему явился и вскоре прислал книгу, в которую вписывались имена посетителей вод. Все читали, любопытствовали. После нужно было книгу возвратить и вместе с тем послать список свиты генерала. За исполнение этого взялся Пушкин. Я видел, как он, сидя на куче бревен на дворе, с хохотом что-то писал, но я ничего и не подозревал. Книгу и список отослали к коменданту. На другой день, во всей форме, отправляюсь к доктору Ц., который был при минеральных водах. «Вы лейб-медик? приехали с генералом Раевским?» – «Послед-

нее справедливо, но я не лейб-медик». – «Как не лейб-медик? Вы так записаны в книге коменданта; бегите к нему, из этого могут выйти дурные последствия». Бегу к коменданту, спрашиваю книгу, смотрю: там в свите генерала вписаны – две дочери, два сына, лейб-медик Рудыковский и недоросль Пушкин. Насилу убедил я коменданта все это исправить, доказывая, что я не лейб-медик и что Пушкин не недоросль, а титулярный советник, выпущенный с этим чином из Царскосельского лицея. Генерал порядочно пожурил Пушкина за эту шутку. Пушкин немного на меня подулся, а вскоре мы расстались.

Д-р Е. П. Рудыковский. Встреча с Пушкиным. – П. В. Анненков. Материалы, с. 66–67.

В Пятигорске их ожидал старший сын Раевского, отст. полковник Александр Николаевич, прибывший туда заранее. Они всем обществом уезжали на гору Бештау – пить железные, тогда еще мало известные воды и жили там в калмыцких кибитках за недостатком другого помещения.

П. И. Бартенев. Пушкин в Южной России, с. 21.

Ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большею частью в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красноватые следы. Мы черпали кипящую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки...

Кавказские воды представляют ныне (1829 г.) более удобностей; но мне было жаль прежнего дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался. С грустью оставил я воды... Скоро настала ночь; я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сиживал со мною Александр Раевский, прислушиваясь к мелодии вод.

Пушкин. Путешествие в Арзрум, гл. I.

(2 авг. 1820 г., в Пятигорске.) Тут увидел Пушкина молодого, который готов с похвальной стороны обратить на себя внимание общее, точно он может, при дарованиях своих; он слушал и колкую правду, но смирялся; и эта перемена делает ему честь.

Г. В. Гераков. Путевые записки по многим российским губерниям. Пг., 1828, с. 99.

Два месяца жил я на Кавказе; воды мне были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно серные горячие. Впрочем, купался и в теплых кисло-серных, в железных и в кислых холодных.

Пушкин – Л. С. Пушкину, 25 сент. 1820 г.

Из Азии переехали мы в Европу (из Тамани в Керчь) на корабле. Я тотчас отправился на так наз. Митридатову гробницу (развалины какой-то башни), там сорвал цветок для па-

мяти и на другой день потерял без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильнее подействовали на мое воображение.

Из Феодосии до самого Юрзуфа ехал я морем. Всю ночь не спал. Луны не было, звезды блистали; передо мною, в тумане, тянулись полуденные горы... «Вот Чатыр-даг», – сказал мне капитан. Я не различал его, да и не любопытствовал. Перед светом я заснул.

Пушкин – бар. А. А. Дельвигу, в дек. 1824 г.

Ночью на корабле написал я элегию («*Погасло дневное светило*»).

Пушкин – Л. С. Пушкину, 24 сент. 1820 г.

До Гурзуфа плыли на военном бриге, отданном в распоряжение генерала Раевского. В ночь перед Гурзуфом Пушкин расхаживал по палубе в задумчивости, что-то бормоча про себя.

П. И. Бартнев со слов кн. М. Н. Волконской. Пушкин в Южной России, 33.

Мне жаль, что в этой элегии («*Погасло дневное светило*») дело о любви одной. Зачем не упомянуть о других неудачах сердца? Тут было где поразгуляться.

Кн. П. А. Вяземский – А. И. Тургеневу, 27 ноября 1820 г. – Ост. Арх., II, с. 170.

(Дом герцога Ришелье в Гурзуфе, где жила семья Раевских с Пушкиным. Автор посетил дом через месяц после отъезда Раевских.) Мы увидели перед собою огромный замок в каком-то необыкновенном вкусе: это дом Дюка Ришелье... Замок этот доказывает, что хозяину не должно строить заочно, а может быть, и то, что самый отменно хороший человек может иметь отменно дурной вкус в архитектуре. Огромное здание состоит из крылец, переходов с навесом вокруг дома, а внутри из одной галереи, занимающей все строение, исключая четырех небольших комнат, по две на каждом конце, в которых столько окон и дверей, что нет места, где кровать поставить. В этом состоит все помещение, кроме большого кабинета над галереей под чердаком, в который надобно с трудом пролезть по узкой лестнице.

(И. М. Муравьев-Апостол.) Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823, с. 153.

(Подробное исследование о Пушкинских местах в Гурзуфе с рядом изображений дома Ришелье в разные эпохи – см. *Пушкин и его совр-ки, вып. XVII–XVIII, с. 77–155. А. Л. Бертье-Делагард. Память о Пушкине в Гурзуфе.*)

Это был довольно большой двухэтажный дом, с двумя балконами, один на море, другой в горы, и с обширным садом. Тут семья Раевского вся была в сборе, кроме сына Александра, который остался на Кавказе. Путешествен-

ников ожидали в Гурзуфе супруга Раевского и две отлично образованные и любезные дочери, Екатерина Николаевна, старшая всем, и Елена Николаевна, высокая, стройная, с прекрасными голубыми глазами. Брат Николай скоро познакомил с ними своего молодого приятеля. В доме нашлась старинная библиотека, в которой Пушкин тотчас отыскал сочинения Вольтера и начал их перечитывать. Кроме того, Байрон был почти ежедневным его чтением; Пушкин продолжал учиться по-английски, с помощью Раевского-сына... Пушкин часто разговаривал и спорил с старшею Раевской о литературе. Стыдливая, серьезная и скромная Елена Николаевна, хорошо зная английский язык, переводила Байрона и Вальтер-Скотта по-французски, но втихомолку уничтожала свои переводы. Брат сказал о том Пушкину, который стал подбирать клочки изорванных бумаг и обнаружил тайну. Он восхищался этими переводами, уверяя, что они чрезвычайно верны.

П. И. Бартенев. Пушкин в Южной России, с. 36.

Николай Раевский (*сын*) страстно любил литературу, музыку, живопись и сам писал стихи. На обратном пути с Кавказа он как-то повредил себе ногу, и это было поводом остановки путешественников в Юрзуфе. Катерина Николаевна решительно отвергает недавно напечатанное сведение, будто Пушкин учился в Юрзуфе под ее руководством английскому языку. Ей было в то время 23 года, а Пушкину 21, и

один этот возраст, по тогдашним строгим понятиям о приличии, мог служить достаточным препятствием такому сближению. По ее замечанию, все дело могло состоять разве только в том, что Пушкин с помощью Н. Н. Раевского в Юрзуфе читал Байрона, и что, когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имея лексикона, посылали наверх к Катерине Николаевне за справкой. Здесь же Николай Николаевич первый познакомил Пушкина с поэзией Шенье.

Я. К. Грот со слов Е. Н. Орловой (урожд. Раевской). – Я. К. Грот, с. 52.

В Юрзуфе прожил я три недели. Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я в нем любил человека с ясным умом, с простой прекрасною душою; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина... Старший сын его будет более нежели известен. Все его дочери – прелесть, старшая – женщина необыкновенная. Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства, жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался, – счастливое полуденное небо; прелестный край, природа, удовлетворяющая воображение; горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда, – опять увидеть полуденный берег и семейство Раевского.

Пушкин – Л. С. Пушкину, 24 сент. 1820 г.

Я слышал, что Пушкин был влюблен в одну из дочерей генерала Раевского и провел несколько времени с его семейством в Крыму, в Гурзуфе... Мне говорили, что впоследствии, создавая «Евгения Онегина», Пушкин вдохновился этой любовью, которой он пламенел в виду моря, лобзающего прелестные берега Тавриды, и что к предмету именно этой любви относится художественная строфа, начинающая стихами: «Я помню море пред грозой»...

Гр. П. И. Капнист со слов своего дяди гр. А. И. Капниста, бывшего адъютантом при ген. Раевском. – Рус. Стар., 1899, т. 98, с. 242.

Покойный маринист И. К. Айвазовский упорно отстаивал влюбленность Пушкина в Марию Раевскую, как я не раз от него слышал, пересказывая это, как утверждение Н. Н. Раевского-младшего.

А. Л. Бертье-Делагард. Память Пушкина в Гурзуфе. – Пушкин и его совр-ки, вып. XVII–XVIII, с. 99.

Старшая из дочерей Раевских, Екатерина, вскоре после прибытия в Киев, вышла замуж за Михаила Орлова. Это была замечательная красавица. Вторую из сестер, Елену, можно было сравнить с цветком кактуса, так как она, подобно последнему, после пышного расцвета быстро увяла и, пораженная неизлечимую болезнью, влачила тяжелую, исполненную страданий жизнь. Третья, Мария, представлялась в на-

чале моего знакомства мало интересным, смуглым подростком, четвертая же, Соня, многообещающим, красивым ребенком. Мать и дочери привлекали к себе всех образовани-ем, любезностью и изяществом. Я понемногу почувствовал живой интерес к юной смуглянке с серьезным выражением лица. Мало-помалу Мария Раевская из ребенка с неразвитами формами стала превращаться в стройную красавицу, смуглый цвет лица которой находил оправдание в черных кудрях густых волос и пронизывающих, полных огня очах. Нужно ли удивляться, что подобная девушка, обладавшая притом живым умом и вокальным талантом, стала украшением вечеров?

Гр. Г. Олизар. Мемуары. – Рус. Вестн., 1893, № 9, с. 102.

М. Н. Волконская (*урожд. Раевская*), молодая, стройная, высокого роста брюнетка, с горящими глазами, с полусмуглым лицом, с немного вздернутым носиком и с гордою, плавною походкою, получила у нас прозвище «la fille du Gange», – девы Ганга (*осень 1827 г.*).

Бар. А. Е. Розен (декабрист). В ссылке. М.: Изд. наследников, 1899, с. 84.

Дед ее по матери, Константинов, был грек. У М. Н. Волконской в чертах лица было что-то нерусское.

П. И. Бартенеv. – Рус. Арх., 1902, т. III, с. 17.

Вся фамилия Раевских примечательна по редкой любез-

ности и по оригинальности ума. Елена сильно нездорова; она страдает грудью и хотя несколько поправилась теперь, но все еще похожа на умирающую. Она никогда не танцует, но любит присутствовать на балах, которые некогда собою украшала; Мария, идеал Пушкинской Черкешенки (собственное выражение поэта), дурна собой, но очень привлекательна острою разговоров и нежностью обращения.

В. И. Туманский – С. Г. Туманской, 5 дек. 1824 г., из Одессы. – В. И. Туманский. Стихотворения и письма. СПб., 1912, с. 272.

(1817 г.) Жена генерала Раевского познакомила меня с дочерьми своими. Старшая, полная грации и привлекательности, сама меня приласкала. Это красавица Нина (*Катерина*), о которой потом вспоминал Пушкин. Меньшая была Мария, кроткая брюнетка, вышедшая потом за Волконского.

А. П. Керн. Воспоминания. – Рус. Стар., 1870, с. 262.

В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и объедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечностью неаполитанского лаццарони. Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря – и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество.

Я объехал полуденный берег; но страшный переход по

скалам Кикинеиса не оставил ни малейшего следа в моей памяти... Мы переехали горы, и первый предмет, поразивший меня, была береза, северная береза! Сердце мое сжалось, я начал уже тосковать о милом полудне, хотя все еще находился в Тавриде. Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания щастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере, тут посетили меня рифмы. Я думал стихами. Вот они. «К чему холодные» и проч.

В Бахчисарай приехал я больной... Я обошел дворец с большой досадой на небрежение, в котором он истлевает. NN (*Н. Раевский*) почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема.

Но не тем

В то время сердце полно было, —

лихорадка меня мучила.

Пушкин – бар. А. А. Дельвигу, в дек. 1824 г.

Баранов, симферопольский губернатор, уведомляет нас, что Пушкин-поэт был у него с Раевским и что он отправил его в лихорадке в Бессарабию.

А. И. Тургенев – кн. П. А. Вяземскому, 3 ноября 1820 г. – Ост. Арх., II, с. 99.

В Кишиневе

(В конце ноября 1820 г. П. уехал из Кишинева в Каменку, имение Раевских и Давыдовых, откуда ездил с Раевским в Киев. В Каменке прожил до начала марта, когда воротился в Кишинев. В конце апреля 1821 г. ездил на месяц в Одессу. В ноябре 1822 г. вторично ездил в Каменку. В конце мая 1823 г. уехал из Кишинева в Одессу, в начале июля приехал на несколько дней в Кишинев и окончательно уехал на жительство в Одессу.)

По приезде в Кишинев Пушкин остановился в заезжем доме у Ивана Николаевича Наумова. Он был мещанин и одет, как говорится, в немецкое платье. Дом и флигель его были очень опрятные и не глиняные; тут останавливались все высшие проезжавшие лица.

И. П. Липранди, стб. 1263.

Домик, из которого Пушкин через несколько месяцев переселился в дом наместника Инзова, существует и поныне. Он находится в третьем полицейском участке, в том месте, где Антоновская и Прункуловская улицы, идущие вниз от Андреевской, скрещиваются под острым углом, во дворе под № 19 (с Антоновской ул.). Это – небольшой домик из трех комнат с кухней и сенями. Теперь фасад этого домика, зна-

чительно против прежнего измененный, со стороны Антоновской ул. закрыт отчасти досчатым забором и новым флигелем. Раньше домик был совершенно открыт; осененный тенью нескольких роскошных акаций, под которыми был разбит хорошенький цветник, огороженный с улицы штахетами, в летнее время он представлял довольно поэтический уголок... Теперь этот домик врос в землю до окон; двор зарос бурьяном; почерневшая крыша заросла крапивой и дикими цветами.

В. И. Оат (кишиневский старожил) в письме к *А. И. Яцимирскому*. – Соч. Пушкина, Изд. Брокг.-Ефр., т. II, с. 160.

Приехав в Кишинев, Пушкин остановился в одной из тамошних глиняных мазанок, у русского переселенца Ивана Николаева, состоявшего при квартирной комиссии и весьма известного в городе смышленного мужика. Но Инзов вскоре позаботился о лучшем для него помещении. Он дал ему квартиру в одном с собою доме. Дом находился в конце старого Кишинева, на небольшом возвышении. В то время он стоял одиноко, почти на пустыре. Сзади примыкал к нему большой сад, расположенный на скате с виноградником... Дом был довольно большое двухэтажное здание; вверху жил сам Инзов, внизу двое-трое его чиновников. При доме в саду находился птичий двор со множеством канареек и других птиц, до которых наместник был большой охотник... Пушкину отведены были две небольшие комнаты внизу, сзади,

направо от входа, в три окна с железными решетками, выходящие в сад. Вид из них прекрасный, по словам путешественников, самый лучший в Кишиневе. Прямо под скатом, в долине, течет река Бык, образуя небольшое озеро. Левее – каменоломни молдаван, и еще левее новый город. Вдали горы с белеющими домиками какого-то села. Стол у окна, диван, несколько стульев, разбросанные бумаги и книги, голубые стены, облепленные восковыми пулями, следы упражнений в стрельбе из пистолета, – вот комната, которую занимал Пушкин. Другая, или прихожая, служила помещением верному и преданному слуге его Никите... В этом доме Пушкин прожил почти все время; он оставался там и после землетрясения 1821 г., от которого треснул верхний этаж, что заставило Инзова на время переместиться в другую квартиру... Большую часть дня Пушкин проводил где-нибудь в обществе, возвращаясь к себе ночевать, и то не всегда, и проводя дома только утреннее время за книгами и письмом. Стола, разумеется, он не держал, а обедал у Инзова, у Орлова, у гостеприимных кишиневских знакомых своих и в трактирах. Так, в первое время он нередко заходил в так наз. *Зеленый трактир* в верхнем городе.

П. И. Бартнев. Пушкин в Южной России. с. 54.

«Инзова гора» в то время была одною из живописнейших местностей города. Прекрасный сад, засаженный преимущественно фруктовыми деревьями, привлекал туда много гу-

ляющей публики. Там были даже весьма редкостные растения, как-то: апельсиновые и померанцевые деревья, не говоря уже о прекрасных виноградниках. На самой вершине горы красовался небольшой двухэтажный дом Инзова. Стены были выкрашены масляными красками и разрисованы видами разных растений: до того генерал Инзов любил растительность.

Со слов кишиневских старожил. – Рус. Арх., 1899, т. II, с. 341.

Первый взрыв горячности Пушкина не был недоступным до его рассудка. Вот чему я был близким свидетелем. В конце октября 1820 года брат генерала М. Ф. Орлова, уланский полковник Федор Федорович, потерявший ногу, кажется, под Бауценом, приехал на несколько дней в Кишинев. Удаливость его было известно. Однажды, после обеда, он подошел ко мне и к полковнику А. П. Алексееву и находил, что будет гораздо приятнее куда-нибудь отправиться, чем слушать разговор «братца с Охотниковым о политической экономии». Мы охотно приняли его предложение, и он заметил, что надо бы подобрать еще кого-нибудь; ушел в гостиную и вышел оттуда под руку с Пушкиным. Мы решили идти в бильярдную Гольды. Здесь не было ни души. Спрошен был портер. Орлов и Алексеев продолжали играть на бильярде на интерес и в придачу на третью партию вазу жженки. Ваза скоро была подана. Оба гусара порешили пить круговой;

я воспротивился, более для Пушкина, ибо я был привычен и находил даже это лучше, нежели не очередно. Алексеев предложил на голоса; я успел сказать Пушкину, чтобы он не соглашался, но он пристал к первым двум, и потому приступили к круговой. Первая ваза кое-как сошла с рук, но вторая сильно подействовала, особенно на Пушкина; я оказался крепче других. Пушкин развеселился, начал подходить к бортам бильярда и мешать игре. Орлов назвал его школьником, а Алексеев присовокупил, что школьников проучивают. Пушкин рванулся от меня и, перепутав шары, не остался в долгу и на слова, кончилось тем, что он вызвал обоих, а меня пригласил в секунданты. В десять утра должны были собраться у меня. Было близко к полуночи. Я пригласил Пушкина ночевать к себе. Дорогой он уж опомнился и начал бранить себя за свою арабскую кровь, и когда я ему представил, что главное в этом деле то, что причина не совсем хорошая, и что надо как-нибудь замять. «Ни за что! – произнес он остановившись. – Я докажу им, что я не школьник». Подходя уже к дому, он произнес: «Скверно, гадко; да как же кончить?» – «Очень легко, отвечал я: вы первый начали смешивать их игру; они вам что-то сказали, а вы им вдвое; и наконец, не они вас, а вы их вызвали. Если они придут не с тем, чтобы становиться на барьер, а с предложением помириться, то ведь честь ваша не пострадает». Он долго молчал, наконец, сказал по-французски: «Это басни: они никогда не согласятся; Алексеев – может быть, он семейный, но Теодор

никогда: он обрек себя на натуральную смерть, но все-таки лучше умереть от пули Пушкина или убить его, нежели играть жизнью с кем-нибудь другим». Я не отчаивался в успехе. Закусив, я уложил Пушкина, а сам, не спавши, дождался утра и в восьмом часу поехал к Орлову. Не застав его, отправился к Алексееву. Едва я показался в двери, как оба они в один голос объявили, что сейчас собирались ко мне посоветоваться, как бы окончить глупую вчерашнюю историю. «Приезжайте к 10 часам, как условились, ко мне, – отвечал я им. – Пушкин будет, и вы прямо скажете, чтобы он, так, как и вы, позабыл вчерашнюю жженку». Они охотно согласились. Возвратясь к себе, я нашел Пушкина уже вставшим и с свежей головой, обдумавшим вчерашнее столкновение. На сообщенный ему результат моего свидания, он взял меня за руку и просил, чтобы я ему сказал откровенно, не пострадает ли его честь, если он согласится оставить дело. Я повторил ему сказанное накануне, что не они, а он их вызвал, и они просят мира. Он согласился, но мне все казалось, что он не доверял, в особенности Орлову, чтобы этот отложил такой прекрасный случай подраться; но когда я ему передал, что Федор Федорович не хотел бы делом этим сделать неприятное брату, – Пушкин, казалось, успокоился. Видимо, он страдал только потому, что столкновение случилось за бильярдом, при жженке: «А не то, славно бы подрался; ей-богу, славно!» Через полчаса приехали Орлов и Алексеев. Все было сделано, как сказано; все трое были очень доволь-

ны. За обедом в этот день у Алексеева Пушкин был очень весел и, возвращаясь, благодарил меня, объявив, что если когда представится такой же случай, то чтобы я не отказал ему в советах и пр.

И. П. Липранди, стб. 1412–1416.

В Кишиневе, в бильярде кофейной Фукса, Пушкин смеялся над Ф. Орловым, тот выкинул его из окошка; Пушкин вбежал опять в бильярд, схватил шар и пустил в Орлова, которому попал в плечо. Орлов бросился на него с кием, но Пушкин выставил два пистолета и сказал «Убью». Орлов струсил.

К. К. Данзас по записи П. В. Анненкова. – Б. Л. Модзалевский. Пушкин, с. 339.

(В начале ноября 1820 г., в кишиневском театре.) Мое внимание обратил вошедший молодой человек небольшого роста, но довольно плечистый и сильный, с быстрым и наблюдательным взором, необыкновенно живой в своих приемах, часто смеющийся в избытке непринужденной веселости и вдруг неожиданно переходящий к думе, возбуждающей участие. Очерки лица его были неправильны и некрасивы, но выражение думы до того было увлекательно, что невольно хотелось бы спросить: что с тобой? какая грусть мрачит твою душу? – Одежду незнакомца составляли черный фрак, застегнутый на все пуговицы, и такого же цвета шаровары. Я узнал от Н. С. Алексеева, что это Пушкин. –

После первого акта драмы Пушкин подошел к нам: в разговоре с Алексеевым он доверчиво обращался ко мне, как бы желая познакомиться, но это сближение было прервано поднятием занавеса. Во втором антракте Пушкин снова подошел к нам. При вопросе Алексеева, как я нахожу игру актеров, я отвечал решительно, что тут разбирать нечего, что каждый играет дурно, а все вместе очень дурно. Это незначущее мое замечание почему-то обратило внимание Пушкина. Пушкин начал смеяться и повторял слова мои; вслед за этим, без дальних околичностей, мы как-то сблизились разговором, вспомнили петербургских артистов, вспомнили Семенову, Колосову. Воспоминания Пушкина согреты были неподдельным чувством воспоминания первоначальных дней его петербургской жизни, и при этом снова яркую улыбку сменила грустная дума. В этом расположении Пушкин отошел от нас, и, пробираясь между стульев, со всею ловкостью и изысканною вежливостью светского человека, остановился перед какой-то дамою; я невольно следил за ним и не мог не заметить, что мрачность его исчезла, ее сменил звонкий смех, соединенный с непрерывной речью. Пушкин беспрерывно краснел и смеялся: прекрасные его зубы выказывались во всем своем блеске, улыбка не угасала.

На другой день мы встретились с Пушкиным у брата моего генерала (*М. Ф. Орлова*), гвардии полковника Федора Федоровича Орлова, которого благосклонный прием и воинственная наружность совершенно меня очаровали. Я смот-

рел на Орлова, как на что-то сказочное; то он напоминал мне бояр времен Петра, то древних русских витязей; а его георгиевский крест, взятый с боя с потерей ноги по колению, невольно вселял уважение. Но притом я не мог не заметить в Орлове странного сочетания умильной скромности с самой разгульной удалью боевой его жизни. Тут же я познакомился с двумя Давыдовыми, родными братьями по матери генерала 12-го года Н. Н. Раевского. Судя по наружным приемам, эти два брата Давыдовы ничего не имели между собою общего: Александр Львович отличался изысканностью маркиза. Василий щеголял каким-то особым приемом простодушия; но каждый по-своему обошелся со мною приветливо. Давыдовы, как и Орлов, ожидая возвращения Михаила Федоровича, жили в его доме, принимали гостей, хозяйничали. Все они дружески обращались с Пушкиным; но выражение приязни Александра Львовича сбивалось на покровительство, что, как мне казалось, весьма не нравилось Пушкину. В это утро много говорено было о «Черной шали», на днях только Пушкиным написанной. Не зная самой песни, я не мог участвовать в разговоре. Пушкин это заметил и обещал мне прочесть ее; но, повторив в разрыв некоторые строфы, вдруг схватил рапиру и начал играть ею; припрыгивая, становился в позу, как бы вызывая противника. В эту минуту вошел Друганов. Пушкин, едва дав ему поздороваться с нами, стал предлагать ему биться, Друганов отказывался. Пушкин настоятельно требовал и, как резвый ребенок,

стал шутя затрагивать его рапирой. Друганов отвел рапиру рукою, Пушкин не унимался; Друганов начинал сердиться. Чтоб предупредить их раздор, я снова попросил Пушкина прочесть мне молдавскую песню. Пушкин охотно согласился, бросил рапиру и начал читать с большим одушевлением. каждая строфа занимала его, и, казалось, он вполне был доволен своим новорожденным творением. «Как же, – заметил я, – вы говорите: *в глазах потемнело, я весь изнемог*, а потом: *вхожу в отдаленный покой!*» – «Так что ж, – прервал Пушкин с быстротою молнии, вспыхнув сам, как зарница, – это не значит, что я ослеп». Сознание мое, что это замечание придирчиво, погасило мгновенный взрыв Пушкина, и мы пожали друг другу руки. При этом Пушкин, смеясь, начал мне рассказывать, как один из кишиневских армян сердится на него за эту песню. «Он думает, что это я написал на его счет».

Пушкин охотно принимал приглашения на все праздники и вечера, и все его звали. На этих балах он участвовал в неразлучных с ними занятиях: любил карты и танцы. С каждого вечера Пушкин собирал новые восторги и делался новым поклонником новых богинь своего сердца. Нередко мне случалось слышать: «Что за прелесть! Жить без нее не могу!», а на завтра подобную прелесть сменяли другие.

Пушкин носил молдаванскую шапочку. Выдержав не одну горячку, он принужден был не один раз брить себе голову; не желая носить парик (да к тому же в Кишиневе и сделать

его было некому), он заменил парик фескою и так являлся в коротком обществе.

В. П. Горчаков. Выдержки из дневника. – Москвитянин, 1850, № 2, с. 151–153, 156, 178.

Колл. сов. Арт. Мак. Худобашев, армянин, был человек лет за 50, чрезвычайно маленького роста, как-то переломленный на бок, с необыкновенно огромным носом, гнусивший и беспощадно ломавший любимый им французский язык. Пушкин с ним встречался во всех обществах и не иначе говорил с ним, как по-французски. Худобашев был его коньком; Александр Сергеевич при каждой встрече обнимался с ним и говорил, что когда бывает грустен, то ищет встретиться с Худобашевым, который всегда «отводит его душу». Худобашев в «Черной шали» Пушкина принял на свой счет «армянина». Шутники подтвердили это, и он давал понимать, что он, действительно, кого-то отбил у Пушкина. Этот, узнав, не давал ему покоя и, как только увидит Худобашева, начинал читать «Черную шаль». Ссора и неудовольствие между ними обыкновенно оканчивались смехом и примирением, которое завершалось тем, что Пушкин бросал Худобашева на диван и садился на него верхом (один из любимых тогда приемов Пушкина с некоторыми и другими), приговаривая: «Не отбивай у меня гречанок!» Это нравилось Худобашеву, воображавшему, что он может быть соперником.

Утром 8 ноября мне дали знать, что начальник дивизии (*М. Ф. Орлов*) возвратился в Кишинев. Я поспешил явиться к генералу. Генерал благосклонно принял меня... Вошел Пушкин, генерал его обнял и начал декламировать: «Когда легковерен и молод я был» и пр. Пушкин засмеялся и покраснел. «Как, вы уже знаете?» – спросил он. – «Как видишь», – отвечал генерал. – «То есть, как слышишь», – заметил Пушкин, смеясь. Генерал на это замечание улыбнулся приветливо. «Но шутки в сторону, – продолжал он, – а твоя баллада **превосходна**, в каждых двух стихах полнота неподражаемая».

В. П. Горчаков. Выдержки из дневника. – Москвитянин, 1850, № 2, с. 154.

Пушкин не изменился на юге: был по-прежнему умен, ветрен, насмешлив и беспрестанно впадал в проступки, как ребенок. Старик Инзов любил его, но жаловался, что ему с этим шалуном столько же хлопот, сколько забот по службе. Обритый, после болезни, Пушкин носил ермолку. Славный стихами, страшный дерзостью и эпиграммами, своевольный, непослушный, и еще в ермолке, – он производил фурор. Пушкин был предметом любопытства и рассказов на юге и по всей России.

(*М. М. Попов*). Рус. Стар., 1874, № 8, с. 687.

Нет сомнения, что все истории, возбуждаемые раздражительным характером Пушкина, его вспыльчивостью и гордостью, не выходили бы из ряда весьма обыкновенных, если бы не было вокруг него столько людей, горячо заботившихся об его участи. Сведения о каждом его шаге сообщались во все концы России. Пушкин так умел обстанавливать свои выходки, что на первых порах самые лучшие его друзья приходили в ужас и распускали вести под этим первым впечатлением. Нет сомнения, что Пушкин производил и смолоду впечатление на всю Россию не одним своим поэтическим талантом. Его выходки много содействовали его популярности, и самая загадочность его характера обращала внимание на человека, от которого всегда можно было ожидать неожиданное.

Кн. П. П. Вяземский. Соч., с. 504.

В Чигиринском уезде Киевской губ. раскинулось по берегам р. Тясмина значительное местечко Каменка с обширной барской усадьбой Давыдовых. Берега Тясмина здесь довольно возвышенны; в одном месте они несколько сближаются и образуют нависшие над рекой скалистые утесы, от которых и самое местечко получило свое название, особенно красивы утесы с реки. Большою проезжею дорогою усадьба Давыдовых разделяется на две части. Первая (если смотреть со стороны реки) теперь полузаброшенная. Лучше всего в ней сохранилась Свято-Николаевская деревянная церковь, постро-

енная в 1817 г. Неподалеку от церкви, правее и ближе к реке, стоял большой дом, позднее совсем снесенный; на месте его теперь (1899 г.) разрастается молодой фруктовый сад. Еще правее и ближе к Тясмину находится искусственный грот, по рассказам, служивший некогда летнею столовою, в настоящее время это чисто побеленный погреб. С грота открывается один из лучших видов Каменки; по склонам возвышения, на котором расположена усадьба, спускается сад; подальше, за лугом, длиною лентою тянется Тясмин, за ним в беспорядке раскинулась заречная часть местечка. Некогда сад был гораздо больше и доходил почти до самой речки. Левая, в настоящее время главная часть усадьбы полна новой жизни, которая смела здесь всякие остатки старины. Все постройки здесь новые. На возвышении находился флигель, в нем жили молодые члены семьи, останавливались гости; левее и ниже – маленький серенький домик с колонками, т. наз. бильярдная, которая была окружена садом, но он был тогда значительно меньше и доходил лишь до обрыва. В бильярдной, посредине комнаты, стоял бильярд, а у стен помещались книги, так что здесь, по-видимому, была и библиотека. Рассказывают, будто в бильярдной собирались декабристы. В каком доме жил Пушкин, неизвестно; но два места в Каменке особенно связаны с именем его: грот и бильярдная. Старожилы Каменки уверяют, будто до побелки в гроте можно было видеть немало разных надписей и стихотворений, в том числе пушкинских. Бильярдных было две: одна в большом доме, подле

гостиной, а другая – в особом домике, описанном выше. Так как в бильярдной Пушкин, по преданию, работал, то, по всей вероятности, это было не в большом доме, где заниматься было трудно; к тому же сомнительно, чтобы Пушкин жил в большом доме, а из любого помещения в левой части усадьбы ближе и удобнее идти заниматься в находящуюся здесь же бильярдную с библиотекой, чем в большой дом.

А. М. Лобода. Пушкин в Каменке. – Киевск. Унив. Изв., 1899, май, отд. II, с. 81–89.

Сегодня А. Ив. Давыдова (*вдова декабриста В. Л. Давыдова*) подробно рассказывала мне про жизнь Пушкина в Каменке. Судя по ее рассказам, Каменка в то время была большим, великолепным барским имением, с усадьбою на большую ногу; жили широко, по тогдашнему обычаю, с оркестром, певчими и т.д.

П. И. Чайковский – Н. Ф. фон-Мекк, 19 апр. 1884 г., из Каменки. – *М. И. Чайковский. Жизнь П. И. Чайковского*, т. II, с. 639.

Теперь нахожусь в Киевской губ., в деревне Давыдовых, милых и умных отшельников, братьев генерала Раевского. Время мое протекает между аристократическими обедами и демократическими спорами. Общество наше, теперь рассеянное, было недавно – разнообразная и веселая смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопыт-

ных для незнакомого наблюдателя. Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немного стихов. Вы поверите легко, что, преданный мгновению, мало заботился я о толках петербургских.

Пушкин – Н. И. Гнедичу, 4 дек 1820 г., из Каменки.

Мы всякий день обедали внизу у старушки матери. После обеда собирались в огромной гостиной, где всякий мог с кем и о чем хотел беседовать. Жена А. Л. Давыдова урожденная графиня Грамон, была со всеми очень любезна. У нее была премиленькая дочь, лет 12. Пушкин вообразил себе, что он в нее влюблен, беспрестанно на нее заглядывался и, подходя к ней, шутил с нею очень неловко. Однажды за обедом он сидел возле меня и, раскрасневшись, смотрел так ужасно на хорошенькую девочку, что она, бедная, не знала, что делать, и готова была заплакать; мне стало ее жалко, – и я сказал Пушкину вполголоса: «Посмотрите, что вы делаете; ваши нескромными взглядами вы совершенно смутили бедное дитя». – «Я хочу наказать кокетку, – отвечал он, – прежде она со мной любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочет взглянуть на меня». С большим трудом удалось мне обратить все это в шутку и заставить его улыбнуться. В общезнании Пушкин был до чрезвычайности неловок и при своей раздражительности легко обижался каким-нибудь словом, в котором решительно не было для него ничего обидного. Иногда он корчил лихача, вероятно, вспоминая Каве-

рина и других своих приятелей-гусаров в Царском Селе; при этом он рассказывал про себя самые отчаянные анекдоты, и все вместе выходило как-то очень пошло. Зато заходил ли разговор о чем-нибудь дельном, Пушкин тотчас просветлялся. О произведениях словесности он судил верно и с особенным каким-то достоинством. Не говоря почти никогда о собственных своих сочинениях, он любил разбирать произведения современных поэтов и не только отдавал каждому из них справедливость, но и в каждом из них умел отыскивать красоты, каких другие не заметили. Я ему прочел его Noel⁴³ «ура! В Россию скачет», и он очень удивился, – как я его знаю, а между тем все не напечатанные произведения: *Деревня*, *Кинжал*, *Четырехстишие к Аракчееву*, *Послание к Чаадаеву* и много других были не только всем известны, но в то время не было сколь-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал их наизусть. Вообще Пушкин был отголосок своего поколения, со всеми его недостатками и со всеми добродетелями.

Все вечера мы проводили на половине у Василия Львовича (*Давыдова*), и вечерние беседы наши для всех нас были очень занимательны. Раевский не принадлежал сам к Тайному Обществу, но, подозревая его существование, смотрел с напряженным любопытством на все, происходящее вокруг

---

⁴³ Рождество (фр.). Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина, написанное в традиционной для Франции форме сатирических куплетов, называвшихся «ноэль». – Ред.

него. Он не верил, чтобы я случайно заехал в Каменку, и ему очень хотелось знать причину моего прибытия. В последний вечер (М. Ф.) Орлов, В. Л. Давыдов, Охотников и я сговорились так действовать, чтобы сбить с толку Раевского насчет того, принадлежим ли мы к Тайному Обществу или нет. Для большего порядка в наших прениях был выбран президентом Раевский. С полушутливым и с полуважным видом он управлял общим разговором. В последний этот вечер пребывания нашего в Каменке, после многих рассуждений о разных предметах, Орлов предложил вопрос: насколько было бы полезно учреждение Тайного Общества в России? Сам он высказывал все, что можно было сказать за и против Тайного Общества. В. Л. Давыдов и Охотников были согласны с мнением Орлова; Пушкин с жаром доказывал всю пользу, какую бы могло принести Тайное Общество России. Тут, испросив слово у президента, я старался доказать, что в России совершенно невозможно существование Тайного Общества, которое могло бы быть хоть на сколько-нибудь полезно. Раевский стал мне доказывать противное и исчислил все случаи, в которых Тайное Общество могло бы действовать с успехом и пользой. В ответ на его выходку я ему сказал: «Мне не трудно доказать вам, что вы шутите; я предложу вам вопрос: если бы теперь уж существовало Тайное Общество, вы наверное к нему не присоединились бы?» – «Напротив, наверное присоединился бы», – отвечал он. – «В таком случае давайте руку», – сказал я ему. И он протянул мне руку,

после чего я расхохотался, сказав Раевскому: «Разумеется, все это только одна шутка». Другие только смеялись, кроме Ал. Львовича (*Давыдова*), рогоносца величавого, и Пушкина, который был очень взволнован; он перед этим уверился, что Тайное Общество или существует, или тут же получит свое начало, и он будет его членом; но когда он увидел, что из этого вышла только шутка, он встал, раскрасневшись, и сказал со слезой на глазах: «Я никогда не был так несчастен, как теперь, я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собою, и все это была только злая шутка». В эту минуту он был точно прекрасен.

И. Д. Якушкин. Записи. М., 1908, с. 45–48.

Хоть Пушкин и не принадлежал к заговору, который приятели таили от него, но он жил и раскалялся в этой жгучей и вулканической атмосфере. Все мы более или менее дышали и волновались этим воздухом.

Кн. П. А. Вяземский. Старина и Новизна, кн. VIII, с. 42.

Нам случалось беседовать с княгиней М. Н. Волконской и Ек. Н. Орловой (*урожденными Раевскими*). Обе они отзывались о Пушкине с улыбкою некоторого пренебрежения и говорили, что в Каменке восхищались его стихами, но ему самому не придавали никакого значения. Пушкина это огорчало и приводило в досаду.

П. И. Бартенев. Рус. Арх., 1910, т. II, с. 299.

Однажды у Раевских разыгрывалась лотерея, – Пушкин положил свое кольцо, моя бабушка (*Мар. Ник. Раевская-Волконская*) его выиграла. Это кольцо я подарил Пушкинскому Дому при Академии Наук.

Кн. *С. М. Волконский*. О декабристах (по семейным воспоминаниям). – Русская Мысль, Прага, 1922, май, с. 70.

Подробность, которая, кажется, в литературу не проникла, но сохранилась в нашем семействе, как предание. Деду моему Сергею Григорьевичу (*Волконскому*) было поручено завербовать Пушкина в члены Тайного Общества; но он, угадав великий талант и не желая подвергать его случайностям политической кары, воздержался от исполнения возложенного на него поручения.

Кн. *С. М. Волконский*. Там же, с. 71.

По позволению вашего превосходительства А. С. Пушкин доселе гостит у нас, а с генералом Орловым намерен был возвратиться в Кишинев; но, простудившись очень сильно, он до сих пор не в состоянии предпринять обратный путь. О чем долгом поставляю уведомить ваше пр-во и при том уверить, что коль скоро Александр Сергеевич получит облегчение в своей болезни, не замедлит отправиться в Кишинев.

А. Л. Давыдов – ген. *И. Н. Инзову*, 15 дек. 1820 г., из Каменки.

До сего времени я был в опасении о г. Пушкине, боясь, чтобы он, невзирая на жестокость бывших морозов с ветром и метелью, не отправился в путь и где-нибудь при неудобствах степных дорог не получил несчастья. Но, получив почтеннейшее письмо ваше от 15 сего месяца, я спокоен и надеюсь, что ваше превосходительство не позволит ему предпринять путь, пока не получит укрепления в силах.

И. Н. Инзов – А. Л. Давыдову, 29 дек. 1820 г., из Кишинева. – И. А. Смирнов. Дело о Пушкине (1820). Одесса, 1899, с. 9.

Кто-то из знакомых, неожиданно встретясь с Пушкиным в Киеве, спросил, как он попал туда. «Язык до Киева доведет», – отвечал Пушкин, намекая на причину своего удаления из Петербурга.

П. И. Бартнев, Пушкин в Южной России, с. 66.

Об одном из приездов Пушкина в Каменку сохранился рассказ, который мне передавали со слов старшей дочери и жены Вас. Л. Давыдова: Пушкин приехал в какой-то странной повозке; весь запыленный, с порывистыми движениями, живою речью, он показался встретившей его девочке совершенно необычным, и та бросилась от него, крича, что привезли сумасшедшего.

В Каменке, как известно, Пушкин окончил «Кавказского

Пленника» и писал его, по рассказам гг. Давыдовых, в бильярдной, растянувшись на бильярде. Работал он, не отрываясь от бумаги, и однажды был такой случай: Пушкина позвали обедать; он велел лакею принести рубашку, чтобы переодеться к обеду, а сам продолжал писать; лакей принес рубашку, Пушкин пишет; лакей в выжидательной позе стоит с рубашкой, Пушкин не обращает на него внимания и пишет, пишет.

Пушкин в Каменке, по-видимому, не отличался большою аккуратностью; по крайней мере, сохранилось предание, что Вас. Львович Давыдов по уходе Пушкина запирает двери, чтобы никто из прислуги не разбросал листков с набросками и стихами его.

А. М. Лобода. Пушкин в Каменке. – Киевск. Унив. Изв., май, отд. II, с. 90.

Михайло Орлов женится на дочери генерала Раевского (*Екат. Ник.*), по которой вздыхал Пушкин.

А. И. Тургенев – кн. II. *А. Вяземскому.* 23 февр. 1821 г. – Ост. Арх., т. II, с. 168.

(В первых числах марта 1821 г., в Кишиневе.) ... у генерала (*М. Ф.*) Орлова я снова свиделся с Пушкиным. Наружность его весьма изменилась. Фес заменили густые темно-русые кудри, а выражение взора получило более определенности и силы. В этот день Пушкин обедал у генерала. За обе-

дом Пушкин говорил довольно много, и не скажу, чтобы дурно, вопреки постоянной придирчивости некоторых, а в особенности самого М. Ф-ча, который утверждал, что Пушкин так же дурно говорит, как хорошо пишет; но мне постоянно казалось это сравнение преувеличенным. Правда, что в рассказах Пушкина не было последовательности, все как будто в разрыве и очерках, но разговор его весьма был одушевлен и полон начатков мысли. Что же касается до чистоты разговорного языка, то это иное дело: Пушкин, как и другие, воспитанный от пеленок французами, употреблял иногда галлицизмы. Но из этого не следует, чтоб он не знал, как заменить их родною речью.

В. П. Горчаков. Выдержки из дневника. – Москвитянин. 1850, № 7, с. 195.

М. Ф. Орлов более, чем когда, бредил въявь конституциями. Он нанял три или четыре дома рядом и начал жить не как русский генерал, а как русский боярин. Чтоб являться в его доме, надобно было более или менее разделять его мнения. Два демагога, два изувера, адъютант Охотников и майор В. Раевский, с жаром витийствовали. Тут был и Липранди. На беду попался тут и Пушкин, которого сама судьба всегда совала в среду недовольных. Семь или восемь молодых офицеров генерального штаба, которые находились тут для снятия планов, с чадолюбием были восприняты. К их пылкому патриотизму, как полынь к розе, стал прививаться тут

западный либерализм.

Ф. Ф. Вигель. Записки, т. VI, с. 115.

Что до меня, моя радость, скажу тебе, что кончил я новую поэму, *Кавказский Пленник*, которую надеюсь скоро вам прислать, – ты ею не совсем будешь доволен, и будешь прав. Еще скажу тебе, что у меня в голове бродят еще поэмы, но что теперь ничего не пишу, – я перевариваю воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые.

Пушкин – бар. А. А. Дельвигу, 23 марта 1821 г., из Киши-нева.

* Кишинев. 1 апреля 1821 г. Вчера я был у Ал. Сер-ча! Он сидел на полу и разбирал в огромном чемодане какие-то бумажки. «Здравствуй, Мельмот, – сказал он, дружески пожимая мне руку, – помоги, дружище, разобрать мой старый хлам; да чур не воровать». Тут были старые, перемаранные лицейские записки Пушкина, разные неоконченные прозаические статейки его, стихи его и письма Дельвига, Баратынского, Языкова и др. Более часа разбирали мы все эти бумаги, но разбору этому конца не предвиделось: Пушкин утомился, вскочил на ноги и, схватив все разобранные и неразоб-ранные нами бумаги в кучу, сказал: «ну их к черту!», ском-кал кое-как и втискал в чемодан.

В. Г. Тепляков. Из дневника. – А. Грей. Биограф. заметки. *Общезанимательный Вестн.*, 1857, № 6, с. 222.

* Кишинев. 3 апреля 1821 г. Вечер был прекрасный, я отправился за город. Через огороды и плетни я вышел на простор, и передо мной открылась степь, пересекаемая тощим, болотистым Бычком. На другой стороне речки я увидел Пушкина – он спешил ко мне. «Послушай, Тепляков, где ты бродишь, я тебя ищу три часа, – закричал мне Пушкин сердито. – Но постой, я перейду к тебе, – и в одно мгновение Пушкин разбежался, перескочил через узкий Бычок и загряз по колено в болото. – Что за проклятая Бессарабия! – вскричал с сердцем Пушкин, выходя с трудом, с помощью моей, из болота. – Куда как хорошо, – продолжал он, оглядывая себя, – в грязи, запачканный, с душою гадкою, мерзкою!.. Знаешь, Тепляков, ведь я сегодня снова поколотил этого гадкого молдаванишку *Бузню*... Но признаться, я сам виноват, обидел ни за что человека; погорячился, сунул ему дулю в нос, – и пошла потеха. Надо поправить свои грехи: пойдем, Мельмот, к Бузне, – я извинюсь перед ним: он человек бедный, куча детей, и я же перед ним виноват. О, молодость, о, арабская кровь!» Мы пошли к Бузне, но не застали дома, Бузня отправился к Ивану Никитичу (*Инзову*) жаловаться на Пушкина.

4 апреля. Утром я был у Пушкина: он сидел под арестом в своей квартире; у дверей стоял часовой. «Здравствуй, Тепляков! Спасибо, что посетил арестанта. Поделом мне. Что за добрая, благородная душа у Ивана Никитича! Каждый день

я что-нибудь напрокажу; Иван Никитич отечески пожурит меня, отечески накажет и через день все забудет. Скотина я, а не человек! Вчера вечером я арестован, а сегодня рано утром И. Н. прислал узнать о моем здоровье; доставил мне полученные из Петербурга на мое имя письма и последние книжки «Благонамеренного».

В. Г. Тепляков. Из дневника. – А. Грей. Биограф. заметки. Петербургский Вестн., 1861, № 14, с. 310.

Пушкин непременно хочет иметь не один талант Байрона, но и бурные качества его, и огорчает отца язвительным от него отступничеством.

А. И. Тургенев – кн. *П. А. Вяземскому*, 26 апр. 1821 г. – Ост. Арх., т. II, с. 187.

Один чиновник Областного правления (*И. Н. Ланов*) был приглашен на обед, где находился и Пушкин; за обедом чиновник заглушал своим говором всех, и все его слушали, хотя почти слушать было нечего, и наконец договорился до того, что начал доказывать необходимость употребления вина, как лучшего средства от многих болезней. «Особенно от горячки», – заметил Пушкин. – «Да, таки и от горячки, – возразил чиновник с важностью, – вот-с извольте-ка слушать: у меня был приятель, некто Иван Карпович, отличный, можно сказать, человек, лет десять секретарем служил; так вот, он-с просто нашим винцом от чумы себя вылечил: как хва-

тил две осьмухи, так как рукой сняло». При этом чиновник зорко взглянул на Пушкина, как бы спрашивая: ну, что вы на это скажете? У Пушкина глаза сверкнули; удерживая смех и краснея, он отвечал: «Быть может, но только позвольте усомниться». – «Да чего тут позволить, – грубо возразил чиновник, – что я говорю, так – так; а вот вам, почтеннейший, не след бы спорить со мною, оно как-то не приходится». – «Да почему же?» – спросил Пушкин. – «Да потому же, что между нами есть разница». – «Что ж это доказывает?» – «Да то, сударь, что вы еще молокосос». – «А, понимаю, – смеясь, заметил Пушкин, – точно есть разница: я **молокосос**, как вы говорите, а вы **виносос**, как я говорю». При этом все расхохотались, противник ошалел.

В. П. Горчаков. Выдержки из дневника. – Москвитянин, 1850, № 7. Перепеч.: Книга воспоминаний о Пушкине, 1931, с. 94.

Три-четыре вечера проводил я дома. Постоянными посетителями были у меня: Охотников, В. Ф. Раевский, А. Ф. Вельтман, В. П. Горчаков и нек. др. Пушкин редко оставался до конца вечера, особенно во вторую половину его пребывания. Здесь не было карт и танцев, а шла иногда очень шумная беседа, спор, и всегда о чем-нибудь дельном, в особенности у Пушкина с Раевским (*В. Ф.*), и этот последний, по моему мнению, очень много способствовал к подстреканию Пушкина заняться положительно историей и в особенности гео-

графией. Я тем более убеждаюсь в этом, что Пушкин неоднократно после таких споров, на другой или на третий день, брал у меня книги, касавшиеся до предмета, о котором шла речь. Пушкин, как вспыльчив ни был, но часто выслушивал от Раевского, под веселую руку обоих, довольно резкие выражения и далеко не обижался, а, напротив, казалось, искал выслушивать бойкую речь Раевского.

И. П. Липранди, стб. 1255.

Нередко по вечерам мы сходились у подполковника Липранди, который своею особенностью не мог не привлекать Пушкина. В приемах, действиях, рассказах и образе жизни подполковника много было чего-то поэтического, не говоря уже о его способностях, остроте ума и сведениях. Липранди поражал нас то изысканною роскошью, то вдруг каким-то презрением к самым необходимым потребностям жизни, словом, он как-то умел соединять прихотливую роскошь с недостатками. Последнее было слишком знакомо Пушкину. Не имея навыка к расчетливой и умеренной жизни и стесняемый ограниченностью средств, Пушкин также по временам должен был во многом себе отказывать. Молодость и почти кочевая жизнь его, видимо, облегчали затруднения; к тому же с каждым днем Пушкин ожидал перемены своего назначения; ему казалось, что удаление его в южный край России не могло долго продолжаться. Нередко при воспоминании о царскосельской жизни своей Пушкин как бы в действитель-

ности переселялся в то общество, где расцветала первоначальная поэтическая жизнь его. В эти минуты Пушкин иногда скорбел; и среди этой скорби воля рассудка уступала впечатлению юного сердца, но Пушкин недолго вполне оставался юношею, опыт уже холодел над ним; это влияние опыта, смиря порывы, с каждым днем уменьшало его беспечность.

В. П. Горчаков. Выдержки из дневника. – Москвитянин, 1850, № 7, с. 197.

Попугая, в стоявшей клетке, на балконе Инзова, Пушкин выучил одному бранному молдаванскому слову. В день Пасхи 1821 года преосвященный Дмитрий Сулима был у генерала; в зале был накрыт стол; благословив закуску, Дмитрий вошел на балкон, за ним последовал Инзов и некоторые другие. Полюбовавшись видом, Дмитрий подошел к клетке и что-то произнес попугаю, а тот встретил его помянутым словом, повторяя его и хохоча. Когда Инзов проводил преосвященного, то с свойственной ему улыбкой и обыкновенным тихим голосом своим сказал Пушкину: «Какой ты шалун! Преосвященный догадался, что это твой урок». Тем все и кончилось. У Инзова на балконе было еще две сороки, каждая в особой клетке, но рассказываемое было с серым попугаем.

И. П. Липранди, стб. 1264.

Несколько времени тому назад отправлен был к вашему превосходительству молодой Пушкин. Желательно, особли-

во в нынешних обстоятельствах, узнать искреннее суждение ваше, милостивый государь мой, о сем юноше, повинуется ли он теперь внушению от природы доброго сердца или порывам необузданного и вредного воображения.

Гр. *И. А. Каподистрия* – ген. *И. Н. Инзову* (на проекте письма рукою Имп. Александра написано: «Быть по сему»), 13 апр. 1821 г., из Лайбаха. – Рус. Стар., 1887, т. 53, с. 242.

Пушкин, живя в одном со мною доме, ведет себя хорошо и при настоящих смутных обстоятельствах не оказывает никакого участия в сих делах. Я занял его переводом на российский язык составленных по-французски молдавских законов, и тем, равно другими упражнениями по службе, отнимаю способы к праздности. Он, побуждаясь тем же духом, коим исполнены все парнасские жители к ревностному подражанию некоторым писателям, в разговорах своих со мною обнаруживает иногда пиитические мысли. Но я уверен, что лета и время образумят его в сем случае... В бытность его в столице, он пользовался 700 рублями на год; но теперь, не получая сего содержания и не имея пособий от родителя, при всем возможном от меня вспомоществовании терпит, однако ж, иногда некоторый недостаток в приличном одеянии. По сему уважению я долгом считаю покорнейше просить распоряжения вашего к назначению ему отпуска здесь того жалованья, какое он получал в С.-Петербурге.

Ген. *И. Н. Инзов* в секретном письме к гр. *И. А. Каподис-*

три от 28 апреля 1821 г. – Там же, с. 243.

(Вел. этого письма Инзова жалование Пушкину было выслано и высылалось впоследствии по третям, из расчета 700 в год, до самого исключения Пушкина из службы и высылки его из Одессы.)

Пушкин находился под непосредственной опекой и руководством И. Н. Инзова. Маститому старцу надлежало умерять порывы, занимать деятельность и вместе успокаивать пылкое воображение поэта. Иван Никитич в этом успел, привязал к себе Пушкина, снискал доверенность его и ни разу не раздражил его самолюбия. Впоследствии Пушкин, переселясь в Одессу, при каждом случае говаривал об Иване Никитиче с чувством сыновнего умиления. Этому я свидетель. В сем долговременном и необычайном отношении старца Инзова к неукротимому юноше, сознавшему в себе сугубый дар творчества и глубокомыслия, заключается поучительная истина, что любовь христианская все побеждает.

А. С. Стурдза. Воспоминания об И. Н. Инзове. – Москвитянин, 1847, № 1, с. 224.

Нередко Инзов, разговаривая со мною, вздыхал о Пушкине, любезном чаде своем. Судьба свела сих людей, между которыми великая разница в летах была малейшим препятствием к искренней взаимной любви. Сношения их однако сдела-

лись сколько странными, столько и трогательными и забавными. С первой минуты прибывшего совсем без денег молодого человека Инзов поместил у себя жительство, поил, кормил его, оказывал ласки, и так осталось до самой минуты последней их разлуки. Никто так глубоко не умел чувствовать оказываемые ему одолжения, как Пушкин, хотя между прочими пороками, коим не был он причастен, накидывал он на себя и неблагодарность. Его веселый, острый ум оживил, осветил пустынное уединение старца. С попечителем своим, более чем с начальником, сделался он смел и шутив, никогда не дерзок; а тот готов был все ему простить... Иногда же, когда дитя его распроказничает, то более для предупреждения неприятных последствий, чем для наказания, сажал он его под арест, т.е. несколько дней не выпускал из комнаты. Надобно было послушать, с каким нежным участием и Пушкин отзывался о нем.

Ф. Ф. Вигель. Записки, т. VI, с. 151.

Комнатки, отведенные для Пушкина, не отличались особенною обстановкой. Постель его всегда была измята, а потолок разукрашен какими-то особенными пятнами. Это объясняется тем, что Пушкин имел обыкновение лежать на кровати и стрелять из пистолета хлебным мякишем в потолок, стараясь выделывать на нем всевозможные узоры. По словам Бади-Тодоре, жившего при доме Сизова, Пушкин вставал на рассвете и, вооружившись карандашом и книжечкой, долго,

без устали, гулял по саду и заходил далеко в поля. Походит, походит он час-другой, присядет на какой-нибудь пень или камень, напишет немного и опять ходит. Это наблюдалось летом; зимою Пушкин по утрам приказывал вытопить хорошенько печь и принимался ходить по комнате, шлепая турецкими туфлями. Походит, походит, так же как и в саду; затем присядет, попишет немного и опять начинает ходить. По временам Пушкин до того увлекался работой, что его никак нельзя было оторвать от нее к завтраку или обеду. Когда ему мешали, он страшно сердился, в особенности раз, когда за Пушкиным послали одного молодого парня; не успел еще тот переступить порог и передать поручение, как Пушкин, с криком и сжатыми кулаками, набросился на него и наверно побил бы, если бы тот своевременно не убежал. После этого Пушкин жаловался Инзову и просил раз навсегда не беспокоить его во время занятий, хотя бы он должен был остаться без обеда. Поэтому, когда впоследствии кого-нибудь из прислуги посылали за Пушкиным, то они предварительно подкрадывались к окну и высматривали, что Пушкин делает: если он работал, то никто из прислуги не решался переступить порог. В другой раз, когда ему помешали, он до того рассердился, что, схватив со стола бумагу, на которой писал, разорвал ее, скомкал и швырнул в лицо помешавшему ему. Это случилось с экономкой Инзова, женщиной в годах, из городского сословия. Когда после этого экономка, «жипуняса Катерина», обидевшись, дулась на Пушкина, он просил изви-

нить ему, так как это «находит» на него.

Со слов *Бади-Тодоре* (молдаванина, жившего в услужении у Инзова). – Рус. Арх., 1899, т. II, с. 341.

* Пушкин нередко проводил у Кириенко-Волошинова целые дни, а то и целые ночи. Днем, впрочем, Пушкин появлялся в его квартире только после больших где-либо с иными знакомыми кутежей и тогда долго, как убитый, спал у него на кровати. Иногда вслед за таким, недостойным его, препровождением времени, на него после сна находили бурные припадки раскаяния, самобичевания и недолгой, но искренней грусти. Тогда он всю ночь напролет проводил в излияниях всякого рода и задушевных беседах с товарищем, сопровождаемых одним только чаем, без всякого иного к нему прибавления. Разговаривая и споря с приятелем, Пушкин всегда держал в руках перо или карандаш, которым набрасывал на бумагу карикатуры всякого рода с соответственными надписями внизу; или хорошенькие головки женщин и детей, большею частью друг на друга похожие. Но довольно часто вдруг в середине беседы он смолкал, оборвав на полуслове свою горячую речь, и, странно повернув к плечу голову, как бы внимательно прислушиваясь к чему-то внутри себя, долго сидел в таком состоянии неподвижно. Затем, с таким же выражением напряженного к чему-то внимания, он снова принимал прежнюю позу у письменного стола и начинал быстро и непрерывно водить по бумаге пером, уже, очевидно, не

слыша и не видя ничего ни внутри себя, ни вокруг. В таких случаях хозяин квартиры со спокойною совестью уходил в соседнюю комнату спать, ибо наверно знал, что гость уже ни единого слова не скажет до света и будет без перерыва писать до тех пор, пока перо само не вывалится из рук его, а голова не упадет в глубоком сне тут же на столе. Иногда на другой день, проснувшись в обыкновенное время, отец мой находил приятеля спавшим, иногда же последний исчезал, унося с собою все за ночь написанное. Нередко, впрочем, случалось иначе: уходил ли гость или нет, а работы свои оставлял на столе у хозяина, никогда о них не упоминая впоследствии... Некоторые, впрочем, стихотворения самого неприличного свойства Пушкин, прежде чем уходить, нарочно громко прочитывал хозяину, крепко держа его за руку, чтобы тот не мог убежать. Зато, едва он оканчивал чтение, как приятель с досадой вырывал бумагу из рук его и в мелкие куски ее разрывал. Однако автор несколько этим не огорчился и неудержимо хохотал над гневом товарища, жестоко упрекавшего его в затрате своих высоких способностей на такие низкие произведения карандаша и пера. Непостижимо странным является то несомненное обстоятельство, что подобные произведения порнографического характера иногда выливались у Пушкина в ту самую ночь, начало которой он употреблял на самое искреннее раскаяние в напрасно и гнусно потраченном времени и всяких упреках себе самому.

Е. Д. Францева. Пушкин в Бессарабии (из семейных пре-

даний). – Рус. обозрение, 1897, № 1, с. 23–24.

В Кишиневе Инзов всегда приглашал меня останавливаться у него в доме. Дом был не особенно велик, и во время моих приездов меня помещали в одной комнате с Пушкиным... Он целые ночи не спал, писал, возился, декламировал и громко мне читал свои стихи. Летом он разоблачался совершенно и производил все свои ночные эволюции в комнате во всей наготе своего натурального образа.

А. М. Фадеев. Воспоминания. – Рус. Арх., 1891, т. I, с. 399.

(1821 г.) Получил письмо от Чедаева (*П. Я. Чаадаева*). Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье, – одного тебя может любить холодная душа моя.

4 мая был я принят в масоны.

Пушкин. Кишиневский дневник.

* (*Красавица цыганка Шекора, – Людмила, – в первом браке за богатым румыном Бодиско; овдовев и впад в бедность, вышла, не любя, за кишиневского богача Инглези.*) Через два месяца после их свадьбы в Кишинев приехал Пушкин, вскоре сделавшийся душою всего общества. Его с радостью принимали во всех бонтонных домах Кишинева, в том числе и у Инглези. Пушкин с первого же разу влюбился в Людмилу и с чрезвычайною ревностью скрывал от всех свои чувства.

(Однажды рассказчик, бывший в большой дружбе с Пушкиным, в жаркий день заснул в небольшой подгородной роще.)

Голоса на опушке рощи привлекли мое внимание. Через рощицу проходили, обнявшись и страстно целуясь, Пушкин и Людмила. Они меня не заметили и, выйдя на просеку, сели в дождавшиеся их дрожки и уехали. – После моего открытия прошло несколько дней. Был воскресный день. Я лег после обеда заснуть, вдруг в дверь раздался сильный стук. Я отворил дверь. Передо мною стоял Пушкин. «Голубчик мой, – бросился он ко мне, – уступи для меня свою квартиру до вечера. Не спрашивай ничего, расскажу после, а теперь некогда, здесь ждет одна дама, да вот я введу ее сейчас сюда». Он отворил дверь, и в комнату вошла стройная женщина, густо окутанная черною вуалью, в которой однако я с первого взгляда узнал Людмилу. Положение мое было более, нежели щекотливое: я был в домашнем дезабилье. Схватив сапоги и лежавшее на стуле верхнее платье, я стремглав бросился из комнаты, оставив их вдвоем. Впоследствии все объяснилось. Пушкин и Людмила гуляли вдвоем в одном из расположенных в окрестностях Кишинева садов. В это время мальчик, бывший постоянно при этих tête-à-tête⁴⁴ настороже, дал им знать, что идет Инглези, который уже давно подзревал связь Людмилы с Пушкиным и старался поймать их вместе. Пушкин ускакал с ней с другой стороны и, чтоб запутать преследователей, привез ее ко мне. Однако это не

---

⁴⁴ Свидание, разговор с глазу на глаз (фр.). – Ред.

помогло. На другой день Инглези запер Людмилу на замок и вызвал Пушкина на дуэль, которую Пушкин принял... Дуэль назначена была на следующий день утром, но о ней кто-то донес генералу Инзову. Пушкина Инзов арестовал на десять дней на гауптвахте, а Инглези вручил билет, в котором значилось, что ему разрешается выезд за границу вместе с женою на один год. Инглези понял намек и на другой день выехал с Людмилою из Кишинева. Таким образом дуэль не состоялась. Пушкин долго тосковал по Людмиле.

А. Трегубов со слов кишиневского старожила Градова. — В. А. Яковлев. Отзывы, с. 87–91.

* В своих любовных похождениях Пушкин не стеснялся и одновременно ухаживал за несколькими барышнями и дамами. Однажды он назначает в одном загородном саду свидание молодой даме из тамошней аристократической семьи. Они сошлись на месте свидания. Вдруг соседние кусты раздвигаются, и оттуда выскакивает смуглая цыганка с растрепанными волосами, набрасывается на даму, сваливает ее на землю и давай колотить. Пушкин бросился разнимать их, но усилия оказались тщетными. Он выхватывает из виноградника жердь и начинает колотить цыганку. Она оставила свою жертву и бросилась было на Пушкина, но, опомнившись, отшатнулась и важною поступью ушла прочь. Благодаря посторонним людям, подоспевшим к этой истории, весть о ней быстро разнеслась по городу. Пушкин целые две недели по-

сле этого не показывался в городе и заперся дома. Дама сильно заболела, и ее увезли за границу.

Любимым занятием Пушкина была верховая езда; бывали дни, когда он почти не слезал с лошади... Проезжая однажды по одной из многолюднейших улиц (Харлампиевской), Пушкин увидел у одного окна хорошенькую головку, дал лошади шпоры и въехал на самое крыльцо. Девушка, испугавшись, упала в обморок, а родители ее пожаловались Инзову. Последний за это оставил Пушкина на два дня без сапог. Затем Пушкин в эту же часть города очень часто появлялся в самых разнообразных и оригинальных костюмах. То, бывало, появляется он в костюме турка, в широчайших шароварах, в сандалиях и с феской на голове, важно покуривая трубку, то появится греком, евреем, цыганом и т.п. Разгуливая по городу в праздничные дни, он натыкался на молдавские хороводы и присоединялся к ним, не стесняясь присутствующими, которые, бывало, нарочно приходили «смотреть Пушкина». По окончании плясок он из общества молдаван сразу переходил в общество «смотревших» его лиц из образованного класса, которым и принимался с восторгом рассказывать, как весело и приятно отплясывать «джок» под звук молдавской «кобзы».

Со слов *кишиневских старожил*ов. – Рус. Арх., 1899, т. II, с. 344.

Раз, помню, на Болгарии, – так называлась местность, где

теперь Вознесенская церковь – были на Пасху игры. Танцевали под волынку местный танец «джок». Приезжали смотреть на народ в каретах. Приехал Пушкин, помню, в феске, обритый. Начал смотреть, и я слышала, как говорили: «Вот как Пушкин ломается». Помню, рассказывали про него еще и вот такой случай: на Золотой улице был в то время магазин мод какой-то дамы, фамилию забыла. У нее была дочь, красавица. Вот как-то раз Пушкин едет верхом на улице с другими, а дочь эта стояла в это время на крыльце. Пушкин как завидел ее, то верхом так прямо на крыльцо и въехал. Уже другие его вывели оттуда, совсем перепугал девушку. За это Инзов продержал его день без сапог.

В. Е. Белюгова по записи Л. С. Мацевича. – В. А. Яковлев. Отзывы, с. 97.

Какая-то молдавская барыня любила снимать свои башмаки, садясь на широкий молдавский диван. Пушкин подметил эту склонность барыни и стащил однажды ее башмаки, вытащив их тростью. Когда нужно было встать, то барыня, не найдя башмаков и не желая поставить себя в неловкое положение, прошлась в чулках до дверей, где Пушкин возвратил ботинки по принадлежности, извиняясь в нечаянно совершенном им поступке. Тогдашний башмак снимался легко. Это была скорее туфля, а не нынешний башмак, обхватывающий ногу плотно.

Е. Ф. Теплова по записи В. Я. Теплова. — Там же, с. 80.

Фамилию Пушкина молдаванам очень трудно было произносить, а потому они его и прозвали «куконаш Пушка» (паныч Пушкин)... Постоянные его ухаживания за молдаванками вынуждали родителей и женихов жаловаться Инзову на его ветреного чиновника. Инзов же имел обыкновение разбирать жалобы всенародно, т.е. приглашал жалобщиков и заставлял их в присутствии Пушкина излагать свои жалобы. Инзов должен был наказывать Пушкина хотя бы для виду, чтобы жалобщики не роптали. Наказание заключалось в том, что Инзов оставлял Пушкина без сапог. Такого рода наказание давало повод некоторым смельчакам из молдаван грозить: «Смотри, куконаш Пушка, будешь сидеть без сапог!»

Со слов *кишиневских старожил*ов. – Рус. Арх., 1899, т. II, с. 343.

На главной улице Кишинева часто видали Пушкина с длинными волосами, в фуражке, или с коротко остриженными, в красной феске (Пушкин иногда подвержен был горячке; а потому принужден был брить голову, и тогда, в коротком кругу, носил феску. Вообще же он отращивал волосы. Оттого-то и разноречия в показаниях о головном уборе Пушкина), с железной палицей в руке, иногда даже, так как он с Кишиневом не церемонился, в пестром архалуке. Это последнее свидетельствуют многие... Инзов ласкал Пушкина

на, и когда запрещал ему идти в какое-нибудь общество или собрание, поэт сердился, не шел к обеду, сказывался больным... Пушкин жил у Инзова, обедал, по большей части, у него же и проводил время по произволу. У себя читал, писал и часто стрелял восковыми пулями в цель из пистолета.

К. П. Зеленецкий. Сведения о пребывании Пушкина в Кишиневе и Одессе (по показаниям очевидцев). – Москвитянин, 1854, № 9, Смесь, с. 3.

Если верить Бади-Тодоре, то изо всей у Инзова прислуги он был самым приближенным к поэту человеком. Он обучал Пушкина молдавскому языку, который очень трудно давался ему. Мало-помалу Пушкин делал успехи и через некоторое время успел составить себе маленький молдавский словарь, из которого с грехом пополам складывал предложения, большею частью не имевшие, впрочем, никакого смысла. Бывало, придет к нему в свободное время Бади-Тодоре, Пушкин его еще на пороге встречает приветствиями на молдавском языке. Подав затем гостю стул, Пушкин принимался забрасывать его разного рода вопросами на молдавском языке. Фразы или слова, которые ему особенно трудно удавались, он обыкновенно записывал себе и затем выучивал. Некоторые фразы, которые чаще всего надобно было употреблять и которые ему особенно не давались, он записывал прямо на стенах, чтобы они были всегда на виду.

Со слов *Бади-Тодоре*. Рус. Арх., 1899, т. II, с. 341.

Жена чиновника горного ведомства ст. сов. (*Ив. Ив.*) Эльфректа (*Эйхфельдта*) (*Мария Егоровна*) слыла красавицей. Пушкин хаживал к ним и некоторое время был очень любезен с молоденькою женою нумизмата, в которую влюбился и его приятель Н. С. Алексеев... Кроме того, временными предметами внимания, а иногда и минутной любви Пушкина в Кишиневе была молодая молдаванка Россети, которой ножки, как все уверены там, будто воспеты в первой главе Онегина, потом *Пульхерия Егоровна Варфоломей*, девица Прункул и др.

П. И. Бартнев. Пушкин в Южной России, с. 95.

Пульхерия (Варфоломей) была полная, круглая, свежая девушка; она любила говорить более улыбкой, но это не была улыбка кокетства, это просто была улыбка здорового, беззаботного сердца. Никто не припомнит, чтоб она на кого-нибудь взглянула особенно. На балах со всеми кавалерами она с одинаковым удовольствием танцевала, всех одинаково любила слушать, и Пушкину так же, как всякому, кто умел ее рассмешить или польстить ее самолюбию, она отвечала: «Ah quel vous êtes, monsieur Pouschkine!»⁴⁵ Пушкин особенно ценил ее простодушную красоту и безответное сердце, не ведавшее никогда ни желаний, ни зависти... Смотря на Пульхерию, которой по наружности было около 18 лет, я несколь-

---

⁴⁵ «Ах, какой вы, господин Пушкин!» (фр.) – Ред.

ко раз покушался думать, что она есть совершеннейшее произведение не природы, а искусства. Все ее движения могли быть механическими движениями автомата; прекрасный, спокойный взор двигался вместе с головою; ее лицо и руки так были изящны, что мне казались они натянутою лайкою.

А. Ф. Вельтман. Воспоминания о Бессарабии. – Л. Н. Майков, с. 122.

Пушкин любил всех хорошеньких, всех свободных болтуний. Из числа первых ему нравилась *Марья Петровна Шрейбер*, 17-летняя дочь председателя врач. управы, но она отличалась особенной скромностью или, лучше сказать, застенчивостью; ее он видал только в клубах. Она скоро вышла замуж и уехала. К числу вторых принадлежала *Виктория Ивановна Вакар*, жена подполковника. Вакарша была маленького роста, чрезвычайно жива, вообще недурна и привлекательна, образованная в Одесском пансионе и неразлучная приятельница с Марьей Егоровной Эйхфельдт. Пушкин находил удовольствие с ней танцевать и вести нестесняющий разговор. Едва ли он не сошелся с ней и ближе, но, конечно, не надолго. В этом же роде была очень миленькая девица *Аника-Сандулаки*. Пушкин любил ее за резвость и, как говорил, за смуглость лица, которому он придавал какое-то особенное значение. Одна из более его интересовавших была *Елена Федоровна Соловкина*, жена командира Охотского полка. Она иногда приезжала в Кишинев к своей сестре.

Но все усилия Пушкина, чтоб познакомиться в доме, были тщетны... Как я полагаю, ни одна из всех бывших тогда в Кишиневе не могла породить в Пушкине ничего кроме временного каприза; и если он бредил иногда Соловкиной, то и это, полагаю, не по чему другому, как потому только, что не успел войти в ее дом, когда она по временам приезжала в Кишинев.

И. П. Липранди, стб. 1234–1235, 1246.

Я живу в стране, в которой долго бродил Назон. Ему бы не должно было так скучать в ней, как говорит предание. Все хорошенькие женщины имеют здесь мужей; кроме мужей – чичисбеев, а кроме их – еще кого-нибудь, чтобы не скучать.

Пушкин – П. В. Нащокину, в 1821 (?) г., из Бессарабии. – Северное Обозрение, 1849, т. I, с. 867. Цит. по: Кр. Нива, 1929, № 24, с. 14.

(1821.) Пушкин ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство, но даже и правительство.

Из донесений секретных агентов. Рус. Стар., 1883, т. 40, с. 657.

(В ноябре 1819 г. в Петербурге Пушкин занял у барона С. Р. Шиллинга 2000 р. асе, сроком на шесть месяцев и выдал ему заемное письмо. Права этого заемного письма бар. Шиллинг передал дворовому человеку Ф. М. Росину. Росин

подал письмо ко взысканию. Пушкин в это время был уже на Юге России.) Кишиневская полиция донесла бессарабскому областному правительству, от 18 июня 1821 г., за № 4071, что на требование от Пушкина должных им Росину денег 2000 руб. Пушкин дал следующий отзыв: «Проиграв заемное письмо бар. Шиллингу, будучи еще в несовершеннолетних летах и не имея никакого состояния движимого или недвижимого, находится не в состоянии заплатить того заемного письма».

Л. С. Мацевич. Рус Стар., 1878, т. 22, с. 498–502.

Пушкин больше не корчит из себя жестокого, он очень часто приходит к нам курить свою трубку и рассуждает или болтает очень приятно.

Е. Н. Орлова – своему брату А. Н. Раевскому, 12 ноября 1821 г., из Кишинева. – М. О. Гершензон. История молодой России. М., 1908, с. 27.

Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек – вечный мир аббата Сен-Пьера. Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир, и что тогда не будет проливаться иной крови, как только кровь людей с сильными характерами и страстями, с предприимчивым духом, которых мы теперь называем великими людьми, а тогда будут считать лишь нарушителя-

ми общественного спокойствия. Я хотела бы видеть, как бы ты сцепился с этими спорщиками.

Е. Н. Орлова – А. Н. Раевскому, 23 ноября 1821 г. – Там же, с. 27.

После обеда иногда ездю верхом. Третьего дня поехал со мною Пушкин и грохнулся оземь. Он умеет ездить только на Пегасе да на донской кляче.

М. Ф. Орлов – жене Е. Н. Орловой, в 1821–1822 г. – Там же, с. 28.

(Декабрь 1821 г. Поездка Пушкина с подполковником И. П. Липранди по Бессарабии. В Аккермане, на обеде у коменданта аккерманского замка подполк. Кюрто, петербургского знаконца Пушкина.) Все обедавшие не прочь были, как говорится, погулять, и хозяин подавал пример гостям своим. Пушкин то любезничал с пятью здоровенными и не первой уже молодости дочерьми хозяина, которых увидал в первый раз; то подходил к столикам, на которых играли в вист, и, как охотник, держал пари, то брал свободную колоду и, стоя у стола, предлагал кому-нибудь срезать (в штосе); звонкий смех его слышен был во всех углах.

Когда я приехал с Пушкиным в Аккерман прямо к полковнику А. Г. Непенину и назвал своего спутника, то после самого радушного приема Пушкину, Непенин спросил меня вполголоса, но так, что Ал. Серг. мог услышать: «Что это,

тот Пушкин, который написал *Бюянова*?» После обеда, за который тотчас сели, Пушкин подошел ко мне, как бы оскорбленный вопросом Непенина, и наградил его многими эпитетами. Тут нельзя было много объясняться с ним; но когда мы пришли после ужина в назначенную нам комнату, Пушкин возобновил опять о том же речь, называя Непенина необтесанным, невеждою и т.п., присовокупив, что Непенин не сообразил даже и лет его с появлением помянутого рассказа и пр. На вопрос мой, что разве пьеса эта так плоха, что он может за нее краснеть? «Совсем не плоха, отвечал он, она оригинальна и лучшее из всего того, что дядя написал». — «Так что же; пускай Непенин и думает, что она ваша». Пушкин как будто успокоился; он сказал только: «Как же полковник и еще георгиевский кавалер не мог сообразить моих лет с появлением рассказа!» Мы легли. После некоторого молчания он возобновил опять разговор о Непенине и присовокупил, что ему говорили и в Петербурге, что лет через 50 никто не поверит, чтобы Василий Львович мог быть автором «Опасного соседа», и стихотворение это припишется ему. Я заметил, что поэтому нечего сердиться и на Непенина, который прежде пятидесяти лет усвоил уже это мнение. Пушкин проговорил несколько мест из стихотворения, и мы заснули. Поутру он встал очень веселым и сердился на Непенина только за то, что он не сообразил его лет... Пушкин охотно, как замечено было выше, входил в спор по всем предметам, но не всегда терпел какие-либо замечания о своих стихах.

В Татар-Бунар мы приехали с рассветом и остановились отдохнуть и пообедать. Пока нам варили курицу, Пушкин что-то писал, по обычаю, на маленьких лоскутках бумаги и как ни попало складывал их по карманам, вынимал, опять просматривал и т. д.

(В Измаиле.) Я возвратился в полночь, застал Пушкина на диване с поджатыми ногами, окруженного множеством лоскутков бумаги. Он подобрал все кое-как и положил под подушку... Опорожнив графин Систовского вина, мы уснули. Пушкин проснулся ранее меня. Открыв глаза, я увидел, что он сидел на вчерашнем месте, в том же положении, совершенно еще не одетый, и лоскутки бумаги около него. В этот момент он держал в руке перо, которым как бы бил такт, читая что-то; то понижал, то подымал голову. Увидев меня проснувшимся же, он собрал свои лоскутки и стал одеваться.

(В гор. Леове, у казачьего полковника.) Довольно уставши, мы выпили по порядочной рюмке водки и напали на соленья; Пушкин был большой охотник до балыка. Обед состоял только из двух блюд: супа и жаркого, но зато вдоволь прекрасного донского вина... *(Выехали за город.)* Прошло, конечно, полчаса времени, как мы оставили Леово, как вдруг Ал. Серг. разразился ужасным хохотом, так что вначале я подумал, не болезненный ли какой с ним припадок. «Что такое так веселит вас?» – спросил я его. Приостановившись немного, он отвечал мне, что заметил ли я, каким обедом нас угостили, и опять тот же хохот. Я решительно ничего не

понимал. Наконец он объяснил мне, что суп был из куропаток, а жаркое из курицы. «Я люблю казаков за то, что они не придерживаются во вкусах общепринятым правилам. У нас, да и у всех, сварили бы суп из курицы, а куропатку бы зажарили, а у них наоборот!» – и опять залился хохотом.

И. П. Липранди, стб. 1271, 1273, 1280, 1283, 1452–1453.

К числу некоторых противоречий во вседневной жизни Пушкина я присовокупляю еще одну замечательную черту: это неограниченное самолюбие, самоуверенность, но с тою резкою особенностью, что оно не составляло основы его характера, ибо там, где была речь о поэзии, он входил в жаркий спор, не отступая от своего мнения. Другой предмет, в котором Пушкин никому не уступал, это готовность на все опасности. Тут он был неподражаем. В других же случаях этот яро-самопризнающий свой поэтический дар и всегдашнюю готовность стать лицом со смертью, смирялся, когда шел разговор о каких-либо науках, в особенности географии и истории, и легким, ловким спором как бы вызывал противника на обогащение себя сведениями; в таких беседах Пушкин хладнокровно переносил иногда довольно резкие выходки со стороны противника и, занятый только мыслью обогатить себя сведениями, продолжал обсуждение предмета... Относительно самолюбия Пушкина к своему поэтическому дару, то оно проявлялось во всех случаях пребывания его в Кишиневе и Одессе; не говоря уже о том, что он сам любил срав-

нивать себя с Овидием, но он любил, когда кто хвалил его сочинения и прочитывал ему из них стих или два.

Однажды с кем-то из греков в разговоре упомянуто было о каком-то сочинении. Пушкин просил достать ему. Тот с удивлением спросил его: «Как! Вы поэт, и не знаете об этой книге?» Пушкину показалось это обидно, и он хотел вызвать возразившего на дуэль. Решено было так: когда книга была ему доставлена, то он, при записке, возвратил оную, сказав, что эту он знает и пр. После сего мы условились: если что нужно будет, а у меня того не окажется, то доставать буду на свое имя.

Я заметил, что Пушкин всегда после спора о каком-либо предмете, мало ему известном, искал книг, говорящих об оном.

Не знаю как после, но тогда Пушкин обходился очень небрежно с лоскутками бумаги, на которых имел обыкновение писать.

Там же, стб. 1245, 1261, 1408, 1446–1447.

Значительную долю времени Пушкин отдавал картам. Тогда игра была в большом ходу, и особливо в полках. Пушкин не хотел отставать от других: всякая быстрая перемена, всякая отвага была ему по душе; он пристрастился к азартным играм и во всю жизнь потом не мог отстать от этой страсти. Она разжигалась в нем надеждою и вероятностью внезапно-го большого выигрыша, а денежные дела его были, особенно

тогда, очень плохи. За стихи он еще ничего не выручал, и приходилось жить жалованием и скудными присылками из родительского дому. Играть Пушкин начал, кажется, еще в лицее; но скучная, порою, жизнь в Кишиневе сама подводила его к зеленому столу.

П. И. Бартенев. Пушкин в Южной России, с. 100.

(Замечание на приведенное сообщение Бартенева.) Сколько я понимал Пушкина, – то я думал видеть в нем всегда готового покутить за стаканами, точно так же, как принимать участие и в карточной игре, не будучи особенно пристрастным ни к тому, ни к другому. Одинаково и во всех других общественных случаях, во всем он увлекался своею пылкостью; там, где танцевали, он от всей души предавался пляске; где был легкий разговор, он был неистощим в островах; с жаром вступал в разговор, и в жарких спорах его проглядывал скорее вызов для приобретений сведений, в необходимости которых он более и более убеждался. Самолюбие его было без пределов: он ни в чем не хотел отставать от других, как очень справедливо и замечено. Словом, и во всем обнаруживалась африканская кровь его.

И. П. Липранди, стб. 1412.

Играли обыкновенно в штосе, в экарте, но всего чаще в банк. Однажды Пушкину случилось играть с одним из братьев Зубовых – офицером генерального штаба. Он заметил,

что Зубов играет «наверное», и, проиграв ему, по окончании игры, очень равнодушно и со смехом стал говорить другим участникам игры, что ведь нельзя же платить такого рода проигрыши. Слова эти разнеслись, вышло объяснение, и Зубов вызвал Пушкина драться. Противники отправились на т. наз. *малину*, виноградник за Кишиневом. Пушкина не легко было испугать; он был храбр от природы и старался воспитывать в себе это чувство. По свидетельству многих, и в том числе В. П. Горчакова, бывшего тогда в Кишиневе, на поединок с Зубовым Пушкин явился с черешнями и завтракал ими, пока тот стрелял. Зубов стрелял первый и не попал. «Довольны вы?» – спросил его Пушкин, которому пришел черед стрелять. Вместо того, чтобы требовать выстрела, Зубов бросился с объятиями. «Это лишнее», – заметил ему Пушкин и, не стреляя, удалился. (В исходе 1821 г.)

П. И. Бартенев. Пушкин в Южной России, с. 101–103.

(*Замечание на предыдущее.*) Сказано, что поединок происходил «в исходе 1821 года»: но в это время в Кишиневе черешен не бывает, – это первый весенний плод... Меня в то время в Кишиневе не было, но присутствие духа Пушкина на этом поединке меня не удивляет: я знал Ал. Серг-ча вспыльчивым, иногда до исступления; но в минуту опасности, словом, когда он становился лицом к лицу со смертью, когда человек обнаруживает себя вполне, Пушкин обладал в высшей степени невозмутимостью при полном сознании

своей запальчивости, виновности, но не выражал ее. Когда дело дошло до барьера, к нему он являлся холодным, как лед. Подобной натуры, как у Пушкина, в таких случаях я встречал очень немного. Эти две крайности в той степени, как они соединились у Ал. С-ча, должны быть чрезвычайно редки.

И. П. Липранди, стб. 1412.

Ал. Сер-ч всегда восхищался подвигом, в котором жизнь ставилась, как он выражался, на карту. Он с особенным вниманием слушал рассказы о военных эпизодах; лицо его краснело и изображало радость узнать какой-либо особенный случай самоотвержения; глаза его блистали, и вдруг часто он задумывался. Могу утвердительно сказать, что он создан был для поприща военного, и на нем, конечно, он был бы лицом замечательным; но, с другой стороны, едва ли к нему не подходят слова императрицы Екатерины II, что она «в самом младшем чине пала бы в первом же сражении на поле славы»... Дуэли особенно занимали Пушкина.

Там же, стб. 1453–1455.

На Святках (1821–1822 г.) Кишинев особенно оживлялся, и Пушкин не пропустил случая потанцевать и повеселиться. Но вскоре ему опять пришлось драться. На этот раз противником его был человек достойный и всеми уважаемый, – командир егерского полка, О Н. Старов, известный в армии своею храбростью в отечественную войну и в заграничных

битвах. Дело было так. На вечере в кишиневском казино, которое служило местом общественных собраний, один молодой егерский офицер приказал музыкантам играть русскую кадрили; но Пушкин еще раньше условился с А. П. Полторацким начинать мазурку, захлопал в ладоши и закричал, чтобы играли ее. Офицер-новичок повторил было свое приказание, но музыканты послушались Пушкина, которого они давно знали, даром, что он был не военный, и мазурка началась. Полковник Старов все это заметил и, подозревая офицера, советовал ему требовать, чтоб Пушкин, по крайней мере, извинился перед ним. Застенчивый молодой человек начал мяться и отговаривался тем, что он вовсе незнаком с Пушкиным. «Ну, так я за вас поговорю», – возразил полковник и после танцев подошел к Пушкину с вопросами, вследствие которых на другой день положено было быть поединку.

Они стрелялись верстах в двух за Кишиневом, утром в девять часов. Секундантом Пушкина был Н. С. Алексеев. Но погода помешала делу; противники два раза принимались стрелять, и, стало быть, вышло четыре промаха; метель с сильным ветром не давала возможности прицелиться, как должно. Положили отсрочить поединок, и тут-то Пушкин, по дороге заехав к А. П. Полторацкому и не застав его дома, написал экспромт, сделавшийся известным по всей России и повторяемый с разными изменениями:

Я жив.

Старов
Здоров,
Дуэль не кончен.

К счастью, поединок не возобновился. Полторацкому и Атексеевым удалось свести противников в ресторации Николетти. «Я всегда уважал вас, полковник, и потому принял ваш вызов», – сказал Пушкин. – «И хорошо сделали, Ал. Серг-ч, – сказал в свою очередь Старов, – я должен сказать по правде, что вы так же хорошо стоите под пулями, как хорошо пишете». Такой отзыв храброго человека, участника 1812 г., не только обезоружил Пушкина, но привел его в восторг. Он кинулся обнимать Старова и с этих пор считал долгом отзываться о нем с великим уважением.

П. И. Бартенев. Пушкин в Южной России, с. 106–108.

(Подробности дуэли со Старовым.) Погода была ужасная: метель до того была сильна, что в нескольких шагах нельзя было видеть предмета, и к этому довольно морозно... Первый барьер был на шестнадцать шагов: Пушкин стрелял первый и дал промах, Старов тоже и просил зарядить и сдвинуть барьер; Пушкин сказал: «И гораздо лучше, а то холодно». Предложение секундантов прекратить было обоими отвергнуто. Мороз с ветром, как мне говорил Алексеев, затруднял движение пальцев при зарядении. Барьер был определен – на двенадцать шагов, и опять два промаха. Оба противни-

ка хотели продолжать, сблизив барьер, но секунданты решительно воспротивились, и так как нельзя было примирить их, то поединок отложен до прекращения метели.

Вечером Пушкин был у меня, как ни в чем не бывало, так же весел, такой же спорщик со всеми, как и прежде. В следующий день, рано, я должен был уехать в Тирасполь и на другой день вечером, возвратясь, узнал миролюбивое окончание дела, и мне казалось тогда видеть будто бы какое-то тайное сожаление Пушкина, что ему не удалось подраться с полковником, известным своею храбростью. Однажды как-то Алексеев сказал ему, что ведь дрался с ним, то чего же он хочет больше, и хотел было продолжать, но Пушкин, с обычной ему резвостью, сел ему на колени и сказал: «Ну, не сердись, не сердись, душа моя!» – и, вскочив, посмотрел на часы, схватил шапку и ушел.

И. П. Липранди, стб. 1419–1421.

Публика по поводу этой дуэли распустила слухи: одни утверждали, что Старов просил извинения; другие то же самое взваливали на Пушкина, а были и такие храбрецы на словах, которые втихомолку твердили, что так дуэли не должны кончаться. – Дня через два после примирения Пушкин как-то зашел к Николетти и, по обыкновению, с кем-то принялся играть на бильярде. В той комнате находилось несколько человек туземной молодежи, которые, собравшись в кружок, о чем-то толковали, – вполголоса, но так,

что слова их не могли не доходить до Пушкина. Речь шла об его дуэли со Старовым. Они превозносили Пушкина и порицали Старова. Пушкин вспыхнул, бросил кий и прямо и быстро подошел к молодежи. «Господа, – сказал он, – как мы кончили со Старовым, это наше дело, но я вам объявляю, что если вы позволите себе осуждать Старова, которого я не могу не уважать, то я приму это за личную обиду, и каждый из вас будет отвечать мне, как следует!» Молодежь начала извиняться, обещая вполне исполнить его желание. Пушкин вышел от Николетти победителем.

В. П. Горчаков. Воспоминание о Пушкине. – Книга воспоминаний о Пушкине. М.: Мир, 1931, с. 198.

Верстах в двух от Кишинева, на запад, есть урочище посреди холмов, называемое Малиной, – только не от русского слова «малина»: здесь городские виноградные и фруктовые сады. Это место как будто посвящено обычаем «полю». Подъехав к саду, лежащему в вершине лоцины, противники восходят на гору по извивающейся между виноградными кустами тропинке. На лугу под сенью яблонь и шелковиц, близ дубовой рощицы, стряпчие вымеряют поле, а между тем подсудимые сбрасывают с себя платье и становятся на место. Здесь два раза «полевал» и Пушкин, но, к счастью, дело не доходило даже до первой крови, и после первых выстрелов его противники предлагали мир, а он принимал его. Я не был стряпчим, но был свидетелем издали одного «по-

ля», и признаюсь, что Пушкин не боялся пули точно так же, как и жала критики. В то время как в него целили, казалось, что он, улыбаясь сатирически и смотря на дуло, замышлял злую эпиграмму на стрельца и на промах.

А. Ф. Вельтман. Воспоминания о Бессарабии. – Л. Н. Майков, с. 126.

Между кишиневскими помещиками-молдаванами, с которыми вел знакомство Пушкин, был некто Балш. Жена его, еще довольно молодая женщина, везде вывозила с собою, несмотря на ранний возраст, девочку-дочь, лет 13. Пушкин за нею ухаживал. Досадно ли это было матери или, может быть, она сама желала слышать любезности Пушкина, только она за что-то рассердилась и стала к нему придиратся. Тогда в обществе много говорили о какой-то ссоре двух молдаван: им следовало драться, но они не дрались. «Чего от них требовать, – заметил как-то Липранди, – у них в обычае нанять несколько человек да их руками отдубасить противника». Пушкина очень забавлял такой легкий способ отмщения. Вскоре, у кого-то на вечере, в разговоре с женою Балша, он сказал: «Экая тоска! Хоть бы кто нанял подраться за себя». Молдаванка вспыхнула. «Да вы деритесь лучше за себя», – возразила она. – «Да с кем же?» – «Вот, хоть с Старовым: вы с ним, кажется, не очень хорошо кончили». На это Пушкин отвечал, что если бы на ее месте был ее муж, то он сумел бы поговорить с ним; потому ничего не остается боль-

ше делать, как узнать, так ли и он думает. Прямо от нее Пушкин идет к карточному столу, за которым сидел Балш, вызывает его и объясняет, в чем дело. Балш пошел расспросить жену, но та ему отвечала, что Пушкин наговорил ей дерзостей. «Как же вы требуете от меня удовлетворения, а сами позволяете себе оскорблять мою жену», – сказал возвратившийся Балш. Слова эти были произнесены с таким высокомерием, что Пушкин не вытерпел, тут же схватил подсвечник и замахнулся им на Балша. Подоспевший Н. С. Алексеев удержал его... На другой день, по настоянию Крупянского и П. С. Пущина (который командовал тогда дивизией за отъездом Орлова), Балш согласился извиниться перед Пушкиным, который нарочно для того пришел к Крупянскому. Но каково же было Пушкину, когда к нему явился, в длинных одеждах своих, тяжелый молдаванин и вместо извинений начал: «Меня упростили извиниться перед вами. Какого извинения вам нужно?» Не говоря ни слова, Пушкин дал ему пощечину и вслед за тем вынул пистолет. Прямо от Крупянского Пушкин пошел на квартиру к Пущину, где его видел В. П. Горчаков, бледного, как полотно, и улыбающегося. Инзов посадил его под арест на две недели; чем дело кончилось, не знаем. Дуэли не было, но еще долго после этого Пушкин говорил, что не решается ходить без оружия на улицах, вынимал пистолет и с хохотом показывал его встречным знакомым.

П. И. Бартенев со слов В. П. Горчакова. Пушкин в Южной

Происшествие с Тодораки Балшем и женой его Марьей случилось скоро после 4 февраля 1822 г. Столкновение произошло у того же Крупянского, у которого потом и последовала развязка. Марья Балш была женщина лет под тридцать, довольно пригожа, чрезвычайно остра и словоохотлива, владела хорошо французским языком и с претензиями. Пушкин был также не прочь поболтать, и должно сказать, что некоторое время это и можно было только с ней одной. Он мог иногда доходить до речей весьма свободных, что ей очень нравилось, и она в этом случае не оставалась в долгу. Действительно ли Пушкин имел на нее такие виды или нет, сказать трудно: в таких случаях он был переметчив и часто, без всяких целей, любил болтовню и материализм; но как бы то ни было, Марья принимала это за чистую монету. В это время появилась в салонах некто Албрехтша, она была годами двумя старше Балш, но красивей, с свободными европейскими манерами; много читала романов, многие проверяла опытом и любезностью своею поставила Балш на второй план; она умела поддерживать салонный разговор с Пушкиным и временно увлекала его. У Балш породилась ревность: она начала делать Пушкину намеки и, получив однажды от него отзыв, что женщина эта (Албрехтша) – историческая (?) и пылкой страсти, надулась и искала колоть Пушкина. Он стал с нею сдержаннее и вздумал любезничать с ее дочерью Ани-

кой, столь же острой на словах, как и мать ее, но любезничал так, как можно было только любезничать с 12-летним ребенком. Оскорбленное самолюбие матери и ревность к Албрехтше (она приняла любезничанье с ее дочерью-ребенком в смысле, что будто бы Пушкин желал этим показать, что она имеет уже взрослую дочь) вспыхнули: она озлобилась до безграничности. В это-то самое время и последовала описанная сцена... Когда я возвратился в Кишинев, то Пушкин не носил уже пистолета, а вооружался железной палкой восемнадцать фунтов весу.

И. П. Липранди, стб. 1422–1424.

1822 г., 5 февраля, в 9 час. пополудни, кто-то постучался у моих дверей. Арнаут, который стоял в безмолвии предо мною, вышел встретить или узнать, кто пришел. Я курил трубку, лежа на диване. «Здравствуй, душа моя», – сказал Пушкин весьма торопливо и изменившимся голосом. – «Здравствуй, что нового?» – «Новости есть, но дурные; вот почему я прибежал к тебе». – «Доброго я ничего ожидать не могу после бесчеловечных пыток Сабанеева⁴⁶; но что такое?» – «Вот что, – продолжал Пушкин. – Сабанеев сейчас уехал от генерала (*Инзова*); дело шло о тебе. Я не охотник подслушивать, но слыша твое имя, часто повторяемое, признаюсь, согрешил, – приложил ухо. Сабанеев утверждал, что

---

⁴⁶ Эти слова относятся, вероятно, к следствию, которое производил (генерал) Сабанеев над нижними чинами одной роты.

тебя надо непременно арестовать; наш Инзушко, – ты знаешь, как он тебя любит, – отстаивал тебя горячо. Долго еще продолжался разговор: я много не дослышал; но из последних слов Сабанеева ясно уразумел, что ему приказано: ничего нельзя открыть, пока ты не арестован».

В. Ф. Раевский по записи *Л. (Л. Ф. Пантелеева)*. – Вестн. Европы, 1874, № 6, с. 857.

Кишиневский Пушкин ударил в рожу одного боярина и дрался на пистолетах с одним полковником, но без кровопролития. В последнем случае вел он себя, сказывают, хорошо. Написал кучу прелестей: денег у него ни гроша... Он, сказывают, пропадает от тоски, скуки и нищеты.

А. И. Тургенев – кн. *П. А. Вяземскому*, 30 мая 1822 г. – Ост. Арх., т. II, с. 257.

(12 июня 1822 г., понедельник.) ...Когда жар поспал немного, пошли в сад, где нынче было довольно: семейство Ралли, Пушкин, Катаржи и я. Из саду отправились все к Стамати, где составился небольшой бал; под фортепиано танцевали мазурку, экосез, кадрили и вальсы, и было очень весело; потом дрался я с Пушкиным на рапирах и получил от него удар очень сильный в грудь. Часу в одиннадцатом распростились.

(15 июня, четверг). – Вечером был в саду, довольно поздно, застал Катаржи и Пушкина, с обоими познакомились по-

короче, – и опять дрались на эспадронах с Пушкиным, он дерется лучше меня и следственно бьет. Из сада были у Симфераки, и тут мы уже хорошо познакомились с Пушкиным. Он выпущен из лица, имеет большой талант писать. Известные сочинения его «Ода на вольность», «Людмила и Руслан», также «Черная шаль»; он много писал против правительства и тем сделал о себе много шуму, его хотели послать в Сибирь или Соловецкий монастырь, но государь простил его и, как он прежде просился еще в южную Россию, то и послал его в Кишинев с тем, чтобы никуда не выезжал. В первый раз приехал он сюда с обритой головой и успел уже ударить в рожу одного молдавана. Носились слухи, что его высекли в Тайной канцелярии, но это вздор. В Петербурге имел он за это дуэль. Также в Москву этой зимой хочет он ехать, чтобы иметь дуэль с одним графом Толстым, Американцем, который главный распускает эти слухи. Как у него нет никого приятелей в Москве, то я предложил быть его секундантом, если этой зимой буду в Москве, чему он очень обрадовался. Пробыли мы часу до двенадцатого у Симфераки.

Ф. Н. Лугинин (прапорщик). Дневник. – Литер. наследство, 1934, т. 16–18, с. 673.

Пушкин по приезде в Кишинев жил в доме наместника (*Инзова*). От землетрясения стены дома треснули, раздалось в нескольких местах; генерал принужден был выехать из дома, но Пушкин остался в нижнем этаже. Тогда в Пушкине

было еще несколько странностей, быть может, неизбежных спутников гениальной молодости. Он носил ногти длиннее ногтей китайских ученых. Пробуждаясь от сна, он сидел голый в постели и стрелял из пистолета в стену. Но уединение посреди развалин наскучило ему, и он переехал жить к Алексееву. Утро посвящал он вдохновенной прогулке за город с карандашом и листом бумаги; по возвращении лист был весь исписан стихами.

А. Ф. Вельтман. Воспоминания о Бессарабии. – Л. Н. Майков, с. 124.

Возвратясь в июле 1822 г. в Кишинев, после четырехмесячной отлучки, я нашел уже Пушкина переместившимся от Инзова (по случаю пострадавшей от землетрясения квартиры) к Н. С. Алексееву, жившему тогда рядом с гостиницей Ивана Николаевича Наумова... Пушкина мы застали без рубашки, сидящего на постели с поджатыми ногами и по обыкновению окруженного исписанными листочками бумаги... Пушкин и Алексеев занимали средней величины комнату направо от сеней, налево была комната хозяйкина.

И. П. Липранди, стб. 1481.

Милый мой, ты возвратил меня Бессарабии. – Я опять в своих развалинах, в моей темной комнате перед решетчатым окном или у тебя, мой милый, в светлой, чистой избушке, смазанной из молдавского г..на. Опять рейнвейн, опять шам-

панское, и Пушкин, и Варфоломей и все...

Пушкин – Н. С. Алексееву, 1 дек. 1826 г., из Пскова.

Пушкин был еще совсем молод. Был он не то что черный, а так, смуглый, загоревший. Был добрый, хороших правил, а только шалун. Я, бывало, говорю ему: «Вы настоящее дитя!» А он меня называл розою в шиповнике. Бывало говорю ему: «Вы будете ревнивы». А он: «Нет, нет! никогда!» Говорит нам, бывало, стихи экспромтом. Бывало, Пушкин часто гулял в городском саду. Но всякий раз он переодевался в разные костюмы. Вот уж смотришь, – Пушкин серб или молдаван, а одежду ему давали знакомые дамы. Молдаваны тогда рясы носили. В другой раз смотришь – уже Пушкин турок, уже Пушкин жид, так и разговаривает, как жид. А когда же гуляет в обыкновенном виде, в шинели, то уж непременно одна пола на плече, а другая тянется по земле. Это он называл: по-генеральски. В Митрополию также часто приезжал с Инзовым на богослужение. Инзов станет впереди, возле клироса, а Пушкин сзади, чтобы Инзов не видел его. А он станет, бывало, на колена, бьет поклоны, – а между тем делает гримасы знакомым дамам, улыбается или машет пальцем возле носа, как будто за что-нибудь журит или предостерегает.

Дядя Ириней часто ездил к Инзову в дом. Инзов просил дядю, чтоб он почаще беседовал с Пушкиным и наставлял его. Раз, в Страстную пятницу, входит дядя в комнату Пушкина, а он сидит и что-то читает. «Чем это вы занима-

етесь?» – спросил его дядя, поздоровавшись. – «Да вот, читаю историю одной особы», – или нет, помню, еще не так он сказал, – не особы, а «читаю, говорит, историю одной статуи». (Да, именно так передавала этот факт П. В. Дыдицкая. Впродолжение трех лет, через длинные промежутки, я все просил ее повторить этот рассказ, и она все говорила одно: «Историю одной статуи». Что хотел выразить этим Пушкин?!) Дядя посмотрел на книгу, а это было евангелие! Дядя очень вспылал и рассердился. «Как вы смеете это говорить? Вы безбожник. Я на вас сейчас бумагу подам!..» На другой день Пушкин приезжает в семинарию и ко мне: «Так и так, – говорит, – боюсь, чтобы ваш дядя не донес на меня... Попросите вашего дядю». – «Зачем же вы, – говорю, – так нехорошо сделали?» – «Да так, – говорит, – само как-то с языка слетело». Тогда я начала его успокаивать. «Не бойтесь, – говорю, – я попрошу дядю. Дядя мой только горячий человек, а он очень добрый». И Пушкин успокоился. А то он очень, было, испугался: он, действительно, боялся, чтобы дядя не донес. Он все хотел, чтобы ему скорее срок вышел, и все рвался выехать из Кишинева. Тут ему было скучно. «Не нравится мне тут», – говорил он.

П. В. Дыдицкая (племянница ректора кишиневской семинарии архимандрита Иринейя) по записи *Л. С. Мацевича*. – В. А. Яковлев. Отзывы, с. 72, 74.

Более или менее я был влюблен во всех хорошеньких жен-

щин, которых я знал; все изрядно кичились передо мною; все, за исключением одной, со мной кокетничали.

Пушкин. Из записной книжки т. наз. Тарасенкова-Отрешкова. 1822 г. (*фр.*)

Невзирая на обычную веселость, Пушкин предавался любви со всею ее задумчивостью, со всем ее унынием. Предметы страсти менялись в пылкой душе его, но сама страсть ее не оставляла. В Кишиневе долго занимала его одна из трех красивых пар ножек наших соотечественниц.

Л. С. Пушкин. Биограф. изв. об А. С. Пушкине. – Л. Н. Майков, с. 8.

К 1822 году относится временное сближение Пушкина с одним греческим семейством. Это была известная в Кишиневе Калипсо, приехавшая из Константинополя вместе с матерью своею Полихронией. Про Калипсо ходили слухи, будто она когда-то встретилась с лордом Байроном и впервые познала любовь в его объятиях.

П. И. Бартенев. Пушкин в Южной России, с. 136.

Калипсо была чрезвычайно маленького роста, с едва заметной грудью; длинное сухое лицо, всегда, по обычаю некоторых мест Турции, нарумяненное; огромный нос как бы сверху донизу разделял ее лицо; густые длинные волосы, с огромными огненными глазами, которым она еще более при-

давала сладострастия употреблением «сурьме». Она нанимала две маленьких комнаты около Мило. В обществах она мало показывалась, но дома радушно принимала. Пела она на восточный тон, в нос; это очень забавляло Пушкина, в особенности турецкие сладострастные, заунывные песни, с аккомпанементом глаз, а иногда жестов. Пушкин не был влюблен в Калипсу; были экземпляры несравненно лучше.

И. П. Липранди, стб. 246.

Калипсо была невысока ростом, худощава, и черты у нее были правильные; но природа с бедняжкой захотела сыграть дурную шутку, посреди приятного лица ее прилепив ей огромный ястребиный нос. Несмотря на то, она многим нравилась. У нее был голос нежный, увлекательный, не только, когда она говорила, но даже когда с гитарой пела ужасные, мрачные турецкие песни. Исключая турецкого и природного греческого, хорошо знала она еще языки арабский, молдавский, итальянский и французский. Ни в обращении ее, ни в поведении не видно было ни малейшей строгости. Пушкин горел к ней любовным жаром. Воображение пуще разгоряченно было в нем мыслию, что лет пятнадцати будто бы впервые познала она страсть в объятиях Байрона, путешествовавшего тогда по Греции.

Ф. Ф. Вигель. Записки, т. VI, с. 153.

Генеральша Гартунг (*Гартинг*) в Кишиневе, дочь Стурд-

зы, господаря, и первая жена Гики, сын которого недавно был господарем, жила в разводе с мужем и не отличалась строгим поведением. У ней-то жила гречанка, о которой Пушкин писал в стихах. Гартунг приняла раз самого Данзаса в ванне. О еврейке, о которой часто упоминает Пушкин, он говорил, что это должна быть дочь одной из двух хозяек-жидовок, содержавших два трактира в Кишиневе. Она была недурна, но коса. Липранди часто бывал с Пушкиным, – он был тогда подполковником генерального штаба, потерял жену-француженку и выстроил ей богатую часовню, в которой часто уединялся. Он жил богато.

К. К. Данзас по записи П. В. Анненкова. – Б. Л. Модзалевский. Пушкин, с. 338.

Однажды Пушкин исчез и пропадал несколько дней. Дни эти он прокочевал с цыганским табором.

Л. С. Пушкин. Биограф. изв. об А. С. Пушкине. – Л. Н. Майков, с. 8.

* Однажды, – рассказывала мне тетушка Екатерина Захарьевна, – твой отец (*Конст. Зах. Ралли*) собрался посетить одно из отцовских имений – Долну. Между этим имением и другим, Юрченами, в лесу находится цыганская деревня. Цыгане этой деревни принадлежали твоему отцу. Однажды Пушкин поехал вместе с ним в Долну, а оттуда они потом проехали лесом в Юрчены и, конечно, посетили лесных цы-

ган. Табор этот имел старика *були-башу* (старосту), известного своим авторитетом среди цыган; у старика були-баши была красавица дочь. Ее звали Земфирой; она была высокого роста, с большими черными глазами и вьющимися длинными косами. Одевалась Земфира по-мужски, носила цветные шаровары, баранью шапку, вышитую молдавскую рубашку и курила трубку. Богатое ожерелье из старых серебряных и золотых монет, окружавшее шею этой дикой красавицы, конечно, было даром не одного из ее поклонников. Пушкин до того был поражен красотой цыганки, что упросил твоего отца остаться на несколько дней в Юрчене. Они пробыли там более двух недель, ушли в цыганский табор, который откочевал к Варзарештам... Недели через две наши молодые люди вернулись. Брат рассказал нам, что Ал. Сер-ч бросил его и настоящим-таки образом поселился в шатре були-баши. По целым дням он и Земфира бродили в стороне от табора, и брат видел их держащимися за руки и молча сидящими среди поля. Цыганка Земфира не знала по-русски. Пушкин не знал, конечно, ни слова по-цыгански, так что они оба, вероятно, объяснялись пантомимами. Если бы не ревность Пушкина, который заподозрил Земфиру в некоторой склонности к одному молодому цыгану, – говорил брат нам, – то эта идиллия затянулась бы еще на долгое время, но ревность положила всему самый неожиданный конец. В одно раннее утро Пушкин проснулся в шатре були-баши один-одинешенек, Земфира исчезла из табора. Оказалось, что она бежала в

Варзарешты, куда помчался за нею и Пушкин; однако ее там не оказалось, – благодаря, конечно, цыганам, которые предупредили ее... Отец твой писал Пушкину в Одессу про дальнейшую судьбу его героини: Земфиру зарезал ее возлюбленный цыган.

К. Ралли-Арборе со слов *Е. З. Стамо*. Из семейных воспоминаний о Пушкине. – *Минувшие Годы*, 1908, №7, с. 2–3.

К 1822 году следует отнести ту рукописную поэму, в сочинении которой Пушкин потом так горько раскаивался (*Гаврилади*). Пушкин всячески истреблял ее списки, выпрашивал, отнимал их и сердился, когда ему напоминали о ней. Уверяют, что он позволил себе сочинить ее просто из молодого литературного щегольства. Ему захотелось показать своим приятелям, что он может в этом роде написать что-нибудь лучше стихов Вольтера и Парни.

П. И. Бартенев со слов *П. В. Нащокина*, *В. П. Горчакова*, *С. Д. Полторацкого* и др. Пушкин в Южной России, с. 125.

Пушкина заставил Александр Раевский дать такой характер Пленнику. Он переводить ничего не может. Прекрасно дразнит обезьяну¹. Пишет стихи записест, однако марает много.

Д. В. Давыдов по записи *М. П. Погодина* в его дневнике от 16 окт. 1822 г. – Пушкин и его совр-ки, вып. XIX–XX, с. 68.

У Пушкина накопилось несколько золотых монет; он суеверно берег их и ни за что не хотел тратить, как бы ни велика была нужда.

П. И. Бартенев со слов *В. П. Горчакова*. Пушкин в Южной России, с. 169.

Во второй половине 1822 года с Пушкиным случилась опять история. Подробности нам неизвестны; но есть положительно свидетельство, что в это время Пушкин, опять за картами, повздоровивши с кем-то из кишиневской молодежи, снял сапог и подошвой ударил его в лицо.

П. И. Бартенев. Пушкин в Южной России, с. 126.

Для Марии (*Раевской*) русский чародей Пушкин написал свою прелестную поэму «Бахчисарайский Фонтан».

Гр. *Г. Олизар*. *Pamiętinki 1789–1865*. – *Gustaw Olizar* Lwow, 1892, с. 174 (*польск.*).

Ты, конечно, извинил бы мои легкомысленные строки, если б знал, как часто бываю подвержен так называемой хандре. В эти минуты я зол на целый свет.

Пушкин – П. А. Плетневу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.